

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

АЙЗЕК
АЗИМОВ

АКАДЕМИЯ
НАЧАЛО

Айзек Азимов

Академия. Начало

Серия «Галактическая история»

Серия «Академия»

Серия «Золотая коллекция фантастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68842209

Академия. Начало:

ISBN 978-5-04-181597-4

Аннотация

Два романа, которые предшествуют основной трилогии «Академия» Айзека Азимова.

Молодой ученый Хари Селдон открывает алгоритмы, позволяющие математически предсказывать общественное развитие. Он называет это психоисторией. А вот для императора Клеона Первого психоистория – возможность предсказывать и направлять развитие его Галактической империи. Именно поэтому Селдон, как главный теоретик психоистории, становится самым разыскиваемым человеком в колонизированной вселенной. Ему предстоит не только создать Академию, но и предотвратить политический кризис, который почти обрушил Галактическую империю.

«Эпическая история взлета и падения галактической империи будущего». – IO9

«Удивительный рассказ о том, как знание – понимание функционирования нашего общества – может изменить историю и сделать мир лучше». – THE GUARDIAN

«Роман показывает самого Азимова, олицетворенного в Селдоне. Огромный интеллект и интерес психоисторика, его беспокойство о будущем науки в темные времена, его разочарование перед лицом смерти – все это звучит особо остро и правдиво». – PUBLISHERS WEEKLY

«Увлекательный портрет уникального человека на фоне "взлета и падения галактической империи"». – LIBRARY JOURNAL

«Трогательное прощание великого фантаста». – KIRKUS REVIEWS

Содержание

Прелюдия к Академии	6
Глава 1	6
Глава 2	46
Глава 3	79
Глава 4	106
Глава 5	143
Глава 6	179
Глава 7	206
Глава 8	238
Глава 9	271
Глава 10	303
Конец ознакомительного фрагмента.	304

Айзек Азимов

Академия. Начало

Isaac Asimov

PRELUDE TO FOUNDATION

Copyright © 1988 by Nightfall, Inc.

Forward the Foundation

Copyright © 1993 by Nightfall, Inc.

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Прелюдия к Академии

Глава 1 **Математик**

КЛЕОН Первый – последний Император Галактики из династии Антунов. Родился в 11 988 г. ГЭ. В этом же году родился Гэри Селдон. (Считается, что дата рождения Селдона, точность которой у многих вызывает сомнения, приблизительно совпадает с датой рождения Клеона – с ним Селдон якобы познакомился вскоре после того, как впервые прибыл на Трентор.)

Заняв Имперский престол в 12 010 г. в возрасте двадцати двух лет, Клеон Первый правил Империей в промежуток времени, отличавшийся удивительным затишьем. Учитывая, сколь тревожны были времена, предшествовавшие воцарению Клеона, мир и спокойствие, отличавшие срок пребывания монарха на престоле, несомненно, стоит приписать его ловкому и умелому секретарю, Эдо Демерзелю, который столь старательно избегал упоминаний своего имени и деяний в прессе, что достоверных сведений о нем сохранилось крайне мало.

1

Подавив зевок, Клеон проговорил:

– Скажи, Демерзель, ты случайно не слышал о человеке по имени Гэри Селдон?

Клеон царствовал уже более десяти лет и порой, в особо важных случаях, облаченный в парадные одежды и при всех регалиях, ухитрялся-таки производить впечатление могущественного правителя. Ну, например, такого, каким выглядел на голографическом изображении, что красовалось в нише стены у него за спиной. Располагалось оно так, чтобы производить как можно более выгодное по сравнению с фигурами предков Клеона, скромно разместившимися в других нишах, впечатление.

Изображение, надо сказать, не совсем соответствовало действительности. Каштановые волосы Императора на деле были не такими густыми; правый уголок верхней губы был опущен, а левый приподнят. Непонятно, с какой стати, однако эти досадные мелочи в изображении отсутствовали. Вдо-

¹ Все приводимые цитаты из Галактической энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. АЭ Издательством Галактической энциклопедии на Терминусе, с разрешения издателей.

бавок, если бы Император встал рядом со своей статуей, рост которой составлял один метр восемьдесят три сантиметра, сразу стало бы заметно, что живой Клеон сантиметра на два пониже и не такой уж стройный.

Но изображение сделали тогда, когда Клеон еще только-только короновался, а в ту пору он был моложе. Он и теперь выглядел довольно-таки молодо, был красив, а в часы, свободные от официальных церемоний, лицо его порой озярялось человеческой добротой и мягкостью.

Демерзель с подчеркнутой вежливостью и уважением ответил:

– Гэри Селдон? Это имя, сир, мне незнакомо. Следует ли им заинтересоваться?

– Вчера вечером мне о нем рассказал министр науки. Вот я и подумал, что и ты, может, что-нибудь слышал.

Демерзель слегка нахмурился, едва заметно – поскольку хмуриться в присутствии Императора не дозволялось никому.

– Министру науки, сир, следовало бы прежде всего сообщить об этом человеке *мне* как Государственному секретарю. Да если каждый министр примется заваливать вас сообщениями...

Клеон приподнял руку, и Демерзель сразу же умолк.

– Ну-ну, Демерзель, порой можно пренебречь формальностями. Просто я столкнулся с министром на вчерашнем приеме, и стоило мне только сказать ему пару слов, как его

понесло. Не мог же я оборвать его, сам посудите. И знаешь, я не пожалел: то, что он рассказал, показалось мне довольно забавным.

– В каком роде забавным, сир?

– Ну, видишь ли, старые добрые времена, когда науки, и математика в частности, расцветали, давно канули в небытие. Может быть, все открытия уже совершены, как ты думаешь? И все-таки что-то интересное, оказывается, может случиться. По крайней мере, меня уверили, что это интересно, скажем так.

– Сир, министр науки вас уверил?

– Да. Он сказал мне, что Гэри Селдон выступил на конгрессе математиков здесь, на Тренторе, – они вроде бы за чем-то устраивают эти конгрессы каждые десять лет. Ну, так вот, он сказал мне, будто бы Селдон доказал, что можно предсказывать будущее – математически.

Демерзель позволил себе усмехнуться:

– Думаю, либо министр науки, как человек не слишком осведомленный, ошибается, либо же ошибается этот математик. Предсказание будущего – детские сказочки.

– Ты так думаешь, Демерзель? А ведь люди в такое верят.

– Люди много во что верят, сир.

– Однако раз они верят в *такое*, какая разница, верны ли предсказания? Если этот математик сумеет предсказать мое долгое и счастливое правление, и мир, и процветание Империи – хм-м-м... что тут дурного, спрашивается?

– Услышать такое предсказание приятно, спору нет, но что это даст, вот вопрос, сир?

– Что даст? Очень многое! Главное, чтобы народ поверил, вот и все. Масса пророчеств сбывалась только оттого, что в них верили. Назовем их «самосбывающимися пророчествами». Не ты ли, кстати, сам мне это и втолковал в свое время?

– Пожалуй, что я, сир, – согласился Демерзель. Он не спускал глаз с Императора, прикидывая, стоит ли вступать или, наоборот, дать монарху выговориться. – Но, если так, в пророки можно избрать кого угодно.

– О Демерзель, уверяю тебя, поверят далеко не всякому. А вот математика, который смог бы подтвердить свое пророчество кучей формул и снабдить его мудреной терминологией, вряд ли кто поймет, зато уж поверит ему, без сомнения, любой.

– Сир, – Демерзель почтительно наклонил голову, – в здравом смысле вам, как всегда, нет равных. Мы живем в тревожное время, и нет ничего более разумного, как превратить его в более спокойное, не прибегая при этом ни к деньгам, ни к оружию, – подобные попытки в прошлом ничего хорошего не принесли, скорее наоборот.

– Вот именно, Демерзель, – довольно кивнул Император. – Заполучи же этого Гэри Селдона. Ты не раз уверял меня в том, что в твоих руках все ниточки нашего мятущегося мира – даже такие, за какие я не в силах потянуть. Так потяни же за них и найди этого математика. Приведи его ко мне.

– Слушаюсь и повинуюсь, сир, – сказал Демерзель, который на самом деле уже положил глаз на Селдона и мысленно возблагодарил министра науки за то, что тот сделал работу за него.

2

Гэри Селдон в ту пору не производил сколько-нибудь внушительного впечатления. Он находился в том же возрасте, что и Император Клеон, – им обоим было по тридцать два; ростом Селдон вышел не слишком – метр семьдесят три сантиметра. Гладкая кожа, улыбочливое лицо, темные, почти черные волосы. По манере одеваться в нем безошибочно угадывался провинциал.

Впоследствии всякий, кому Гэри Селдон был известен не иначе как мифический полубог, легендарный герой, счел бы поистине святотатственным предложение представить этого человека без благородных сединок, морщин глубокой старости на лице, озаренном мудрой улыбкой, без инвалидного кресла. И, тем не менее, тогда Селдон был именно таков, каким тут описан.

От природы веселый и жизнерадостный, в эти дни он был особенно счастлив – ведь ему выпала великая честь сделать доклад на конгрессе. Это и само по себе можно было считать великой удачей, но, кроме того, его сообщение вызвало кое-какой интерес. Сам старик Остерфит кивнул ему и по-

хвалил: «Изобретательно, молодой человек. Весьма изобретательно». В устах Остерфита это звучало едва ли не высочайшей похвалой. Лучше не придумать.

А теперь события и вообще приняли совершенно неожиданный оборот, и Селдон, откровенно говоря, сам не знал, радоваться ему или огорчаться.

Перед ним стоял высокий молодой человек в военной форме. На его кителе – слева на уровне груди – красовалась эмблема «Звездолет и Солнце».

– Лейтенант Альбан Веллис, – представился офицер Императорской гвардии, пряча удостоверение. – Угодно ли вам будет последовать за мной, сэр?

Он, конечно же, был вооружен. За дверью стояли еще двое гвардейцев. Селдон понимал, что выбора у него нет, несмотря на «угодно ли», однако мог же он хотя бы поинтересоваться, в чем дело!

– К Императору? – спросил он.

– Во Дворец, сэр. Мне велено доставить вас во Дворец.

– Но зачем?

– Мне не объяснили, сэр. Но дали понять, что доставить вас туда я обязан – захотите вы этого или нет.

– Но это, пожалуй, больше похоже на арест, а я ничего противозаконного вроде бы не совершал.

– Я бы все расценил несколько иначе: представьте, что вам придан почетный эскорт, – то есть все будет выглядеть именно так, если вы отправитесь со мной сейчас же, без промед-

ления.

Селдон не стал спорить. Он только крепче сжал губы, чтобы не задавать лишних вопросов, кивнул и зашагал вперед. Никакой радости он не испытывал, пускай даже его ждала встреча с самим Императором и имперские почести. Он был готов служить Империи – то есть мирам, ее составляющим, их спокойствию и процветанию. Империи, да, но не Императору.

Лейтенант обогнал Селдона, а двое гвардейцев пошли следом. Селдон, шагая по коридору, улыбался встречным и старался не подавать виду, что у него что-то не так. Возле гостиницы стоял правительственный автомобиль. (Селдон не смог удержаться и провел ладонью по роскошной обивке сиденья – в таких машинах ему еще ездить не доводилось.)

Автомобиль пересекал один из самых фешенебельных районов Трентора. Здесь купол был столь высок, что создавалось полное ощущение его отсутствия, и любой – даже Гэри Селдон, который родился и вырос на самой обычной, открытой планете, – мог поклясться, что никакого купола тут нет и в помине. Ни солнца, ни теней, однако все залито светом, а воздух – свеж и прозрачен.

Но скоро все переменилось, купол стал ниже, стены – ближе, и автомобиль понесся по закрытому туннелю, стены которого время от времени украшали «звездолеты и солнца». Селдон решил, что его везут, скорее всего, по трассе, предназначенной исключительно для высокопоставленных персон.

Но вот туннель закончился. Отъехала вбок массивная дверь, и автомобиль выехал на открытое пространство – по-настоящему открытое, что правда, то правда. На Тренторе существовал единственный островок земли, не спрятанной под куполом, – двести пятьдесят квадратных километров. Тут стоял Дворец Императора. Селдон давно мечтал попасть на этот островок, но не из-за Дворца, конечно, а из-за того, что, кроме Дворца, здесь располагался также и Имперский Университет, а самое главное – Галактическая Библиотека.

Но вот что удивительно: покинув законсервированный мир Трентора и оказавшись там, где рос лес и раскинулись парки, он увидел небо, подернутое тучами, и поежился от холодного ветра. Селдон нажал кнопку и закрыл боковое стекло.

Погода стояла неважная.

3

Селдон и не надеялся увидеть Императора. Наверняка, в лучшем случае, его ожидала встреча с каким-нибудь вельможей из четвертого или пятого эшелона власти – из тех, кому позволено говорить от имени Императора.

Ведь, по сути дела, многим ли из людей довелось видеть Императора? Видеть воочию, а не на экране головизора? Кто видел его своими глазами, живого – такого, какого можно пощупать, того Императора, что никогда не покидал своего

островка, по которому теперь автомобиль вез Селдона?

Таких людей, скорее всего, можно было пересчитать по пальцам. Двадцать пять миллионов обитаемых миров, а в каждом из них – по миллиарду жителей, а то и побольше, и скольким же из квадриллионов обитателей Галактической Империи посчастливилось – или могло посчастливиться – лицезреть живого Императора? Ну, скольким же? Тысяче?

Впрочем, кого это заботило? Ведь Император был не более чем символом Империи, таким же примерно, как «Звездолет и Солнце», но еще менее осязаемым, еще менее реальным. Империя теперь ни для кого не означала ничего, кроме солдат и чиновников, что кишели повсюду и расплодились в таком невероятном количестве, что люди стонали от этого непосильного бремени, взваленного на их плечи. Для народа они и были Империей – они, а не Император.

Поэтому, когда Селдона провели в небольшую, со вкусом обставленную комнату, где его ожидал довольно молодой мужчина, что сидел на краешке стола, небрежно покачивая ногой, он не на шутку удивился – уж больно дружелюбно выглядел этот чиновник. А ведь у Селдона уже не раз была возможность убедиться в том, что все высокопоставленные вельможи – а особенно тут, в цитадели Империи, – как на подбор угрюмы и выглядят такими усталыми, словно именно на их плечах лежит тяжкий груз всех без исключения имперских забот и тягот. И при этом, что интересно, чем ниже рангом был чиновник, тем угрюмее и суровее взирал на по-

сетителя.

Стало быть, этот чиновник добрался до таких заоблачных высот иерархической лестницы, где светило власти так согрело его своими ласковыми лучами, что ему не было никакой охоты омрачать их сияние и напускать на себя тучи зловещей суровости.

Селдон толком не понимал, как следует себя вести, а потому решил, что для начала лучше будет помолчать – пусть тот, кто звал его, заговорит первым.

И молодой человек заговорил.

– Вы – Гэри Селдон, как я понимаю, – сказал он. – Математик.

Селдон ответил коротко:

– Да, сэр, – и стал ждать нового вопроса.

Молодой человек небрежно помахал рукой:

– Следовало бы не «сэр», а «сир», только я терпеть не могу церемоний. У меня в жизни нет ничего, кроме церемоний, и я от них порядком устал. Мы с вами наедине, так что я с удовольствием расслаблюсь. Садитесь, профессор.

С трудом веря собственным ушам, Селдон понял-таки, что перед ним Император Клеон Первый, собственной персоной, и изрядно оробел. Теперь, приглядевшись получше, он, пожалуй, уловил некоторое сходство между своим собеседником и тем Клеоном, которого постоянно показывали в выпусках новостей. Но в головизионных роликах Клеон казался совсем другим: всегда при параде, выше, благороднее,

с каменным лицом.

А тут – на тебе, живой оригинал, совсем обычный человек.

Селдон не в силах был пошевелиться.

Император слегка нахмурился и, как человек, настолько привыкший повелевать, что не умел отбросить эту привычку даже тогда, когда искренне старался разыгрывать демократа, недовольно проговорил:

– Я же сказал, садитесь. Вот сюда. И побыстрее.

Селдон, не говоря ни слова, сел. Даже «да, сир» он при всем желании выговорить не мог.

Клеон улыбнулся:

– Так-то лучше. Теперь мы сможем поговорить по-человечески, а ведь оно так и есть, если отбросить официоз, а?

Селдон осторожно отозвался:

– Если Ваше Императорское Величество говорит, что это так, значит, так оно и есть.

– О, ну не надо этих реверансов, профессор. Мне бы хотелось побеседовать с вами запросто, на равных. Так мне было бы приятнее. Ну же, веселее, не стесняйтесь.

– Хорошо, сир.

– Ну, опять... «хорошо» – и все, больше ничего не надо. Как же мне вас раскатать, ума не приложу?

Клеон смотрел на Селдона, и взгляд его показался Селдону лукавым и заинтересованным.

Наконец Император сказал:

– Знаете, а вы не похожи на математика.

Наконец-то Селдону удалось улыбнуться:

– Вот уж не знаю, как должен выглядеть математик, Ваше Имп...

Клеон предостерегающе поднял руку, и Селдон умолк на полуслове.

– Ну, наверное, математик должен быть седым, – прищурился Клеон, – седым, бородатым. Словом, обязательно стариком.

– Но ведь и математики когда-то бывают молоды.

– Да, но это тогда, когда о них никто не знает. А к тому времени, когда математиков знает вся Галактика, они именно таковы, как я сказал.

– Боюсь, у меня пока нет никаких заслуг.

– И, тем не менее, вы выступили на конгрессе.

– О, на конгрессе выступали многие. Кое-кто был и моложе меня. Надо сказать, там мало на кого обратили внимание.

– А вот ваш доклад привлек внимание кое-кого из моих людей. Мне сообщили, будто вы верите в возможность предсказания будущего.

Селдон огорчился. «Вот он о чем, – разочарованно подумал математик. – Все об одном и том же, и все меня понимают неправильно. Не стоило мне, наверное, вообще делать этот доклад».

– На самом деле это не совсем так, – ответил он. – Моя работа гораздо скромнее. Есть множество систем, в кото-

рых при определенных условиях течение событий принимает хаотический характер. Это означает, что даже при наличии точки отсчета результаты предсказать невозможно. Так обстоит дело даже с примитивными системами, а чем система сложнее, тем вероятнее ее хаотическое развитие. Издревле полагали, что столь сложная система, как человеческое сообщество, более других систем подвержена хаосу, и, следовательно, ее развитие непредсказуемо. Моя работа, однако, позволила показать, что при изучении людского сообщества существует возможность избрать точку отсчета и за счет определенных допущений, направленных на подавление хаотичности, получить возможность прогнозировать будущее, но не в подробностях, конечно, а общо и не с уверенностью, но с рассчитанной долей вероятности.

Император, внимательно выслушав Селдона, спросил:

– Но разве это не означает, что вы показали, как предсказывать будущее?

– Опять-таки не совсем так. Я показал, что это теоретически возможно, но не более того. Для того чтобы добиться большего, потребовалось бы действительно в точности определить точку отсчета, сделать вероятностные допущения, а затем найти способы произведения расчетов для конкретной эпохи. Пока я не располагаю данными о том, как это все можно было бы проделать. Но даже если бы все это удалось, в лучшем случае мы получим лишь возможность оценивать вероятности. А это далеко не то же самое, что предсказание

будущего. Нет, это будут всего-навсего догадки о том, случится то-то и то-то или нет. Любой преуспевающий политик, удачливый бизнесмен, да вообще любой человек, искушенный в своем ремесле, способен таким образом оценивать будущее и делать это весьма недурно, в противном случае как бы они все преуспевали?

– Да, но они смотрят в будущее, не прибегая к математике.

– Верно. Они полагаются на интуицию.

– Следовательно, вооружившись математикой, всякий сможет точно оценивать вероятность событий. Тогда на интуиции далеко не уедешь, верно?

– Верно-то верно, но ведь я пока доказал только то, что математический анализ всего лишь возможен. Практическую сторону я не затрагивал.

– Разве может так быть, чтобы нечто было возможно, но неосуществимо на практике?

– А разве нет? Теоретически у меня есть возможность побывать во всем мире Галактики и поздороваться с каждым из живущих там людей. Но на это мне не хватит целой жизни, и, будь я даже бессмертен, все равно, я еще не успею пожать руки всем старикам, как на свет народится уйма новых детишек, а кто-то успеет умереть, пока я до него доберусь.

– С вашей математической проработкой будущего – та же история?

Селдон немного растерялся, но довольно быстро собрался с мыслями:

– Очень может быть, что математическая проработка заняла бы немислимо долгое время, даже если бы в распоряжении ученого был компьютер величиной с Галактику, работающий на гиперпространственных скоростях. К тому времени, когда добьешься ответа на поставленный вопрос, пройдет достаточно много лет для того, чтобы ответ потерял всякий смысл – жизнь неизбежно внесет свои поправки.

– Но почему не упростить этот процесс? – резко спросил Клеон.

– Ваше Императорское Величество... – Селдон почувствовал необходимость перейти на официальный тон, поняв, что Император явно не в восторге от его ответов и дружелюбие правителя мало-помалу убывает. – Представьте себе способ, которым физики изучали субатомные частицы. Этих частиц – неисчислимо множество, и каждая движется или колеблется по-своему, непредсказуемо, но оказывается, в этом хаосе существует свой внутренний порядок. Так родилась квантовая механика, способная ответить на правильно поставленные вопросы. Изучая общество, мы помещаем людей на место субатомных частиц, но тут возникает дополнительный фактор – сознание человека. Частицы движутся бессмысленно, а люди – осознанно. Если же учитывать разнообразие поведения и порывов, сложность расчетов возрастает настолько, что никакого времени на них не хватит.

– Ну а у сознания не может быть такой же внутренней упорядоченности, как у бессмысленного движения частиц?

– Не исключено. Проведенные мною расчеты показывают, что порядок лежит в основе абсолютно всего, каким бы беспорядочным тот или иной процесс ни казался на первый взгляд. Но, увы, как отыскать этот внутренний порядок, эти закономерности? Представьте себе: двадцать пять миллионов миров, каждый – со своими особенностями, традициями, культурой, каждый оригинален и не похож на другие, и в каждом – миллиарды людей, каждый из которых мыслит по-своему, и все миры взаимодействуют, и варианты этих взаимодействий поистине неисчислимы! Словом, как бы ни был в теории возможен психоисторический анализ, его практическое осуществление представляется невероятным.

– Вы сказали «психоисторический»? Что это значит?

– Я назвал теоретическую оценку вероятности будущего «психоисторией».

Император прыгнул со стола, пересек комнату, развернулся, вернулся к столу и остановился перед Селдоном.

– Встаньте! – приказал он.

Селдон вскочил и посмотрел на Императора снизу вверх – ведь тот был немного выше ростом. Селдон нервничал, но старался не отводить взгляда.

После паузы Клеон сказал:

– Эта ваша психоистория... Если бы ее удалось осуществить на практике, польза вышла бы немалая, не так ли?

– Просто фантастическая! Знания о том, что ждет нас в будущем, пускай даже в самом обобщенном виде, стали бы

новым, невиданным руководством к действию – такое средство еще никогда не попадало в руки человечества. Но, конечно же...

Селдон не договорил.

– Ну? – нетерпеливо поторопил Клеон.

– Ну... дело в том, что за исключением ограниченного числа людей, ответственных за принятие решений, результаты психоисторического анализа не должны быть известны никому.

– Никому?! – удивленно воскликнул Клеон.

– Это совершенно очевидно. Позвольте, я попытаюсь объяснить. Если психоисторический анализ будет осуществлен и результаты его станут достоянием общественности, весь спектр людских эмоций и реакций тут же нарушится. А психоисторический анализ, основанный на эмоциях и реакциях, которые должны бы проявляться *без знания* о будущем, таким образом становится бессмысленным. Понимаете?

В глазах Императора вспыхнули веселые искорки, он рассмеялся и воскликнул:

– Великолепно! – И при этом так хлопнул Селдона по плечу, что тот слегка покачнулся. – Да как же вы не понимаете? – продолжал радоваться Клеон. – Неужели не видите? Нет никакой нужды предсказывать будущее. Нужно просто выбрать подходящее будущее – приятное и полезное – и обнародовать предсказание. Тогда всяческие эмоции и реакции, которых вы так боитесь, изменятся таким образом, что предска-

занное будущее непременно настанет. Не лучше ли создать радостное будущее, чем предсказывать дурное?

Селдон нахмурился:

– Я вас понял, сир, но это точно так же невозможно.

– Невозможно?

– Ну, как минимум непрактично. Не понимаете? Если нельзя взять отсчет от людских эмоций, то нельзя сделать и обратного. Нельзя вести отсчет от будущего и определять, какие именно эмоции и реакции людей к такому будущему приведут.

Клеон расстроился окончательно. Брезгливо поджав губы, он спросил:

– Ну а ваш доклад – или как там он у вас называется, – что от него толку?

– Это чистая математика. Математиков он заинтересовал, но я... у меня и в мыслях не было, что у моих выкладок может быть практическое применение.

– Просто омерзительно! – сердито буркнул Клеон.

Селдон растерянно пожал плечами. Больше всего на свете он сейчас сожалел о том, что выступил с докладом. Что с ним станет теперь, если Императору взбредет в голову, что его одурачили?

А вид у Клеона был такой, что, похоже, все к тому и шло.

– И все-таки, – недовольно продолжал Император, – что, если бы вы все же сделали предсказание будущего, с математическим подтверждением или без оно, – такой прогноз,

который помог бы государственным деятелям в управлении этими самыми людскими реакциями?

– Почему я? Зачем вам я? Государственные деятели вполне могут справиться с таким прогнозом сами, без моей скромной помощи.

– У государственных деятелей так не получится. Они то и дело выступают со всяческими заявлениями. Им мало кто верит.

– А мне-то с какой стати должны поверить?

– Вы – математик. Вы *рассчитываете* будущее, а не проинтуи... нет, такого слова, кажется, не существует, но вы меня поняли, конечно.

– Но я не сумею сделать этого!

– А кто об этом узнает? – тихо спросил Клеон, с прищуром глядя на Селдона.

Оба молчали. Селдон понял, что угодил в западню. Получив от Императора столь недвусмысленный приказ, имел ли он право и возможность отказаться? Откажется – угодит в тюрьму, а то и на плаху. Будет суд, конечно, но на справедливость уповать нечего.

Он глубоко вздохнул и сказал:

– Ничего не выйдет.

– Почему же?

– Если бы меня попросили предсказать нечто туманное, в самых общих чертах, нечто такое, что могло бы произойти уже после жизни нынешнего поколения, а может быть, и

после жизни следующего, я мог бы сделать это, но, с другой стороны, кому какое будет дело до этого предсказания? Разве озаботит хоть кого-то несметное богатство и высочайшее наслаждение, если они отдалены на сто, на двести лет? Чтобы добиться результатов, – продолжал Селдон, – мне пришлось бы предсказывать вещи более насущного, злободневного характера, более приближенные к нашему времени. Люди способны ответить только на такого рода предсказания. Но раньше или позже, а скорее всего – раньше, нечто из предсказанного мной не сбудется, и тогда конец моей карьере прорицателя. Никто мне больше не поверит. Да и ваша популярность пошатнется. Но самое худшее – никто и никогда не отважится поверить в психоисторию как в науку, никто не станет поддерживать, даже если в будущем математикам удастся приблизить ее достижения к реальности.

Клеон опустилсся в кресло и с усмешкой уставился на Селдона:

– И это все, на что вы, математики, способны? На то, чтобы доказывать, что то-то и то-то невозможно?

Селдон ответил тихо и обреченно:

– Но ведь это вы, сир, требуете невозможного.

– Дайте-ка, голубчик, я вас испытаю. Допустим, я бы у вас спросил, не паду ли я в один прекрасный день жертвой покушения. Что бы вы мне ответили с помощью вашей математики?

– Моя математическая система не дала бы ответа на столь

конкретный вопрос даже в том случае, если бы психоистория работала на все сто. Вся квантовая механика в мире не способна предсказать поведение одного отдельного электрона – в ее силах лишь предугадать усредненное поведение множества электронов.

– Вы лучше знаете свою математику, чем я. Ну, давайте, выдайте мне научную догадку. Так убьют меня или нет?

Селдон тихо проговорил:

– Это ловушка, сир. Либо скажите мне, какого ответа вы от меня хотите, и я вам дам его, либо позвольте говорить свободно, но обещайте, что я останусь цел.

– Говорите, что хотите.

– Вы даете мне честное слово?

– Хотите получить подтверждение в письменном виде? – съехидничал Клеон.

– Нет-нет, что вы... Вполне довольно вашего устного заверения, – промямлил Селдон с упавшим сердцем. Он отлично понимал, что честному слову – грош цена.

– Считайте, что я дал вам честное слово.

– Ну что ж... тогда я могу сказать вам следующее: за четыре последних века более половины Императоров пали жертвой террора. Из чего я могу сделать заключение, что вероятность вашей гибели составляет приблизительно один к двум.

– Любой дурак мог бы дать такой ответ, – презрительно хмыкнул Клеон. – Тут математик не нужен.

– А я вам как раз и твержу все время, что моя матема-

тика совершенно не годится для решения практических вопросов.

– Но неужели вы даже не способны предположить, что я, к примеру, кое-чему выучился на ошибках своих неудачливых предшественников?

Селдон сделал глубокий вдох и с воодушевлением обреченного ответил:

– Нет, сир. Вся история говорит о том, что мы не учимся на ошибках прошлого. Ну, например, вы пригласили меня на личную аудиенцию. Что, если бы я взял да и оказался террористом? Я шучу, конечно, сир, – поспешно добавил он.

Клеон невесело улыбнулся:

– Голубчик, вы просто не осведомлены о нашей проницательности, а вероятно, и об успехах в технике, так сказать, самообороны. Нам о вас известно все до мелочей. Как только вы вошли, вас немедленно сканировали. Фотографии, запись голоса. Так что ваше эмоциональное состояние известно нам досконально. Можно даже сказать – мы прочли ваши мысли. Так что будьте уверены, будь у нас хоть малейшее сомнение в вашей благонадежности, вас бы сюда не допустили. Точнее говоря, вас уже не было бы в живых.

У Селдона закружилась голова, однако он взял себя в руки и произнес:

– Простым смертным всегда было нелегко приблизиться к Императорам, даже в те времена, когда у тех не было столь изощренной защиты. Однако почти всем покушениям

предшествовали дворцовые заговоры. И именно ближайшее окружение Императора таит в себе наибольшую опасность для него. Этой угрозе никак не способно помешать самое тщательное обследование посторонних. Что же касается ваших приближенных, ваших телохранителей, ваших близких, в конце концов, — к ним вы не можете относиться так, как ко мне.

— Это мне известно, — кивнул Клеон. — Во всяком случае, не хуже, чем вам. Дело в том, что я неплохо обращаюсь со своим окружением, и ни у кого нет причин для недовольства и бунтов.

— Легкомысленное... — начал было Селдон, но смутился и умолк.

— Продолжайте! — гневно воскликнул Клеон. — Я вам позволил говорить открыто. Что тут показалось вам легкомысленным?

— Я неверно выразился, сир. Простите, сорвалось. Я хотел сказать «неверное». Вы неверно относитесь к своему окружению. Вы, конечно, подозрительны; было бы странно, если бы это было не так. Неосторожно оброненное слово — ну, вот как у меня сейчас вышло, — легкомысленный жест, двусмысленное выражение лица — этого достаточно, чтобы вы посмотрели на этого человека подозрительно. Вашего подозрительного взгляда будет достаточно для того, чтобы события завернулись по порочному кругу. Ваш приближенный заметит вашу подозрительность, начнет нервничать, поведе-

ние его утратит естественность, и в конце концов либо его казнят, либо вас убьют. Именно так все обстояло с Императорами в последние четыре столетия, и, кстати говоря, это один из признаков того, что событиями в Империи становится управлять все труднее.

– Получается, что я ничего не способен сделать, чтобы избежать покушения?

– Нет, сир, – ответил Селдон, – но, правда, вы можете оказаться удачливее своих предшественников.

Кончики пальцев Клеона барабанили по подлокотнику кресла. Наконец он сердито проговорил:

– От вас никакого толку, так же как и от вашей психиатрии. Уходите.

Император отвел взгляд в сторону и как-то вдруг вмиг постарел.

– Я говорил вам, сир, что вам моя математика никакой пользы не принесет. Примите мои искренние извинения.

Селдон собрался было отвесить прощальный поклон, но в комнате внезапно появились двое охранников и увели его. Голос Клеона прозвучал вслед:

– Доставьте этого человека туда, откуда привели.

4

Войдя, Эдо Демерзель одарил Императора взглядом, исполненным подобающего преклонения.

– Сир, – проговорил он, – вы чуть было не вышли из себя. Клеон посмотрел на Демерзеля и вымученно улыбнулся:

– Да, представьте себе. Этот человек меня ужасно разочаровал.

– Понимаю, однако он не сообщил больше, чем у него есть.

– О да. Если считать, что у него ничего и не было.

– Но он ничего и не пообещал, сир.

– Да. Печально.

– Более чем печально. Этот человек – лишний козырь.

– Что-то лишнее, Демерзель? Вечно ты сыплешь непонятными поговорками. Что за козырь?

– Эту поговорку я слышал очень давно, в молодости, сир. Империя велика, и поговорок в ней великое множество. Кое-какие из них не слыхивали на Тренторе, а те, что в ходу у нас, неведомы в других мирах.

– К чему ты это говоришь? Я и без тебя знаю, что Империя велика. Ты мне объясни, что ты хотел сказать об этом человеке.

– Только то, что он способен принести немало вреда, даже не задумываясь об этом, не нарочно. Он не помышляет о том, какова его сила. Ну, не сила, так важность.

– Это твои догадки, Демерзель?

– Да, сир. Он провинциал. Он не знает Трентора и его порядков. Он никогда не бывал здесь раньше и просто не умеет вести себя как человек светский, благородно воспитанный.

И все же он вел себя с достоинством, представ перед вами.

– А что тут такого? Я позволил ему говорить открыто. Отбросил весь этикет, все формальности. Обращался с ним как с равным.

– Не совсем так, сир. Как бы вы ни старались вести себя с другими как с равными, у вас все равно не получится. Не в крови это у вас. Вы привыкли повелевать. Да расстарайся вы изо всех сил дать собеседнику возможность расслабиться, мало у кого такое выйдет. Большинство попросту утратит дар речи, а другие, что во сто раз хуже, начнут раболепствовать и растекаться мыслью по древу. Этот человек выстоял с честью, сир.

– Не знаю, не знаю... Можешь, конечно, восторгаться, Демерзель, дело твое, но мне он не понравился, – буркнул Клеон и призадумался. – Кстати, ты заметил: он даже не пытался объяснить мне эту свою математику? Как будто знал, что я ни слова не пойму.

– Но ведь вы бы и правда не поняли, сир. Вы не математик, не ученый, не художник. Есть масса областей знания, где другие знают больше вас. И их призвание состоит в том, чтобы они поставили свои знания на служение вам. Вы – Император, а это звание выше всех других, вместе взятых.

– Да? Знаешь, меня бы ни капельки не обидел намек на мое невежество, прозвучи он из уст старика, копившего свой багаж знаний долгие годы. Но этот Селдон, он же мой ровесник. Как же он ухитрился узнать так много?

– Вероятно, ему не пришлось тратить время на постижение науки повелевать и искусства достижения мудрых решений величайшей важности.

– Демерзель, честное слово, иногда мне кажется, что ты смеешься надо мной.

– Сир! – с упреком воскликнул Демерзель.

– Ладно-ладно, пустяки. Вернемся к нашему математику. Почему ты решил, что он опасен? Мне он показался всего-навсего наивным провинциалом.

– Так оно и есть. Дело не в нем самом, а в его математических наработках.

– Он утверждает, что они совершенно бесполезны.

– А вы думали, что из них можно извлечь пользу, правда? И я так подумал, когда вы мне рассказали. Так же могут подумать и другие. И сам математик от этого не застрахован: ведь теперь эта мысль засядет у него в голове. Кто знает, вдруг он все-таки до чего-то додумается? А додумается, тогда... Вы же понимаете, что способность предсказывать будущее, пускай даже туманно и неопределенно, таит в себе величайшую власть. Даже если ему самому эта власть окажется ни к чему – знаете, попадаются среди ученых такие альтруисты, ну да я, к слову сказать, не очень в это верю, – найдутся те, кто быстренько им воспользуется.

– Я попытался. Ничего не вышло.

– Просто он пока не думал об этом. А вот теперь – кто знает? На ваши уговоры он не поддался, а вдруг его угово-

рит... ну, скажем... к примеру, мэр Сэтчема?

– А с чего бы это ему помогать Сэтчему, а не нам?

– Он же объяснил, что трудно прогнозировать эмоции и поведение отдельных людей.

Клеон нахмурился и задумался.

– Так ты действительно думаешь, что он мог бы разработать свою психоисторию так, что от нее на самом деле была бы польза? Он-то уверен, что у него такое не выйдет.

– Пройдет время, и он может решить, что был не прав, отрицая такую возможность.

Клеон опять нахмурился:

– Значит, зря я его отпустил.

– Нет, сир, – покачал головой Демерзель. – Ваша интуиция не обманула вас. Отпустили – и правильно сделали. Арест, как бы его ни замаскировывать, вызвал бы у него протест, отчаяние, а человек в таком состоянии не будет способен творчески мыслить, откликаться на любые наши призывы о сотрудничестве. Гораздо разумнее было отпустить Селдона, но отныне надо держать его на невидимом поводке. Так мы сможем пронаблюдать, сир, не захватят ли его, не используют ли вам во вред ваши враги. А в нужное время, когда он разработает свою науку, можно будет потянуть за поводок и извлечь его на свет, нашего математика драгоценного. А тогда... вот тогда мы сможем вести себя более... более настойчиво.

– Ну а если кто-то из моих врагов... вернее сказать, из

врагов Империи, ведь я – это и есть Империя, захватит его в свои руки, а то он и сам возжелает пойти в услужение к врагам? Пойми, я не могу сбрасывать со счетов такую возможность.

– Правильно делаете. Но не волнуйтесь. Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло. Но уж если, несмотря на все мои старания, такое случится, будет лучше, чтобы он не достался никому, чем попал в плохие руки.

Клеону стало неловко.

– Действуй, как знаешь, Демерзель, но я очень надеюсь, что мы не станем спешить. В конце концов, он и правда, может быть, не кто иной, как кабинетный ученый, придумавший науку, от которой нет и не может быть никакого толку.

– Конечно, сир, конечно, однако гораздо разумнее будет предположить, что этот человек заслуживает того, чтобы ему уделили внимание. Что мы потеряем, если в конце концов окажется, что опасения наши напрасны? Немного времени, ничего больше. А вот если окажется, что мы проглядели фигуру величайшей важности, мы потеряем всю Галактику...

– Что ж, хорошо, пусть будет так, – кивнул Клеон, – но очень надеюсь, что ты избавишь меня от подробностей, если они окажутся не слишком приятными.

– Очень надеюсь, что до этого не дойдет.

Весь вечер, всю ночь, все утро встреча с Императором не выходила у Селдона из головы. О том, что прошло столько времени, он мог судить лишь по смене освещенности в коридорах, на площадях и в парках Имперского сектора Трентора.

Утром Селдон удобно устроился на пластиковой скамейке в небольшом сквере. Скамейка, как только он опустился на нее, приняла очертания его тела. Судя по освещенности, было довольно рано, и воздух был прохладен ровно настолько, чтобы испытать ощущение утренней свежести, но при этом не ежиться.

Неужели здесь все время так? Он вспомнил, какой пасмурный день стоял под открытым небом вчера, когда его везли к Императору, вспомнил самые разные дни – непогожие, морозные и жаркие, дождливые и снежные – дома, на Геликоне, и подумал: скучает ли здесь кто-нибудь по капризам погоды? Ну, правда, разве не странно – посиживать на Тренторе в уютном парке при идеальной погоде и при этом взять да вдруг заскучать по пронизывающему ветру или покусывающему кожу морозцу, а то еще – по влажной духоте?

Наверное, заскучать можно. Но не в первый, не во второй и даже не на седьмой день. А ему осталось пробыть тут совсем недолго. Завтра он улетит отсюда, а пока можно и

понаслаждаться прелестями искусственного климата. В конце концов, может быть, и не доведется больше побывать на Тренторе.

И все-таки ему было немного не по себе от того, что он так смело разговаривал с человеком, который, будь на то его воля, мог отдать приказ отправить в тюрьму или на казнь любого – или, по крайней мере, устроить все так, чтобы человек, не пришедшийся ему по нраву, остался без средств к существованию и занимаемого положения, что, в общем-то, равноценно смерти.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Селдон поинтересовался жизнеописанием Клеона Первого. Компьютер в его гостиничном номере с готовностью предоставил ему эту информацию. Как и следовало ожидать, Селдон прочел уйму восхвалений в адрес здравствующего Императора – наверняка точно так же обстояло дело при жизни любой из царствующих особ, какой бы грязью их ни поливали впоследствии. Восхваления, естественно, оставили Селдона равнодушным, зато его очень заинтересовал тот факт, что Клеон родился во Дворце и за всю жизнь ни разу не покидал его окрестностей. Получалось, он и на самом Тренторе-то фактически не бывал и за все время своего правления не посетил ни одного из многочисленных, покрытых куполами секторов. Очень может быть, что такое затворничество имело целью сохранение жизни и безопасности монарха, но на самом деле тут откровенно пахло тем, что Император пребывал в заточении

— не важно, признавался он себе в этом сам или нет. Пусть он томился в самой роскошной из всех тюрем Галактики, все равно это была тюрьма.

И хотя Император производил впечатление человека мягкосердечного и никоим образом не напоминал кровожадного тирана, каковыми были многие из его предшественников, все равно радости от того, что его внимание устремилось на тебя, было мало, что и говорить. Поэтому Селдона приятно согревала мысль о том, что завтра он улетит на Геликон, несмотря на то что в его родном городе сейчас стояла зима, и зима, надо сказать, суровая.

Селдон запрокинул голову. Все вокруг было озарено ярким рассеянным светом. Никакого дождя тут, конечно, не могло быть и в помине, но не сказать, чтобы воздух был такой уж сухой. Неподалеку весело играли струи фонтана, зеленели деревья и кусты, которые, судя по всему, никогда не ведали засухи. Время от времени в кустах раздавались шуршание и шорохи — может быть, там копошились и бегали какие-то маленькие зверьки. Слышалось жужжание пчел.

Удивительно. Вся Галактика говорила о Тренторе как об искусственном мире, в котором нет ничего, кроме металла и керамики, а тут все было такое живое, настоящее...

Несмотря на ранний час, парк не был безлюден. Неподалеку расположилась довольно хорошенькая молодая женщина, но она склонилась над выюером, и Селдон не мог как следует разглядеть ее лица. Мимо прошел мужчина, бросил на

Селдона короткий взгляд и, усевшись на скамейку напротив, положил ногу на ногу и углубился в чтение кипы телепринтов. На нем были облегающие розовые брюки.

Да, на Тренторе, как ни странно, мужчины предпочитали одежду пастельных тонов, а женщины, как правило, носили белое. Что ж, в таком стерильном мире, наверное, склонность к ношению светлой одежды вполне оправданна. Селдон почувствовал себя не слишком ловко в своем геликонском темно-коричневом костюме. Задержись он на Тренторе (нет-нет, он не собирался задерживаться, только если бы), ему пришлось бы обзавестись подобающей одеждой, а иначе он, безусловно, привлек бы к себе массу любопытных взглядов, улыбок, а то и насмешек, не дай бог. Ну вот, пожалуй-ста – мужчина оторвал взгляд от телепринтов и на этот раз посмотрел на Селдона с большим любопытством. Наверняка из-за провинциального костюма.

Ну ладно, спасибо, хоть не улыбнулся. Размышлять на тему о том, что он смешон, Селдон мог сколько угодно, но уж радоваться этому вовсе не собирался.

Селдон имел возможность разглядывать своего визави совершенно открыто, поскольку тот, похоже, просматривая листки распечаток, вел какой-то безмолвный спор с невидимым противником. Вот он уже был готов заговорить вслух, потом призадумался и вскоре опять собрался разразиться какими-то доводами... Селдон смотрел и гадал, чем же кончится эта безмолвная перебранка.

Он внимательно разглядывал мужчину. Тот был высокого роста, спортивного, пожалуй, даже атлетического телосложения – широкие плечи и ни малейших признаков полноты. Волосы у него были темно-русые, местами выгоревшие, лицо незнакомца было гладко выбрито, казалось немного печальным, но производило впечатление внутренней силы. Немного грубоватое лицо – приятное, но уж никак не «милое».

К тому времени, когда незнакомец не то проиграл, не то выиграл молчаливую битву с самим собой, отложил листки и взглянул на Селдона, Селдон решил, что этот человек ему нравится.

Тот сказал:

– Прошу прощения, вы случайно не присутствовали на последнем конгрессе? На математическом?

– Присутствовал, – кивнул Селдон.

– А, значит, я вас там и видел. Я вас сразу узнал, вот и сел напротив. Простите, если помешал...

– Вовсе нет. Я совершенно свободен.

– Позвольте, я угадаю. Вы – профессор Селдон.

– Селдон. Гэри Селдон. Угадали точно. А вы?

– Четтер Челвик, – ответил мужчина и немного смутился. – Вы уж извините, имечко у меня доморощенное, местное.

– Я и правда до сих пор не знавал ни одного Четтера, – улыбнулся Селдон. – И Челвиков тоже как-то не попадалось. Стало быть, вы в своем роде человек уникальный. Знаете,

а ведь это лучше, чем затеряться, как я, среди бесконечных Гэри. Жутко распространенное имя. Не говоря уже о Селдонах.

Селдон приподнял свою скамейку и придвинул поближе к Челвику. Керамидный гравий мягко захрустел.

– Я как раз не прочь потолковать о местных обычаях, – негромко проговорил Селдон. – Скажите, я очень нелепо выгляжу в своем провинциальном наряде? Знаете, как-то и в голову не приходило, что нужно обзавестись тренторианским гардеробом.

– Ну, так купили бы, – пожал плечами Челвик, вежливо, но смущенно оглядев одежду Селдона.

– Да ведь я завтра уже улетаю, и потом... мне это не по карману. Знаете, математики порой имеют дело с колоссальными числами, но эти числа не имеют никакого отношения к их доходам. А вы, видимо, тоже математик, Челвик.

– Я? Что вы! Ни малейших способностей. Полный профан.

– О... – разочарованно протянул Селдон. – А вы сказали, что видели меня на Декадном конгрессе.

– Я там присутствовал в качестве наблюдателя. Я журналист.

Для вящей убедительности он помахал пачкой телепринтов и, похоже, сам немало удивившись, что листки до сих пор у него в руке, свернул их и спрятал в карман куртки.

– Я собираю материал для выпусков головизионных ново-

стей. Честно говоря, — добавил он, немного помолчав, — надоело это мне порядком.

— Работа надоела?

Челвик кивнул:

— Надоело собирать в одну кучу бесконечную ерунду из всех миров. Ненавижу это вечное качение по наклонной плоскости.

Он прищурился и посмотрел на Селдона в упор.

— Но бывают и исключения. Вот, к примеру, я слышал, будто вас видели в компании с Императорскими гвардейцами, которые вас вроде бы сопровождали во Дворец. Может, вам и Императора повидать довелось, а?

Улыбка моментально исчезла с лица Селдона.

— Даже если бы это действительно произошло, вряд ли бы я стал болтать об этой встрече с тем, кто потом выложит это в новостях.

— Нет-нет, при чем тут новости? Вы, судя по всему, не в курсе, Селдон, ну а я вас просвещу. Первое правило игры в новости заключается в том, что об Императоре и его ближайшем окружении никогда, ни при каких обстоятельствах не говорится ничего, кроме того, на что дается высочайшее официальное разрешение. И это, конечно, глубочайшее заблуждение, поскольку вечно расползаются слухи, а слухи всегда хуже, чем правда. Но дело обстоит именно так.

— Но если вы не сможете ничего опубликовать, обнародовать, зачем же вы меня спрашиваете?

– Из любопытства. Только из любопытства. Уж вы мне поверьте, я по работе узнаю намного, намного больше, чем узнают зрители выпусков новостей. Дайте-ка я еще разок угадаю... я не слишком внимательно слушал ваш доклад, но понял, что вы говорили о возможности предсказания будущего.

Селдон покачал головой и пробормотал:

– И зря говорил...

– Простите?

– Да нет, ничего.

– Ну так вот... – как ни в чем не бывало продолжил Челвик, – предсказание будущего, точное предсказание, я хочу сказать, наверняка заинтересовало бы Императора, да и любого из правительственной верхушки. Отсюда я делаю вывод, что Клеон Первый, и пока единственный, пожелал потолковать с вами об этом и спросил вас, не сделаете ли вы для него пару-тройку предсказаний.

Селдон отрезал:

– Я не желаю говорить на эту тему.

Челвик слегка пожал плечами:

– Наверняка там был и Эдо Демерзель.

– Кто?

– А вы про Эдо Демерзеля ничего не знаете?

– И не слышал этого имени никогда.

– Демерзель – второе «я» Клеона, мозг Клеона, злой дух Клеона. Называть его можно по-всякому, но не дай бог –

вслух, а то... Словом, он должен был там быть.

Селдон явно не знал, что ответить, и Челвик помог ему:

– Ну, вы его, может быть, и не видели, но он точно там был. А уж если он думает, что вы умеете предсказывать будущее...

– Да не умею я предсказывать будущее! – затряс головой Селдон. – Если бы вы слушали мой доклад, вы бы знали, что я говорил исключительно о том, что это теоретически возможно.

– Какая разница? Если он считает, что вы способны предсказать будущее, он вас просто так не отпустит.

– Отпустил, как видите. Вот он я, перед вами.

– Это ничего не значит. Он прекрасно знает, где вы, и все время будет знать. А когда вы ему понадобится, он вас достанет, где бы вы ни были. И если он решит, что вы сможете быть ему полезны, он из вас эту пользу выкачает. А уж если он решит, что вы опасны, он выкачает из вас жизнь.

Селдон нахмурился:

– Чего вы добиваетесь? Хотите напугать меня?

– Я хочу вас предостеречь.

– Я вам не верю.

– Не верите? Разве не вы сами только что сказали, что сделали что-то зря? Что вы при этом имели в виду? Не то ли, что зря сделали доклад и из-за этого попали в беду?

Селдон нервно закусил губу. На этот раз Челвик угадал совершенно точно, и в это самое время Селдон понял, что

за ним следят.

Не то чтобы мелькнула чья-то тень, нет, ведь свет здесь был такой, что никаких теней попросту и быть не могло, — слишком мягкий и рассеянный. Он просто уловил краешком глаза быстрое движение — даже не быстрое, а мгновенное, а в следующий миг кто-то остановился рядом.

Глава 2

Бегство

ТРЕНТОР – столица Первой Галактической Империи. При Клеоне Первом слава его клонилась к закату. Любопытно, что посторонним наблюдателям казалось, будто Трентор – на вершине могущества. Площадь поверхности планеты, составляющая двести миллионов квадратных километров, находилась целиком (исключая территорию, где стоял Дворец Императора) под защитной оболочкой, ниже которой простирался бесконечный город, что уходил в глубь континентального шельфа. Население Трентора насчитывало сорок миллиардов человек, и хотя, если приглядеться повнимательнее, становилось очевидно, что тут накопилась масса проблем и противоречий, сами жители Трентора ничего особенного не замечали и, без сомнения, по-прежнему полагали, что живут в легендарном Вечном Городе, и даже помыслить не могли, что когда-либо...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Селдон поднял голову. Перед ним стоял молодой человек,

устремив на него сверху вниз взгляд, полный изумления и презрения. Еще один, помоложе, стоял с ним рядом. Оба высокие и крепкие.

И тот и другой были одеты не иначе как по последней трендорианской моде, как показалось Селдону, – в одежду ярких, кричащих цветов. Талии юнцов были подпоясаны широкими ремнями с бахромой, головы украшали широкополые шляпы, тулья которых были обвязаны длинными розовыми лентами, а их концы свисали сзади до плеч.

Селдону вид незнакомцев показался забавным, и он не смог сдержать улыбки.

Тот, что стоял прямо перед ним, огрызнулся:

– Чего скалишься, несчастный?

Оставив без внимания грубый тон обращения, Селдон мягко проговорил:

– Простите, что улыбнулся. Просто мне очень понравилось, как вы одеты.

– Как я одет? Вот как? А вот ты как одет? Это мерзкое тряпье ты называешь одеждой?

Грубиян протянул руку и ухватился за лацкан пиджака Селдона. О, каким уродливым, грубым, тяжелым, просто непристойным показался в это мгновение Селдону его злощастный костюм!

– Что же делать? – вздохнул Селдон. – Я ведь нездешний, и моя одежда, естественно, тоже. Но другой у меня нет.

Тем временем, как заметил Селдон, немногие из гуляв-

ших в парке поднялись со скамеек и удалились. Похоже, поняли, к чему дело клонится, и решили вовремя смотать удочки. Селдон не знал, ушел ли и его новый знакомец, Челвик, но не мог этого узнать при всем желании: молодой грубиян стоял перед ним как вкопанный. Селдон чуть-чуть отодвинулся назад вместе со скамейкой.

– Так ты нетутошний? – грубо поинтересовался юнец.

– Верно. Потому я так и одет. Я здесь в гостях.

– И с какой такой планеты?

– С Геликона.

Юнец нахмурился:

– Сроду о такой не слыхивал.

– Это очень маленькая планета.

– Так почему ты не уберешься туда?

– Я завтра улетаю.

– Завтра? Ошибаешься! Сейчас, немедленно, понял?

Юнец обменялся взглядом со своим спутником. Селдон тоже посмотрел на второго нахала и успел заметить Челвика. Тот, оказывается, не ушел, но больше в парке не осталось ни души – Селдон, Челвик и двое скандалистов.

– Я намеревался посвятить день осмотру достопримечательностей, – возразил Селдон.

– Подумай хорошенько. Ты ошибся, приятель. Вовсе не собирався. Ты сейчас же отправишься домой, к мамочке.

Селдон улыбнулся:

– Простите, но я этого не сделаю.

Юнец спросил у своего спутника:

– Эй, Марби, тебе нравится его тряпье?

Марби наконец раскрыл рот:

– Не-а. Жуткое тряпье. Аж тошнит.

– Ну и что нам с ним делать, Марби? Отпустить, чтобы он тут разгуливал и всех от него тошнило, а? Ведь это, Марби, вредно для здоровья, как ты считаешь?

– А то как же! Еще как вредно-то, Алем, – отозвался Марби.

Алем хмыкнул:

– Эй, ты, слышал, чего Марби сказал?

Ему ответил Челвик:

– Послушайте, вы – Алем, Марби, или как вас там. Позабавились – и хватит. Что вам еще нужно?

Алем, который на ту пору стоял, наклонившись над Селдоном, выпрямился и обернулся:

– А ты кто такой?

– Не твое дело, – в тон ему ответил Челвик.

– Тренторианец? – упорствовал Алем.

– И это тоже не твое дело.

Сдвинув брови, Алем оглядел Челвика с ног до головы.

– Одежка-то вроде у тебя нашенская. Слушай-ка, нам до тебя дела нет, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай, не встревай, понял?

– Я не уйду, запомни. Так что нас двое. Двое на двое, стало быть. Похоже, вы никак драться собирались? Может, пойде-

те, еще дружков прихватите, чтобы вас стало побольше против нас двоих?

Селдон вмешался:

– Челвик, послушайте, может быть, вам лучше уйти? Спасибо, что вступились за меня, но мне неудобно, ей-богу. Вам-то зачем подвергать себя опасности?

– Никакой опасности, Селдон. Дешевые оболтусы, задиры паршивые, больше ничего. Лакеи.

– Ла-ке-и? – взревел Алем, которому это слово пришлось явно не по душе, и Селдон решил, что, видимо, почему-то оно на Тренторе имеет более обидное значение, чем на Геликоне.

– Так, Марби, – распорядился Алем, – ты, значит, разберись-ка с этим, что нас лакеями обозвал. От лакея слышу, понял? А я пока быстренько приведу в божеский вид этого Селдона. А ну...

Он наклонился, рванул на себя лацканы пиджака Селдона. Селдон резко согнул одну ногу в колене и опрокинулся на спину вместе со скамейкой. При этом он успел ухватить Алема за руки, тот не удержался на ногах, кувырнулся и брякнулся на спину позади Селдона.

Селдон рывком встал, глянул на Алема, потом быстро нашел взглядом Марби.

Алем лежал неподвижно, лицо его скривила гримаса страдания. Большие пальцы его рук были выбиты, он скрючился от удара в пах и дикой боли в ушибленном позвоночнике.

Челвик левой рукой держал Марби за шиворот, а правой заломил правую руку нахала за спину. Физиономия Марби побагровела, он ловил воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. На земле у его ног валялся нож, в прозрачной рукоятке которого светился огонек миниатюрного лазера.

Челвик чуть-чуть ослабил хватку и сказал не без сострадания:

– Здорово вы его отделали.

– Боюсь, что так, – смущенно ответил Селдон. – Знаете, упади он чуть-чуть иначе, он бы шею сломал.

– Что же вы за математик такой? – удивленно спросил Челвик.

– Геликонский, – без тени иронии ответил Селдон, наклонился, подобрал с земли нож, повертел его в руках и сказал: – Неприятная штукавина. Наверняка смертельная.

– Хватило бы и самого обычного ножа, без всяких выкрутасов. Слушайте, давайте-ка отпустим этих паршивцев подобру-поздорову. Сомневаюсь, что они еще хотят драться.

И он отпустил Марби, который тут же принялся яростно потирать плечо и шею. Хрипло дыша, он с ненавистью смотрел на Селдона и Челвика.

Челвик резко, отрывисто проговорил:

– А теперь убирайтесь оба. В противном случае нам придется дать показания против вас. Оскорбление личности и покушение на жизнь. Нож – вещественное доказательство.

Марби наклонился над Алемом, поднял его с земли, под-

хватил под мышки и поволок прочь. Пару раз они оглянулись, а Селдон и Челвик проводили их бесстрастными взглядами.

Селдон протянул Челвику руку:

– Как мне отблагодарить вас? Вы пришли на помощь совершенно незнакомому человеку. Сам бы я с ними, конечно, не справился.

Челвик протестующе помахал рукой:

– А я их не испугался. Самые что ни на есть обычные уличные бродяги. Нужно было попросту приложить руки – мои и ваши, конечно.

– А хватка у вас прямо-таки мертвая, – улыбнулся Селдон.

Челвик пожал плечами:

– Да и вы, как я погляжу, не промах. Послушайте, – добавил он, не меняя интонации, – лучше и нам убраться отсюда, не теряя времени.

– Зачем? – удивился Селдон. – Вы боитесь, что эти двое вернуться?

– Эти-то вряд ли. А вот те отчаянные храбрецы, что так быстро разбежались отсюда, чтобы не пялить глаза на драку, запросто могли вызвать полицию.

– Ну и отлично. Мы знаем имена обидчиков. И можем точно описать их внешность.

– Их? Они-то полиции на что сдались?

– Как! Они же первые напали!

– Не валяйте дурака. У нас с вами – ни единой царапины.

А им обоим понадобится солидная медицинская помощь, особенно Алему. Арестуют нас, это я вам точно говорю.

– Но это же невозможно. Люди подтвердят, что...

– Да не будет никаких людей! Слушайте, Селдон: выбросьте вы эту блажь из головы, и побыстрее. Эти двое искали вас – именно вас. Им сказали, что на вас – геликонская одежда, и старательно описали вашу внешность. Может, даже голографический снимок показали. Сильное у меня подозрение, что их подослали такие люди, которые держат под контролем полицию, так что не стоит нам тут задерживаться.

И Челвик быстрым шагом пошел вперед, крепко ухватив Селдона за руку. Теперь у Селдона появилась возможность лично оценить мертвую хватку Челвика. Сбросить его руку он при всем желании не мог, а потому потащился следом, словно послушное дитя за нянькой.

Вскоре они нырнули в сводчатый туннель, и еще до того, как глаза Селдона успели привыкнуть к менее яркому свету, позади послышался визгливый скрип тормозов.

– Явились – не запылились, – пробормотал Челвик. – Быстрее, Селдон.

Новые знакомые прыгнули на движущийся тротуар и быстро затерялись в толпе.

Селдон пытался убедить Челвика зайти к нему в гости-

цу, но тот и слышать об этом не хотел.

– Вы что, с ума сошли? – спросил он полушепотом. – Там вас уже ждут с распростертыми объятиями.

– Но все мои вещи тоже там и ждут меня.

– Ну что ж, придется им подождать подольше. Надеюсь, у них хватит терпения.

Разговаривали они, сидя в небольшой однокомнатной квартире. Дом, где она располагалась, находился в районе, Селдону совершенно неведомом. Он с любопытством разглядывал комнату. Большая ее часть была занята письменным столом, стулом, кроватью и компьютером. Ни кухни, ни ванной, ни туалета. Жутко неудобно. Челвик водил Селдона в общую туалетную комнату, расположенную в другом конце коридора. И что же? Кто-то ввалился туда, когда Селдон еще не успел закончить свои дела, бросил любопытный взгляд на одежду Селдона и отвел глаза.

Когда Селдон рассказал об этом Челвику, тот покачал головой и сказал:

– Придется тебе сменить одежду. Да, жаль, что на Геликоне так сильно отстали от моды.

Селдон недовольно проговорил:

– Послушай, Челвик, а может быть, все это – игра твоего воображения? Да, ты меня наполовину убедил, но все-таки вдруг это просто нечто вроде... вроде...

– Вроде паранойи, хочешь сказать?

– Если на то пошло, да. Вдруг это действительно у тебя

такая навязчивая идея?

– А ты подумай хорошенько, только не перебивай, ладно? Математически я тебе ничего доказать, конечно, не сумею, однако... Ты виделся с Императором. Не отрицай, не надо. Выскажу предположение: он требовал у тебя каких-то подробностей, имеющих отношение к будущему, и ты отказался. А Демерзель, вероятно, полагает, что ты лжешь, утверждая, будто не в силах сделать никаких предсказаний. Он думает, что ты приберегаешь столь ценную информацию для того, кто посулит тебе цену повыше, а может быть, уже предложил. Кто знает? Я говорил тебе: если Демерзель захочет, он тебя из-под земли достанет. Причем заметь: сказал я тебе об этом до того, как двое повес появились на сцене развития событий. Я – журналист и тренторианец. Уж я-то знаю, как такие делишки обстряпываются. Помнишь, Алем обронил фразочку: «Он-то нам и нужен». Помнишь?

– Помню, представь себе.

– Я для него был... так, ноль без палочки, досадная помеха, а задание у него было – напасть на тебя.

Челвик уселся на стул и указал пальцем на кровать:

– Приляг, Селдон, расслабься, отдохни. Кто бы ни подослал эту парочку (я-то уверен, что Демерзель), он способен подослать других, стало быть, первым делом нужно избавиться от твоего злосчастного костюма. Думаю, всякому геликонцу в этом секторе придется невесело, пока он не сумеет доказать, что он – не ты.

– Ну ладно, ладно...

– Нет, я серьезно. Тебе придется раздеться, а костюмчик твой мы уничтожим в атомайзере, если удастся подобраться к нему незамеченными. Но для начала я должен раздобыть для тебя тренторианскую одежду. Ты пониже меня ростом, и я это учту. Если немного не подойдет, не обессудь.

Селдон покачал головой:

– У меня денег не хватит расплатиться. Это мне не по карману. Денег у меня – курам на смех, да и те в гостиничном сейфе.

– Об этом подумаем позднее. Посиди тут без меня часок-другой, а я отправлюсь по магазинам.

Селдон развел руками и вздохнул:

– Ладно, сдаюсь. Если это так важно, я побуду тут.

– Точно? Не рванешь в гостиницу? Дашь честное слово?

– Слово математика. Но мне действительно неловко оттого, что ты проявляешь обо мне заботу. Да еще тратиться вздумал. Ведь на самом-то деле, что бы ты ни толковал о Демерзеле, эти забияки вовсе не намеревались избить меня или похитить. Они хотели только раздеть меня.

– Не только. Кроме того, они собирались поволочь тебя в космопорт и посадить на корабль, отправляющийся прямо-хонько на Геликон.

– Ну, это они так... я этого всерьез не принял.

– Почему же?

– Но я же все равно улетаю. Завтра. Я им так и сказал.

– И до сих пор собираешься лететь? – спросил Челвик.

– Конечно. Почему бы и нет?

– Тебе нельзя лететь ни в коем случае. Для этого – масса причин.

Тут Селдон рассердился не на шутку:

– Слушай, Челвик, я больше не в силах продолжать эту игру. Здесь у меня нет больше никаких дел, и я хочу домой. Билет мой, к сожалению, в гостинице, а то бы я его поменял на сегодняшний рейс. И поменяю при первой возможности.

– Тебе нельзя возвращаться на Геликон.

Селдон покраснел:

– Да почему же? Что, там меня тоже ждут?

Челвик кивнул:

– Не кипятись, Селдон. Да, там тебя тоже будут ждать.

Выслушай меня. Лететь на Геликон – значит лететь в самые лапы Демерзеля. Что такое твой Геликон? Добропорядочная, законопослушная имперская территория. Случались у вас там хоть раз бунты? Хоть раз в жизни кто-то хоть одной ногой вставал под знамена врагов Императора?

– Нет, и слава богу. Планета окружена более населенными мирами. Мир в Империи – залог спокойствия и безопасности Геликона.

– Вот именно! И поэтому представители Империи на Геликоне вполне могут рассчитывать на безоговорочную лояльность вашего правительства. Ты там все время будешь пребывать под неусыпным надзором, и, как только понадо-

бишься Демерзелю, тебя ему выдадут, тепленького. И учти, даже несмотря на то что я тебя, считай, предупредил, ты ничегошеньки не будешь замечать, никакой слежки. Будешь тихо-мирно работать, как работал, и тебе будет казаться, что все в полном порядке.

– Это смешно. Допустим, он хочет взять меня на Геликоне. Тогда почему же не отпустить меня с миром? Я лечу домой завтра. Зачем понадобилось подсылать этих мордovorотов? Для чего? Для того чтобы ускорить мой отлет на несколько часов? Но ведь это чепуха какая-то. От такой стычки я, наоборот, по сути дела, должен встревожиться, задуматься.

– С какой стати ему предполагать, что ты встревожишься? Разве он ожидал, что с тобой рядом окажусь я и вылью на тебя, так сказать, полное ведро своего параноидального бреда?

– Ну ладно, все равно, зачем вся эта суета? Зачем меня выкидывать с Трентора, никак не пойму? Что я бы успел сделать тут за лишние несколько часов?

– Может быть, он боится, что ты передумаешь.

– Передумаю? И куда же я отправлюсь, если не домой? Если уж у него до Геликона руки дотянутся, значит, он способен достать меня где угодно. Да он бы меня, к примеру, даже на Анакреоне разыскал, вздумай я почему-либо отправиться туда, а ведь Анакреон... это отсюда в добром десятке тысяч парсеков. Что такое расстояние для гиперпространственных кораблей? Вздумай я даже махнуть в какой-то мир,

который не настолько трепещет перед властью Империи, как Геликон, где бы я такой мир отыскал? Где нынче бунтуют? В Империи царит мир. Даже если и отыщется пара-тройка миров, в которых сильны воспоминания о несправедливости, проявленной к ним когда-то со стороны Империи, какой из них станет рисковать собственной безопасностью ради меня? Армия Империи – угроза для всех. Более того, я гражданин Геликона и на любой другой планете буду иностранцем, так что никаких проблем у Империи со мной не будет и быть не может.

Челвик терпеливо выслушал Селдона, время от времени кивал головой, но лицо его оставалось серьезным и непроницаемым.

– Ты совершенно прав, – наконец изрек он, – однако мир, который не до конца подвластен Императору, существует. Вот именно это, скорее всего, ужасно беспокоит Демерзеля.

Селдон задумался, припоминая события последних лет, но никак не мог вспомнить мира, где бы не существовало власти Империи. В конце концов он спросил:

– Что это за мир?

Челвик ответил:

– Ты в нем находишься – и как раз это кажется Демерзелю слишком опасным, по всей вероятности. Не то чтобы ему безумно хотелось отпускать тебя на Геликон, но гораздо меньше ему хочется, чтобы ты остался на Тренторе. Вот он и стремится выпихнуть тебя отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Наконец Селдон не выдержал и фыркнул:

– Ну, дела! Трентор! Столица Империи! На орбитальной станции – центральная база Флота, на планете расквартированы отборные части войск. Если уж ты взаправду считаешь *Трентор* самым безопасным миром, значит, у тебя не только паранойя, а еще и бредовые фантазии.

– Нет! Селдон, ты – провинциал. Это я тебе не в обиду говорю. Просто ты не знаешь, что такое Трентор. Здесь живет сорок миллиардов человек, и вряд ли найдется много миров, где можно насчитать хотя бы вдесятеро меньше народа. Здесь все так сложно – и техника, и культура. Сейчас мы находимся в Имперском секторе, где самый высокий уровень жизни и население состоит почти целиком из имперских функционеров. Однако, кроме Имперского, на планете более восьмисот разных секторов, в каждом – своя культура и традиции, и во многие из них имперские силы порядка носа не суют.

– Почему?

– Империя при всем желании не может оказывать на Трентор чересчур сильного давления. Стоит чуть-чуть переусердствовать, и запросто можно повредить что-то в сети коммуникаций, которой Трентор оплетен, как паутиной. И тогда пострадает вся сеть, здесь все взаимосвязано. Поверь мне, Селдон, мы здесь, на Тренторе, отлично понимаем, что такое землетрясение, которое вовремя не предсказали, что такое

извержение вулкана, о котором не знали заранее, что такое неукротенная буря, а то и просто человеческая ошибка, никем не замеченная. Планета сотрясается, и нужно из всех сил стараться сохранить равновесие.

– Я никогда ни о чем подобном не слышал.

Челвик усмехнулся:

– Конечно, не слышал. Что же ты хочешь, чтобы Империя афишировала слабость собственного сердца? А вот я, будучи журналистом, знаю, о чем не помышляют провинциалы, то, о чем не помышляют многие на самом Тренторе – даже тогда, когда делается все, чтобы скрыть правду. Поверь мне! Император и Эдо Демерзель знают, что нарушить спокойствие Трентора – значит разрушить Империю.

– Поэтому ты и предлагаешь мне остаться на Тренторе?

– Да. Я смогу найти для тебя на Тренторе такое местечко, где ты станешь абсолютно недостижимым для Демерзеля. Тебе не придется скрываться под вымышленным именем, ты сможешь жить совершенно открыто, но он не сможет до тебя добраться. Вот поэтому-то он так мечтал как можно скорее вышвырнуть тебя с Трентора подальше и сделал бы это, если бы судьбе не было угодно познакомиться нас, ну и еще – если бы ты не умел так здорово драться.

– Но сколько же я должен пробыть на Тренторе?

– Столько, сколько потребуется для твоей безопасности, Селдон. Может быть, всю жизнь.

Гэри Селдон разглядывал свое голографическое изображение, выполненное с помощью проектора. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющее, чем при взгляде в зеркало. Создавалось полное ощущение, что Селдонов в комнате стало двое.

В новой одежде Селдон чувствовал себя пока не совсем ловко. Прожив всю жизнь на Геликоне, он больше привык к темным, приглушенным тонам, но, на его счастье, Челвик выбрал для него одежду не слишком яркой расцветки. Пощупав рукав новой туники, Селдон вспомнил, как кричаще были разодеты те двое, что пристали к нему в парке, и внутренне поежился.

– Шляпу мне, видимо, тоже придется надеть? – поинтересовался он.

– В Имперском секторе без нее не обойтись. Ходить без головного убора здесь считается дурным тоном. Может быть, в других местах к этому не придираются.

Селдон вздохнул. Шляпа была сделана из какого-то мягкого материала, и как только он поднес ее к голове, шляпа уселась как влитая. Поля, к радости Селдона, оказались поуже, чем у двоих щеголей, никак не выходивших у него из головы. «Пожалуй, – успокоил себя Селдон, – шляпа мне даже идет».

– А ленточки под подбородком не предусмотрено?

– Нет, конечно. С ленточкой – это для стилияг.

– Для кого, для кого?

– Ну, стилияга – это модник, который носит вещи, которые шокируют окружающих. Наверняка у вас на Геликоне такие тоже есть.

– У нас? – фыркнул Селдон. – У нас есть такие, которые умопомрачительно стригутся: с одной стороны волосы до плеч, а с другой голова выбрита наголо.

Он рассмеялся, а Челвик скривился:

– Жутко уродливо, наверное.

– Бывает и хуже! Понимаешь, одни из них выбривают голову справа, а другие – слева, и праваки леваков просто ненавидят. Что ты! Дело до драк доходит.

– Ну, раз такое дело, я думаю, уж шляпу-то ты как-нибудь переживешь, особенно без ленточки.

– Постараюсь привыкнуть, – улыбнулся Селдон.

– Пялиться на тебя, конечно, все равно будут. Во-первых, и шляпа, и все остальное на тебе не слишком яркое, поэтому по тренторианским меркам ты, считай, все равно что в трауре. Да и размеры не совсем твои. Во-вторых, ты действительно к такой одежде не привык, и это видно. Ну, это ладно – в Имперском секторе мы надолго не задержимся... Ну, нагладелся?

И Челвик выключил голограф.

– Дорого тебе стоило все это? – спросил Селдон.

– Какая разница?

– Не хотелось бы оставаться в долгу. Неудобно.

– Не переживай. Это мое дело. Но мы теряем время. Меня наверняка описали во всех подробностях, так что быстро вычислят, кто я такой, и явятся сюда.

– В таком случае, – нахмурился Селдон, – дело не только в том, что ты потратил на меня деньги. Ты еще и рискуешь из-за меня. Лично рискуешь!

– Знаю. Но это опять-таки мое дело. О себе я уж как-нибудь сумею позаботиться.

– Но зачем, ради чего...

– Философствовать будем потом. Кстати говоря, одежду твою старую я уже атомизировал, и меня, похоже, никто не заметил за этим занятием. Правда, затраты энергии обязательно заметят – она будет зарегистрирована. И кто-то шибко умный может догадаться, в чем дело. Ужасно трудно, знаешь ли, что-то скрывать, когда кругом сплошные глаза и уши. Ну да ладно, будем надеяться, что нам удастся убраться подальше, пока они тут докумекают, что к чему.

9

Долго-долго они шли пешком по переходам, озаренным мягким желтоватым светом. Челвик внимательно смотрел по сторонам и все время старался идти в ногу с толпой пешеходов, никого не обгоняя и никому не позволяя обгонять себя.

По пути Челвик непрерывно болтал с Селдоном на отвле-
ченные темы.

Селдону это удавалось с трудом.

– Послушай, – сказал он в конце концов, – тут у вас так много ходят пешком. Сплошные тротуары и переходы.

– А что такого? – удивился Челвик. – Ходьба по-прежнему остается лучшим средством перемещения на небольшие расстояния. Удобно, дешево и для здоровья полезно. Сколько бы ни развивалась техника, а в этом смысле все остается без изменений. У тебя не агорафобия ли, случаем, Селдон?

Селдон глянул вправо, через поручень, где внизу бежали другие движущиеся тротуары, тут и там пересекаясь под прямыми углами, и чуть-чуть вздрогнул.

– Боюсь ли я высоты? Да нет, не очень. Но вообще-то смотреть вниз не особенно приятно. А какая тут высота?

– В этом месте – уровнем сорок-пятьдесят. В Имперском секторе и других технически развитых районах таких мест много. Большой же частью пешеходы путешествуют по дорожкам, проложенным, так сказать, на нижнем уровне.

– Наверное, бывают попытки самоубийства или нет?

– Нечасто. Для этого существуют гораздо более легкие способы. И потом, с самоубийством на Тренторе вообще никаких проблем нет. Хочешь свести счеты с жизнью – можешь сделать это вполне легально в соответствующем медицинском центре после соответствующего курса психотерапии. Поэтому суициды здесь редки, но про агорафобию я тебя

спросил не поэтому. Мы идем на стоянку такси. Там меня знают как журналиста. Таксистам я время от времени приплачиваю, и они не откажут мне в маленькой любезности, а именно: не зарегистрируют меня и закроют глаза на то, что я не один, а с приятелем. Мне, конечно, придется раскошелиться, но опять-таки: если люди Демерзеля нажмут на таксистов как следует, им придется выложить всю правду. А мы в это время будем уже далеко.

– И при чем тут акрофобия, не пойму?

– При том, что нам придется воспользоваться гравиподъемником. Эта штука – на любителя, и, честно признаться, я сам редко им пользуюсь. Но если ты выдержишь, будет лучше.

– А что это такое – гравиподъемник?

– Экспериментальное транспортное средство. Наверное, если люди к нему психологически привыкнут или их приучат, оно со временем станет применяться на Тренторе, а потом и в других мирах более широко. Это, так сказать, лифт без кабины. Мы просто шагнем в никуда и будем медленно падать или медленно подниматься под действием антигравитации. На сегодняшний день эта штукавина – единственное применение антигравитации. Может быть, потому, что самое дорогое.

– А что может произойти, если поле выключится, когда мы еще будем в пути?

– То самое, о чем ты подумал. Мы упадем и, если окажем-

ся достаточно высоко от дна, погибнем. Я, правда, о таких случаях пока не слыхал, а уж ты мне поверь, я бы знал обязательно, что стряслась такая беда. В выпуск новостей такая информация, конечно, не просочилась бы из соображений цензуры – они вечно выкидывают плохие новости, – но я бы знал, это я тебе точно говорю. Ну вот, уже совсем близко. Если не сдюжишь, мы и пробовать не станем, но только учти, что обычные лифты ходят медленно и нудно и там многих тошнит.

Челвик повернул за угол, и друзья оказались на широкой площадке, где выстроилась очередь – мужчины, женщины, пара ребятишек.

Селдон потихоньку проговорил:

– Представь себе, ни о чем подобном я дома не слыхивал. Нет, я понимаю, наши новости оставляют желать лучшего, но все-таки могли бы хоть упомянуть, что такое есть на свете...

– Пока это все на уровне эксперимента, – объяснил Челвик, – да и то только в Имперском секторе. Пожирает уйму энергии, а поэтому правительство старается не слишком афишировать гравиподъемники. Появились они еще при прежнем Императоре – том самом, который умер в своей постели и этим всех до смерти удивил. Он распорядился установить такие лифты в нескольких местах. Он, видишь ли, желал, чтобы его имя было увековечено внедрением антигравитации – такие взбрыки случаются у стариков с комплек-

сом неполноценности. Как я уже сказал, не исключено, что лифты станут применяться более широко, но только лифты – вряд ли внедрение антигравитации продвинется дальше этого.

– А куда бы еще оно могло продвинуться?

– К созданию антигравитационных звездолетов. Но до этого жутко далеко. Насколько я знаю, большинство физиков считают, что это принципиально невозможно и даже говорить об этом не стоит... Но, с другой стороны, было время, когда все в один голос твердили, что антигравитационные подъемники – вещь из области фантазии.

Очередь шла быстро, и вскоре Селдон с Челвиком подошли к краю площадки, круто обрывавшемуся в открытую пропасть. Воздух над пропастью слабо светился. Селдон инстинктивно вытянул руку и почувствовал легкий удар. Больно не было, но он быстро отдернул руку.

Челвик усмехнулся:

– Элементарная предосторожность. Чтобы никому не взбрело в голову шагать в пропасть, пока не включено поле.

Он набрал какие-то цифры на пульте, вмонтированном в невысокий столбик, и свечение исчезло.

Селдон робко заглянул в глубокую шахту.

– Пожалуй, будет лучше, если мы возьмемся за руки и ты закроешь глаза, – предложил Челвик. – Не бойся, это займет всего несколько секунд.

Не дав Селдону времени на раздумья, он крепко взял его

за руку, и тот не смог освободиться. Челвик шагнул в пустоту, а Селдон, к собственному удивлению и стыду тихонько вскрикнув, скользнул за ним.

Он закрыл глаза, но не почувствовал ни падения, ни движения воздуха. Прошло несколько секунд, и Челвик потянул его за руку. Селдон покачнулся, выпрямился, открыл глаза и обнаружил, что стоит на твердой поверхности.

– Уже?!

– Живы, как видишь, – сухо ответил Челвик и пошел вперед, увлекая Селдона за собой.

– Я хотел спросить, мы попали на нужный уровень?

– Конечно.

– А что бы произошло, если бы мы летели вниз, а кто-то – нам навстречу?

– В шахте – две отдельные линии. По одной все с одинаковой скоростью поднимаются, по другой – опускаются. Расстояние между пассажирами – не меньше десяти метров. Никаких столкновений не должно быть, если все нормально работает.

– Я ровным счетом ничего не почувствовал.

– А что ты, собственно, мог почувствовать? Ускорения же не было. Через десятую долю секунды ты принял постоянную скорость падения, а воздух, тебя окружавший, падал с той же скоростью, что и ты.

– Потрясающе!

– Согласен. Но, увы, неэкономично. И, похоже, никто осо-

бо не озабочен усовершенствованием и повышением рентабельности этого замечательного устройства. Отовсюду слышится одна и та же песня: «Это нам не под силу. Это невозможно». Если бы так только о гравиподъемнике говорили. Это же абсолютно о каждом нововведении, представляешь?

Челвик был явно рассержен.

– Ага, вот и стоянка такси. Пошли быстрее.

10

Селдон изо всех сил старался вести себя на стоянке так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Однако это оказалось чертовски трудно. Он понимал, что нельзя глазеть по сторонам, ото всех отворачиваться, пялить глаза на машины. Вести себя нужно было совершенно невинно, то бишь нормально.

Но что значит «нормально»? В новой одежде ему было неловко. Карманов в тунике не было, руки девать некуда. Два кошелька, что висели по бокам на ремне, жутко раздражали его: при ходьбе они шлепали по бедрам и Селдону все время казалось, что его кто-то хватает или задевает.

Он решил присмотреться к женщинам. Кошельков на поясах у них не было, сумок в руках – тоже. Вместо них служили какие-то коробочки, непонятно, чем и как укрепленные на бедрах. «Псевдомагниты, наверное», – решил Селдон. Одеты дамы были в широкие, просторные, но закрытые платья,

и это немного огорчило Селдона. Про декольте тут, похоже, совсем забыли, хотя некоторые платья были сшиты так, что нарочито подчеркивали ягодицы.

Тем временем Челвик развил бурную деятельность и скоро вернулся, держа в руке керамическую сверхпроводимую пластинку, предназначенную для пуска такси по определенному маршруту.

– Забирайся, Селдон, – сказал Челвик, указывая на небольшую двухместную машину.

– Тебе пришлось зарегистрироваться? – спросил Селдон.

– Нет, что ты. Здесь меня знают и не вдаются в формальности.

– Они поняли, что у тебя на уме?

– Меня ни о чем не спрашивали, а сам я помалкивал.

Челвик вставил пластинку в щель на панели управления, и Селдон ощутил легкую вибрацию – судя по всему, заработал двигатель.

– Мы направляемся в Д-семь, – сообщил Челвик.

Селдон понятия не имел, что такое «Д-семь», и решил, что это какой-то маршрут.

Такси отъехало назад, объехало другие машины и, выбравшись наконец на ровную, уходящую вверх дорогу, набрало скорость. Вскоре машина легким рывком поднялась в воздух.

Селдона отбросило на подушку сиденья.

– Да, – проговорил он, – это на антигравитацию не похоже.

– Конечно, – невозмутимо отозвался Челвик. – Тут совсем другой принцип. Реактивный. Этого толчка вполне достаточно, чтобы поднять нас к туннелям.

Впереди завиднелось нечто, напоминавшее громадную скалу, испещренную многочисленными отверстиями наподобие громадной шашечной доски. Челвик направил машину к отверстию, помеченному «Д-семь», лавируя между другими машинами, направлявшимися к другим туннелям.

– Ты же запросто мог врезаться в кого-нибудь, – переведя дыхание, проговорил Селдон.

– Наверное, врезался бы, если бы все зависело от моих собственных чувств и реакций, но, к счастью, такси снабжено компьютером, который прекрасно страхует водителя. Не только меня, и всех остальных тоже. Ну, вот мы и у цели...

Машина скользнула в отверстие туннеля так, словно ее втянул туда мощный насос. Освещение стало желтоватым, менее ярким, чем снаружи.

Челвик оторвался от пульта управления, откинулся на сиденье, глубоко вздохнул:

– Ну, можно считать, первый этап мы успешно одолели. Нас могли задержать на стоянке. А тут мы в полной безопасности.

Такси мягко, равномерно летело вперед, стены туннеля уплывали мимо. Шума двигателя почти не было слышно – лишь едва заметное ровное бормотание.

– С какой же скоростью мы летим? – поинтересовался

Селдон.

Челвик глянул на панель управления:

– Триста пятьдесят километров в час.

– Магнитное ускорение?

– Да. На Геликоне уже тоже до этого додумались?

– У нас только одна такая линия. Я сам еще не пробовал, только собирался все время. Но, думаю, она далеко не такая совершенная, как эта.

– Наверняка не такая. Трентор такими туннелями напичкан, словно муравейник ходами, они насчитывают много тысяч километров. Туннели проложены под землей и по мелководью океана. Главное транспортное средство для дальних путешествий.

– А нам далеко лететь?

– Чуть больше пяти часов.

– Пять часов! – испуганно воскликнул Селдон.

– Не пугайся. Каждые двадцать минут мы пролетаем мимо стоянок. На любой из них мы можем выскочить из туннеля, размяться, поесть, отдохнуть. Но, сам понимаешь, слишком часто мне бы не хотелось останавливаться.

Какое-то время оба молчали. Вдруг справа мелькнул яркий свет, и Селдону показалось, что он успел разглядеть две машины.

– Стоянка, – ответил Челвик на вопрос, который Селдон не успел задать.

– Скажи, а я действительно буду в безопасности там, куда

ты меня везешь?

– В полной безопасности от любых происков со стороны властей Империи, – ответил Челвик. – Конечно, придется вести себя осторожно – ведь существуют шпионы, специальные агенты, наемные убийцы. Естественно, у тебя будет телохранитель.

Селдон забеспокоился:

– Ты это серьезно – насчет наемного убийцы? Неужели они действительно захотят убить меня?

– Демерзель – вряд ли. Мне кажется, что ему гораздо больше хочется заполучить тебя и использовать для своих нужд, чем отправить на тот свет. Однако могут появиться другие враги, и, кроме того, события запросто могут принять непредсказуемый характер. Словом, дремать не придется.

Селдон покачал головой и отвернулся. Подумать только: всего сорок восемь часов назад он был никому не известным математиком, собиравшимся провести оставшееся до возвращения домой время за осмотром Трентора, походить, поглазеть на величественную планету, как истинный провинциал. И что же? Теперь он стал человеком, за которым гонятся, разыскивают имперские власти. Странно, нелепо, страшно. Селдон поежился.

– Ну а ты сам? – спросил он Челвика. – Ты понимаешь, что делаешь и что тебя ожидает?

– Ну, – задумчиво проговорил Челвик, – скорее всего, ничего хорошего. Любить им меня совершенно не за что. Мо-

жет, голову снесут, может, взрывное устройство подкинут.

Сказано это было спокойно, ровным голосом, но Селдон похолодел:

– Как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе ни капельки не страшно?

– Я – старый тренторианец. Планету знаю как свои пять пальцев. У меня уйма знакомых, и многие из них в долгу передо мной. Мне не раз удавалось выйти сухим из воды в случаях, когда ситуация была пострашнее, чем сейчас. Короче, Селдон, за себя я постоять сумею.

– Рад, если это действительно так, и надеюсь, у тебя есть основания для уверенности, Челвик, но я никак не могу понять, ради чего ты так рискуешь? Кто я для тебя? Стоит ли вообще подвергать себя опасности из-за незнакомого человека?

Челвик немного повозился с панелью управления, и, когда повернул голову, лицо его было совершенно серьезным.

– Я намерен спасти тебя по той же самой причине, по которой ты нужен Императору, – из-за твоей способности предсказывать будущее.

Селдона охватило жуткое разочарование. Вот уж ради этого он вовсе не желал никакого спасения! Да, дела... Он стал жалкой, беспомощной жертвой, куском плоти, из-за которого дерутся стервятники. Он раздраженно проговорил:

– Будь проклят мой доклад! Зачем я выступил? Только погубил свою жизнь!

– Нет. Не торопись с выводами, математик. Императору и его приспешникам ты нужен только затем, чтобы они с твоей помощью могли обезопасить собственную жизнь. Твои способности интересуют их постольку, поскольку они могут быть применены для спасения Императорского трона, его сохранения для сына Клеона. Они боятся за свои шкуры, трясутся за свои места под солнцем, понимаешь? Я же хочу, чтобы твои достижения пошли на пользу всей Галактике.

– Не вижу разницы, – горько вздохнул Селдон.

– Не видишь? – почти сердито переспросил Челвик. – Стыдись! Люди в Галактике жили и до воцарения нынешнего Императора, и до прихода к власти его династии, вообще до Империи, если уж на то пошло. Человечество старше Империи. Может быть, оно старше, чем все и каждый из двадцати пяти миллионов миров Галактики. В легендах говорится: было время, когда люди обитали на одной-единственной планете.

– В легендах! – фыркнул Селдон и пожал плечами.

– Да, представь себе, в легендах, однако не вижу, почему бы такого не могло быть на самом деле. Давно, двадцать тысяч лет тому назад, если не больше. Позволю себе предположить, что человечество не родилось на свет с врожденными знаниями о теории гиперпространственных перелетов. Наверняка были времена, когда люди попросту не умели передвигаться со скоростями, превышающими скорость света, и тогда они, естественно, были пленниками одной планетар-

ной системы. Ну а если заглянуть вперед, в будущее, то и после тебя, и после Императора в Галактике будут жить люди. И тогда, когда пресечется его род и когда отомрут все институты имперской власти. В таком случае что толку чересчур переживать за судьбу отдельных людей – Императора, наследника престола? Какой смысл волноваться за механизмы управления Империей? А вот с квадриллионами жителей Галактики что будет? Как насчет их?

Селдон ответил:

- Полагаю, люди, как и миры, будут рождаться и умирать.
- Неужели тебе не хочется покопаться, поискать условия, при которых человечество выживет?
- Можно предположить, что все будет не хуже, чем сейчас.
- *Предположить* можно. Но разве нельзя узнать наверняка с помощью науки, которой ты располагаешь?
- Я зову ее психоисторией. Да, можно. Теоретически.
- А у тебя нет жгучего желания внедрить эту теорию в практику?
- Почему? Челвик, я желал бы этого всей душой, но хотеть и мочь – не одно и то же. Я сказал Императору, что психоистория безнадежно далека от практического применения, и теперь вынужден сказать то же самое тебе.
- И ты даже не намерен попытаться, попробовать найти способ?
- Не хочу. Это будет все равно что копать в горе камешков размером с Трентор, перебирать их один за другим,

пересчитывать и раскладывать в ряд от самого большого до самого крошечного. Я знаю заранее, что за мою жизнь мне этого не успеть ни за что на свете, и, уж конечно, не стану валять дурака и притворяться, будто это мне под силу.

– А если бы ты знал всю правду о состоянии человечества, тогда как?

– Глупый вопрос. Что значит «правда о состоянии человечества»? Кто ее знает? Не ты ли?

– Да. В этой правде – всего три слова.

Челвик отвернулся, взгляд его устремился вперед, в бесменную пустоту бесконечного туннеля. Туннель стал шире, затем снова сузился, и тогда Челвик произнес обещанные три слова:

– Галактическая Империя умирает.

Глава 3

Университет

СТРИЛИНГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – высшее учебное заведение в секторе Стрилинг древнего Трентора....Несмотря на несомненные успехи, достигнутые здесь в области гуманитарных наук, в памяти людей университет остался вовсе не из-за этих достижений. Наверняка многие поколения ученых, не покладая рук трудившихся на научной ниве Стрилингского Университета, были бы просто потрясены, узнав, что впоследствии Университет будут вспоминать исключительно из-за того, что некий Гэри Селдон ненадолго остановился здесь во время так называемого Бегства.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

11

Заявление Челвика повергло Селдона в молчание. Он мысленно съежился от сознания собственной беспомощности.

Что же произошло? Он изобрел новую науку – психоисторию. Он немного превысил границы действия законов вероятности, принял в расчет величины, изобилующие сложностью и противоречивостью, и в результате получил изящные

уравнения с огромным числом неизвестных. Не исключено, что число это бесконечно.

Но для него это была просто математическая игра, не более. Он создал психоисторию или как минимум ее основу, но пока это была всего-навсего математическая диковина, безделушка. Знания истории могли бы придать какое-то значение безжизненным уравнениям...

Но таких знаний у него не было. История никогда не интересовала его. Он, конечно, знал в общих чертах историю Геликона и в свое время прослушал краткий курс истории человечества в школе – но что с того? Все остальные знания были нахватаны с потолка – мифы, легенды, а то и попросту разрозненные, не связанные друг с другом обрывки информации.

И все-таки как кто-то мог заявлять, будто Галактическая Империя умирает? Ведь она существует под названием «Империя» уже десять тысячелетий, а еще целых два тысячелетия до этого Трентор, будучи столицей могущественного королевства, фактически правил Империей, хотя она тогда так не называлась. В первые века своего существования Империи пришлось нелегко, однако она справилась с сопротивлением огромных участков Галактики, никак не желавших расставаться с остатками независимости. Империя пережила многое: бунты, династические войны, периоды тяжелого упадка. Однако потрясения коснулись далеко не всех миров, а Трентор рос и развивался до тех пор, пока не стал са-

мой многонаселенной планетой в Галактике и не обрел титул Вечного Города.

Нет, если смотреть правде в глаза, последние четыре столетия характеризовались некоторым усилением напряженности: произошел целый ряд покушений на Императоров и дворцовых переворотов. Но и это прошло, и теперь в Галактике царил поистине небывалый мир и покой. При Клеоне и раньше, при его отце, миры жили и процветали в свое удовольствие, а Клеона никто тираном не считал. Даже те, кто критиковал Империю как государственное установление, не осмеливались сказать дурного слова о Клеоне, как бы при этом ни поносили Демерзеля.

Но почему же тогда Челвик объявил, что Галактическая Империя умирает, да еще с такой уверенностью?

Челвик – журналист. Может быть, он лучше знал историю Галактики и более отчетливо представлял себе нынешнюю ситуацию. Но что он такое знал? Что стояло за его безапелляционным заявлением? Что? Что?

Несколько раз вопрос уже был готов сорваться с губ Селдона, но стоило ему взглянуть на суровое лицо Челвика, и он решал не спрашивать. И еще... для него Галактическая Империя была некоей данностью, непререкаемой аксиомой, краеугольным камнем – вечным, незыблемым. Если это не так... нет, он об этом и слышать не хотел.

Поверить в то, что он ошибался? Нет, ни за что. Галактическая Империя для Селдона имела ровно столько же шан-

сов на гибель, как сама Вселенная. Иначе говоря – Империя могла погибнуть только вместе со Вселенной.

Селдон закрыл глаза, попытался заснуть, но, конечно же, не сумел. Может быть, психоистория продвинулась бы вперед, если бы он занялся изучением истории?

Но как? Существовало двадцать пять миллионов миров, и у каждого из них была своя история, сложная и запутанная. Как он мог изучить историю всех миров? Он знал, что есть множество длинных фильмов по истории Галактики. Однажды – он уже и сам не мог припомнить зачем – он смотрел один такой фильм и чуть не сошел с ума от скуки.

Галактической истории дело было только до самых важных, могущественных миров. Некоторые из них были описаны на протяжении всего их существования, другие упоминались лишь в связи с тем или иным периодом в их истории, а потом исчезали, словно их никогда и не было. Как-то Селдон решил поискать в каталоге Геликон и нашел одну-единственную ссылку... Копнув поглубже, он нашел Геликон в перечне миров, которые хотя бы единожды чем-то угрожали имперскому трону. Однако никакого наказания Геликон не понес – вероятно, в связи с тем, что планету сочли настолько незначительной, что ее и наказывать-то не стали.

И что, спрашивается, толку в такой вот истории? Без сомнения, психоистория должна учитывать действия, реакции и взаимодействия, имеющие место в каждом мире, во всех без исключения. Но как можно изучить историю всех два-

дцати пяти миллионов миров и учесть все возможные между ними взаимодействия? Нет, это совершенно бессмысленная, не имеющая решения задача и еще одно лишнее подтверждение вывода о том, что психоистория представляет исключительно теоретический интерес и ее никогда нельзя будет применить на практике.

Селдона слегка качнуло вперед, и он понял, что машина замедлила скорость.

– В чем дело? – спросил он.

– Думаю, мы уже достаточно далеко улетели, – ответил Челвик, – чтобы позволить себе короткую остановку. Перекусим, выпьем по стаканчику чего-нибудь, освежимся под душем.

Минут через пятнадцать, постепенно тормозя, машина выехала в ярко освещенный боковой проем и припарковалась на стоянке, где стояло еще пять-шесть машин.

12

Челвик наметанным взглядом окинул все сразу – площадку, другие машины, буфетную стойку, коридоры, мужчин и женщин. Селдон, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания, украдкой поглядывал на Челвика и старался во всем ему подражать.

Когда они уселись за небольшой столик и сделали заказ, Селдон как можно более безразлично спросил:

– Все в порядке?

– Похоже, да, – ответил Челвик.

– Откуда ты знаешь?

Взгляд темных глаз Челвика на мгновение задержался на Селдоне.

– Инстинктивно чувствую, – объяснил он. – Репортерский опыт, понимаешь? Глянешь одним глазком и сразу видишь: тут нет ничего интересного.

Селдон кивнул и немного успокоился. Ответ Челвика прозвучал шутливо, но доля правды в нем, безусловно, была.

Однако стоило Селдону откусить первый кусок сэндвича, как физиономия его недовольно скривилась. Он вопросительно глянул на Челвика.

– Дорожный буфет, что ты хочешь? – пожал плечами Челвик. – Дешево, быстро и невкусно. Продукты местные и имеют весьма специфический привкус. Для тренторианцев – дело привычное. Все дрожжевое.

Селдон с трудом проглотил кусок.

– А в гостинице...

– Гостиница-то твоя где располагалась? В Имперском секторе. А там все продукты – привозные, натуральные. Если что-то и подают дрожжевое, то дрожжи берутся самого высокого качества. А хорошие дрожжи и стоят недешево.

Селдон нерешительно смотрел на сэндвич, раздумывая, откусить ли еще кусочек.

– Надо ли понимать тебя так, что все то время, что я про-

буду на Тренторе...

– Тс-с-с... – прошептал Челвик едва слышно. – Не подавай виду, что тебе такая еда в новинку. На Тренторе есть такие дыры, где показаться аристократом еще хуже, чем если в тебе признают неместного. А еда не везде такая мерзкая, поверь. В придорожных буфетах лучшего ждать не приходится, они все такие. Если сумеешь проглотить и переварить этот сэндвич, значит, сумеешь прожить на Тренторе. Уверяю тебя, ничего дурного с тобой не случится. Он свежий, не сомневайся. Просто вкус такой специфический, непривычный. Честное слово, привыкнешь со временем. Встречал я тренторианцев, которые просто в ужасе были от натуральных продуктов и утверждали, что чего-то в них недостает – не такие, видишь ли, пикантные, как наши.

– А на Тренторе много производят продуктов? – спросил Селдон, предварительно стрельнув глазами по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет и, стало быть, можно разговаривать спокойно. – Я слышал, что каждый день на Трентор прибывает около сотни грузовиков с продуктами из двадцати ближайших миров.

– Точно. И примерно столько же кораблей вывозят пищевые отходы. А уж если быть точным до конца, то все это проделявают одни и те же корабли: сюда они везут продукты, а обратно – отходы. Действительно, натуральные продукты составляют значительную статью нашего импорта, но все-таки тут речь идет в основном о роскоши, экзотике. А отхо-

ды, идущие на экспорт, самым тщательным образом перерабатываются в ценнейшие органические удобрения, которые так же драгоценны для других миров, как для нас – продукты питания. И все же, повторяю, импорт не так велик, как можно подумать.

– Правда?

– Конечно. Во-первых, в океане водится рыба, во-вторых, тут довольно много садов и огородов. Фруктовые деревья дают неплохой урожай, есть у нас и птицефермы, и кролико-фермы, и громадные плантации по выращиванию микроорганизмов – их чаще называют дрожжевыми плантациями, хотя дрожжи там как раз выращивают в минимальных количествах. На самом деле Трентор весьма похож на обычный космический поселок, только очень большой. Ты когда-нибудь бывал в таком поселке?

– Да, бывал.

– Космические поселки, как правило, представляют собой замкнутые, закрытые городки с искусственным климатом, вентиляцией, искусственной сменой дня и ночи, ну и так далее. Трентор отличается от них исключительно своей многонаселенностью. Правда, у нас гравитация естественная, и ни один космический поселок не может сравняться с нами по масштабу производства микроорганизмов для питания. Чего у нас только нет: дрожжевые танки, грибовые теплицы, бассейны с водорослями... Конечно, если бы не вкусовые добавки, есть все это было бы невозможно.

Селдон почти управился с сэндвичем, и чем дальше, тем менее отвратительным тот ему казался.

– Значит, ты говоришь, со мной все будет в порядке?

– Бывают случаи, когда такая пища повреждает кишечную флору, и время от времени какой-нибудь чужеземец может заполучить расстройство пищеварения, но это редко, да и проходит быстро. Ты давай пей молочный коктейль. Он тебе, правда, тоже вряд ли понравится. Зато он содержит пробиотическое средство от расстройства кишечника – так, на всякий пожарный...

Селдон поморщился:

– Ой, Челвик, хватит, лучше не говори больше об этом. Как-то мне не по себе от этой лекции.

– Тогда допивай коктейль, и вперед.

Попутчики быстро покончили с едой и снова пустились в путь.

13

Вскоре они снова на полной скорости неслись по туннелю. Селдон наконец решил задать вопрос, который вертелся у него на языке уже около часа:

– Почему ты считаешь, что Галактическая Империя умирает?

Челвик повернулся к Селдону лицом:

– Я же журналист. На меня сыплется громадное количе-

ство информации, статистики. Публиковать я, правда, могу лишь малую толику из того, что узнаю. Население Трентора уменьшается. Двадцать пять лет назад оно составляло почти сорок пять миллиардов. Частично это связано с падением уровня рождаемости. Однако тут нужно учесть, что рождаемость на Тренторе никогда не была особенно высока. На самом деле, походишь по Трентору, приглядишься повнимательнее и заметишь, что детей на улицах совсем немного при таком-то колоссальном населении. И все равно рождаемость падает. Ну и потом – эмиграция. Уезжает с Трентора гораздо больше народа, чем приезжает.

– Учитывая высокую численность населения, – вставил Селдон, – это вовсе не удивительно.

– Согласен, но раньше такого не было, вот это-то и удивительно. И еще – торговля по всей Галактике сейчас идет гораздо менее оживленно, чем раньше. Люди думают так: раз сейчас нет никаких восстаний и войн, значит, все хорошо и все тяготы прошлых столетий миновали. Тем не менее, как это ни парадоксально, политическая борьба, революции, войны – все это признаки жизни. А сейчас – какая-то всеобщая усталость. Все спокойно, но не потому, что люди довольны и счастливы, а потому, что устали и сдались.

– Ну, не знаю, не знаю, – недоверчиво проговорил Селдон.

– А я знаю. Взять хотя бы феномен антигравитации. Гравитационные подъемники существуют, но широкого распространения не получили. Изобретение оказалось нерента-

бельным, однако никто и не предпринимает никаких попыток превратить его в рентабельное. Научный прогресс замедлился, ни о какой скорости в развитии техники говорить не приходится. Какая там скорость! Прогресс не движется, а ползет черепашьям шагом. В отдельных областях так и просто застой. Неужели ты и этого не замечаешь? Ты же математик, в конце концов!

– Не могу сказать, чтобы я сильно задумывался об этом!

– Ты не одинок. С этим просто все смирились. Ученые ручки сложили и твердят на все лады: то невозможно, это непрактично, а это – бесполезно. Не приемлют никаких возражений. Да вот хотя бы и тебя взять, для примера, чего там далеко ходить? Что ты говоришь о психоистории? «Она представляет чисто теоретический интерес, но не имеет никакого отношения к практике». Так ведь?

– И да, и нет, – раздраженно отозвался Селдон. – Да, она бесполезна в плане практики, но отнюдь не из-за того, что во мне напрочь погиб дух авантюризма и всяческая романтика. Она действительно бесполезна.

– По меньшей мере, – саркастически проговорил Челвик, – твоя убежденность является следствием существования атмосферы упадка, которая царит во всей Империи.

– Таково твое убеждение, – сердито буркнул Селдон. – А вдруг ты ошибаешься?

Челвик замолчал, задумался.

– Да, я могу ошибаться, – кивнул он наконец. – Все, что

я говорю, – плод интуиции, догадок. А для уверенности мне нужна работающая психоистория.

Селдон пожал плечами:

– Увы, мне нечем тебя порадовать. Но допустим, что ты прав. Допустим, что Империя действительно катится вниз по наклонной плоскости. Но ведь и после этого люди будут жить на свете.

– Да, но как они будут жить, вот в чем вопрос, дружище! Почти двенадцать тысячелетий Трентор властью Императоров ухитрялся удерживать в Империи мир и спокойствие. Конечно, были периоды беспокойства – бунты, локальные гражданские войны, множество трагедий, – но в общем и целом мир сохранялся. Почему Геликон проводит проимперскую политику? Да-да, твой родной мир. Да потому, что он маленький и слабый и соседние государства запросто поработили бы его, не поддерживай Империя его суверенитет и безопасность.

– Значит, ты предвещаешь всеобщую войну и анархию, если Империя отомрет?

– Безусловно. Надо честно сказать, я не большой поклонник Императора, да и всего института Империи, но не вижу ей достойной замены. Просто не вижу, какое еще установление могло бы обеспечить поддержание мира, и не желаю пустить события на самотек, пока не получу такой замены.

Селдон фыркнул:

– Ты рассуждаешь так, словно ты – властелин Галакти-

ки! Ты не позволишь, ты не желаешь... Тебе нужна замена... Кто ты такой, чтобы такое заявлять?

– Ты меня слишком буквально понял, – усмехнулся Челвик. – Я вовсе не себя лично имел в виду, не Четтера Челвика. На мой век Империи хватит за глаза. Очень может быть, что при моей жизни даже наметятся кое-какие изменения к лучшему. Жизнь – штука переменчивая. Упадок может смениться временным подъемом. До смертельной агонии еще далеко, может быть, целая тысяча лет, и, как ты понимаешь, к тому времени мое брненное тело будет давным-давно упокоено в земле, а потомков после меня не останется. Я не женат, с женщинами встречаюсь изредка, детей у меня нет, и заводить их я не собираюсь. Так что я не оставлю судьбе заложников и охотников за наследством. Кстати, после твоего доклада, Селдон, я навел о тебе справки, ты уж извини. У тебя ведь тоже нет детей?

– Да, детей у меня нет, но живы родители и есть два брата. Я однажды был очень сильно влюблен, – добавил Селдон, смущенно улыбнувшись, – но этой женщине казалось, что ее я люблю гораздо меньше, чем математику.

– Она была права?

– Мне так не казалось, да что толку? Главное, что так казалось ей. Словом, она меня бросила.

– И с тех пор ты одинок.

– Да. Это было так больно, что я до сих пор не в силах забыть.

– Ну что ж, выходит, мы оба по идее вправе сложить руки и дать другим возможность суетиться, что-то придумывать, а в итоге – страдать, когда нас с тобой уже не станет на свете. Знаешь, раньше у меня были подобные мысли, но не теперь. Теперь у меня есть инструмент, и я добьюсь своего.

– Что за инструмент? – спросил Селдон, заранее зная ответ.

– Ты! – ответил Челвик.

Поскольку Селдон ожидал именно этого ответа, он не стал разыгрывать удивление и возмущение. Он просто покачал головой и сказал:

– Ты жестоко ошибаешься. Инструмент из меня никудышный.

– Почему?

Селдон обреченно вздохнул:

– Сколько же можно повторять одно и то же? Психоистория не предназначена для практического применения. Трудность ее внедрения в практику носит фундаментальный характер. Всего пространства и времени Вселенной не хватит для решения проблем, для ответа на необходимые вопросы.

– Ты в этом уверен?

– К несчастью, да.

– Но твоя задача состоит не в том, чтобы предсказывать всю будущую судьбу Галактической Империи, пойми. Тебе вовсе не нужно подробно прогнозировать действия каждого отдельного человека, даже каждого отдельного мира. Те-

бе нужно просто-напросто дать ответ на несколько вопросов: погибнет ли Галактическая Империя, и если да, то когда это произойдет? В каких условиях после этого окажется человечество? Можно ли что-либо предпринять для отсрочки гибели Империи либо для смягчения обстоятельств, которые эта гибель повлечет за собой? На мой взгляд, это не такие уж сложные вопросы.

Селдон покачал головой и грустно проговорил:

– История математики битком набита самыми простыми вопросами, ответы на которые оказались безумно сложными, а то и вообще не были найдены.

– И так-таки ничего нельзя сделать? Я вижу, что Империя погибает, но не могу этого доказать. Все мои заключения субъективны, и я никак не могу доказать свою правоту. А из-за того, что моя точка зрения никого не может обрадовать по сути, люди предпочтут отвернуться и не слушать меня, и для предотвращения гибели или, по крайней мере, для смягчения удара ничего не будет сделано. А вот ты мог бы *доказать* истинность упадка или, наоборот, опровергнуть мои предположения.

– Но ведь именно этого-то я как раз и не могу сделать! Как я могу найти отсутствующие доказательства? Я не могу превратить математические выкладки в практические, если они не таковы по своей природе. Нельзя взять два четных числа, сложить и получить в сумме нечетное, как бы страстно ты сам или вся Галактика ни желали получить в ответе

нечетное число!

– Я понял тебя, – буркнул Челвик. – Ты – порождение упадка. Ты добровольно признаешь поражение.

– Разве у меня есть выбор?

– А разве нельзя хотя бы попытаться? Какими бы бесплодными ни казались тебе мои трепыхания, что лучшего ты бы мог сделать за свою жизнь, чему бы еще ты мог ее посвятить? У тебя есть более высокая цель?

Селдон часто-часто заморгал.

– Но... Миллионы миров. Миллиарды культур. Квадриллионы людей. Квинтиллионы взаимосвязей... И ты хочешь, чтобы я один упорядочил все это?

– Нет, я хочу, чтобы ты просто *попытался*. Ради вот этих самых миллионов миров, миллиардов культур и квадриллионов людей. Не ради Императора. Не ради Демерзеля. Ради человечества.

– У меня не получится.

– Не получится так не получится. Но ты попытаешься?

И... против своей воли, сам не понимая почему, Селдон услышал собственный ответ:

– Попытаюсь.

С этого мгновения для него началась другая жизнь.

14

Путешествие наконец завершилось, и такси подлетело к

стоянке, которая оказалась гораздо обширнее, чем та, где приятели останавливались перекусить. (Селдон еще не забыл вкуса злополучного сэндвича и огорченно скривился.)

Челвик припарковал такси, вышел и скоро вернулся, на ходу убрав кредитную карточку во внутренний карман рубашки.

– Здесь ты в полной безопасности, как я и обещал, – сообщил он Селдону. – Мы находимся в секторе Стрилинг.

– Стрилинг?

– Вроде бы сектор назван в честь того, кто основал тут поселение. Большинство секторов названо в чью-то честь, вследствие чего названия чаще всего неуклюжи, а порой труднопроизносимы. И все равно здешние жители ни за какие коврижки не согласятся переименовать Стрилинг в какой-нибудь там Парадиз или что-нибудь в таком роде. Попробуй предложить – получишь по физиономии, и дело с концом.

– Парадизом тут и не пахнет, – пошутил Селдон, брезгливо наморщив нос.

– Парадизом не пахнет нигде на Тренторе, но ты привыкнешь.

– Я так рад, что мы сюда попали, – признался Селдон. – Не то чтобы я рад, что мы попали именно сюда, но просто я до смерти устал от сидения в такси. Представляю себе, если бы мы пустились в облет всего Трентора. Бр-р-р... На Геликоне в любое место можно добраться по воздуху гораздо быстрее,

чем здесь преодолеть расстояние в две тысячи километров.

— У нас тоже есть воздушные катера.

— Так почему же мы...

— Видишь ли, просто путешествие на такси мне легко было организовать так, чтобы оно прошло анонимно. С катером такого бы не вышло. И как бы безопасно мы себя тут ни чувствовали, гораздо спокойнее будет, если Демерзель не будет знать наверняка, где ты находишься. На самом деле еще не все позади. Надо еще добраться экспрессом до конечной станции.

Селдон понял, о каком виде транспорта говорит Челвик.

— Это такие открытые поезда, что ходят по рельсам?

— Точно.

— На Геликоне такого транспорта нет, да он там и не нужен. А на вашем экспрессе я уже катался, в самый первый день, как на Трентор прилетел. От аэропорта до гостиницы. Так, для новизны впечатлений очень даже ничего, но как представишь, что все время нужно на нем мотаться... Толпы народу, путаница такая...

— Ты что, заблудился?

— Да нет, там было полно указателей. Немного замешкался на входе и выходе, но мне сразу пришли на помощь. Теперь-то я понимаю, что по одежде во мне сразу признали чужеземца. Советчиков была целая куча, наверное, потому, что им приятно было наблюдать мою растерянность.

— Ну, раз уж ты теперь такой специалист по путешествиям

на экспрессе, теряться тебе больше нечего.

Эту фразу Челвик произнес тепло и дружески, но в уголках его рта притаилась улыбка.

– Пошли.

Они не спеша зашагали по улице, которая была освещена так ярко, что создавалось впечатление дня в полном разгаре, но при этом казалось, что несуществующее небо подернуто облаками и солнце (тоже несуществующее) то заходит за тучку, то снова выходит из-за нее. Селдон инстинктивно поднял глаза к «небу», но, естественно, никаких тучек не увидел.

Заметив его взгляд, Челвик пояснил:

– Считают, что такая смена освещенности благотворно воздействует на психику людей. Бывают дни, похожие на солнечные, а порой устраивают нечто вроде сплошной облачности.

– Но при этом ни дождя, ни снега?

– Да, и ни града, ни слякоти. Ничего такого. Ни повышенной влажности, ни пронизывающего холода. Видишь, Селдон, есть у Трентора свои недостатки, даже сейчас.

На улицах было довольно-таки многолюдно, причем народ встречался в основном молодой, попадались и дети, что бы там Челвик ни говорил о падении рождаемости. При взгляде на пешеходов создавалось впечатление, что люди тут живут обеспеченные и довольные жизнью. Мужчины встречались так же часто, как и женщины, и одеты все были гораз-

до более скромно, чем в Имперском секторе. Здесь костюм Селдона, подобранный для него Челвиком, выглядел совершенно естественно. Людей в шляпах встречалось немного, и Селдон с облегчением сдернул свою и взял ее под мышку.

Противоположные стороны улицы здесь не отделяла одну от другой глубокая пропасть, и, как и обещал Челвик, пешеходы передвигались, можно сказать, по уровню земли. Транспорта на улицах не было совсем, и Селдон спросил у Челвика, с чем это связано.

– В Имперском секторе, – объяснил Челвик, – машин много потому, что там ими пользуются служащие официальных структур. В других же местах частным транспортом пользуются крайне редко и для владельцев машин отведены специальные туннели. Фактически машины и не нужны, ведь есть экспресс-линии, а для передвижения на небольшие расстояния – движущиеся тротуары. А уж когда расстояние совсем невелико – можно и на своих двоих добраться.

До слуха Селдона донеслись приглушенные вздохи и вскрики, и вскоре он увидел вдалеке длинную вереницу вагончиков экспресса.

– Погляди, вон он, экспресс, – показал он рукой.

– Вижу, только нам лучше сесть на стоянке. Там и маршрут можно поточнее выбрать, и сесть легче. Ты пока все-таки, мне кажется, не сумеешь впрыгнуть в вагончик на ходу. Есть у нас такие акробаты-лихачи. Им кажется, что это у них ловко получается, вот они и выпендриваются, но, увы, ча-

стенки получают травмы.

– А разве не существует правил?

– Отчего же не существует? Существуют правила, и время от времени нарушителей даже наказывают, к всеобщему и полному удивлению.

Как только приятели удобно уселись в вагончике экспресса, Селдон обернулся к Челвику и сказал:

– Что меня удивляет, так это что экспресс движется так спокойно, равномерно. Я понимаю, что здесь действует электромагнитное поле, но все равно это удивительно! – воскликнул он, прислушиваясь к негромким звукам, возникавшим при соприкосновении их вагончика с соседними.

– Да, замечательная транспортная система, – согласился Челвик, – но, увы, ты не застал ее лучших дней. Когда я был помоложе, шума было еще меньше, а те, кто ездил на экспрессе пятьдесят лет назад, утверждают, что в то время вагончики вообще катились как по маслу, но я почти уверен, что это просто ностальгическая идеализация прошлого.

– Почему же теперь все стало иначе?

– А ухаживают паршиво, вот и все. Я же говорил тебе насчет упадка.

Селдон нахмурился:

– Уверен, люди не сидят, воздев глаза к небесам, и не повторяют как заклинание: «Мы в упадке, мы в упадке, пусть все идет прахом, и экспресс в том числе».

– Нет, конечно, ничего такого не происходит. По-преж-

нему следят за исправностью оборудования, заменяют износившиеся узлы и детали, магниты, истершуюся обшивку на сиденьях и так далее. Но все это как-то лениво, небрежно и не так часто, как раньше. Просто денег не хватает, вот и все.

– И куда же деваются деньги?

– На всякие другие дела. Мы пережили ряд беспокойных столетий, флот разросся, содержание его обходится гораздо дороже, чем раньше. Военным платят побольше, чтобы они, не дай бог, не взбунтовались. За спокойствие приходится платить.

– Но вообще-то при Клеоне жизнь течет более или менее спокойно. Пятьдесят лет непрерывного мира.

– Да, но военные, которым хорошо платят, не согласны, чтобы из-за мира им снижали оплату. Адмиралы держатся за свои траченные молью корабли и не желают даже слушать о понижении в звании просто потому, что им больше нечем в жизни заняться. Словом, деньги рекой текут без всякой отдачи в армию, а тем временем социальная сфера потихоньку разваливается и нищает. Вот это я и называю упадком. Разве это не так? Тебе разве не кажется, что на эти вещи невозможно закрыть глаза и не учесть их в твоей будущей психологии?

Селдон недовольно заерзал на сиденье:

– А куда мы, кстати, направляемся?

– В Стрилингский Университет.

– А, так вот почему название сектора показалось мне зна-

комым! Я слышал об этом Университете.

– Ничего удивительного. На Тренторе – около ста тысяч высших учебных заведений, а Стрилинг входит в тысячу самых престижных.

– Мне придется там задержаться?

– Ненадолго. Кстати говоря, университетские кампусы – неприкасаемые святыни, и там ты будешь в полной безопасности.

– Да, но будут ли там мне рады?

– Что за вопрос! В наши дни совсем нелегко отыскать хорошего математика. Для тебя там почти наверняка найдется работа. Да и ты, надеюсь, сумеешь извлечь из пребывания в Университете пользу. Не просто же прятаться там будешь.

– Ты, конечно, хочешь сказать, что там у меня будет возможность поработать над своими выкладками?

– Ты дал обещание, – напомнил Челвик.

– Я обещал *попробовать*, – уточнил Селдон, а про себя подумал, что его обещание было равносильно попытке сплести веревку из песка...

15

Разговор сам собой прекратился, и Селдон углубился в рассматривание окрестностей. Постройки отличались приятным разнообразием. Среди них попадались и невысокие здания, и уходящие под самые «небеса». Улицы сменялись

широкими площадями.

Внимательно разглядывая здания, Селдон крайне удивился, что многие из них не только сильно возвышались над землей, но и довольно глубоко уходили под землю, и неизвестно, какая их часть доминировала – надземная или подземная.

Время от времени поодаль от линии экспресса мелькали островки свежей зелени – чаще всего газоны, засаженные травой, но кое-где попадались и невысокие деревца.

Селдон смотрел и смотрел по сторонам, и вдруг ему начало казаться, что свет меркнет. Он обернулся к Челвику, тот прочел вопрос в глазах математика и объяснил:

– Вечер на исходе. Скоро ночь.

Брови Селдона вздернулись, уголки рта опустились.

– Восхитительно! Я представил себе, как вся планета погружается в темноту, а потом вновь озаряется светом...

Челвик усмехнулся:

– Не совсем так, Селдон. Планета никогда не выключается, образно говоря, одновременно вся и не включается. Тень сумерек продвигается по Трентору постепенно. Минует полдень, и затем постепенно загорается рассвет. На самом деле все происходит примерно так же, как наверху, над куполом. На высоких широтах даже долгота дня меняется в зависимости от времени года.

Селдон покачал головой:

– Не понимаю... Зачем же было нужно заковывать планету в броню, а потом пыжиться изо всех сил, пытаясь создать

условия, приближенные к естественным?

– Наверное, потому, что людям так больше нравится. Тренторианцы ценят преимущества жизни под куполом, но не желают смиряться со скукой и однообразием. Ты просто маловато пока знаешь тренторианскую психологию, Селдон.

Селдон залился легким румянцем. Конечно, он ведь все-го-навсего простой геликонец, прожил там всю жизнь, и откуда ему было знать обо всем, что творится в миллионах миров за пределами родной планеты? Но как же тогда он мог надеяться на успех в разработке основ психоистории?

Но, с другой стороны... Сколько нужно собрать вместе людей, чтобы они знали все обо всем?

Эти размышления заставили Селдона вспомнить загадку, которую ему кто-то загадал, когда он был помоложе. Загадка была такая: «Можно ли сделать так, чтобы сколь угодно большое число людей не смогло поднять с земли относительно небольшой кусок платины, пускай даже снабженный скобами для удобства? Вероятно ли это?»

Ответ был однозначный: да, вероятно. Кубический метр платины весит двадцать две тысячи четыреста двадцать килограммов при нормальной силе притяжения. Допустим, одному человеку под силу оторвать от земли вес, равный ста двадцати килограммам. Тогда для того, чтобы поднять кубометр платины, хватит ста восьмидесяти восьми людей. Однако загвоздка в том, что никак нельзя разместить сто восемьдесят восемь человек вокруг куба так, чтобы каждый имел

возможность ухватиться. По идее собрать для подъема можно не более девяти человек. А никакими рычагами и тому подобными устройствами по условиям задачи пользоваться не разрешалось. Только «грубой силой», без всяких приспособлений.

Точно так же невозможно было собрать столько людей, чтобы их пускай даже самые умные головы вмещали всю сумму знаний, необходимых для разработки психоистории. Даже компьютеры не в состоянии вместить такую сумму знаний.

– Что загрустил, Селдон? – прервал молчание Челвик.

– Да так. Расписываюсь в собственном невежестве.

– Почтенное занятие. И главное, ты не одинок. К тебе могли бы запросто присоединиться квадриллионы народа. Однако нам пора выходить.

– Откуда ты знаешь? – удивился Селдон.

– Оттуда же, откуда ты узнал, когда тебе выходить, когда первый раз ехал экспрессом. Я на знаки поглядываю.

И Селдон тут же увидел проплывавшее мимо название станции: «Стрилингский Университет, стоянка три минуты».

– Давай быстренько, а то затолкают. Не горюй, скоро наловчишься, научишься скакать так, что даже газету на ходу читать сумеешь.

– Для этого мне придется здорово подзадержаться на Тренторе... – пробормотал Селдон, крепко ухватив Челвика

за руку.

Небо окрасилось в темно-лиловые тона, в домах зажигались огни.

Точно так же наступала ночь на Геликоне. Если бы Селдона привезли сюда с завязанными глазами, а потом сдернули повязку, он был бы уверен, что никуда не улетал с Геликона и находится в новом районе одного из крупных городов.

– Челвик, как ты думаешь, долго мне придется пробыть в Университете? – спросил он.

– Трудно сказать, Селдон, – как всегда спокойно отозвался Челвик. – Может быть, всю жизнь.

– Что?!

– А может быть, и нет. Но с тех пор, как ты сделал доклад о психоистории, твоя жизнь перестала тебе принадлежать. Император и Демерзель тебя сразу разглядели. Я тоже. Насколько мне известно, не только они и я. Словом, надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты сам себе больше не принадлежишь.

Глава 4

Библиотека

ВЕНАБИЛИ, ДОРС – историк, родилась на Цинне....Вероятно, жизнь этой женщины и далее не представляла бы собой ничего особо примечательного, если бы, проработав два года в Стрилингском Университете, она не познакомилась с молодым Гэри Селдоном во время его Бегства...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

16

Комната, в которую привел Селдона Челвик, оказалась более просторной, чем квартирка Челвика в Имперском секторе. Большими удобствами она, правда, не отличалась, все по минимуму: кровать, в углу – умывальник. Никаких приспособлений для приготовления пищи. Окна в комнате тоже не было, а на потолке мерно жужжал вентилятор.

Селдон растерянно оглядел комнату.

Челвик, как обычно, отреагировал на растерянность Селдона:

– Это только на одну ночь, Селдон. Завтра утром пришлют кого-то, кто определит тебя в Университет, и тебя

устроят поудобнее.

– Челвик, ты меня прости, конечно, но откуда тебе это известно?

– Я все устрою. У меня тут есть пара-тройка знакомых. А эти люди, – криво усмехнувшись, добавил он, – в некотором смысле мои должники, вот я с них и требую мзду. А теперь давай обсудим кое-какие мелочи.

Он пристально посмотрел на Селдона:

– Со всем, что ты оставил в гостинице, придется распрощаться навсегда. У тебя осталось что-нибудь особо ценное, незаменимое?

– Да нет, ничего такого. Кое-какие безделушки, милые сердцу и связывающие меня с прошлым, но это можно пережить. Что упало, то пропало. Потом... кое-какие заметки по докладу. Расчеты. И сам доклад.

– Который теперь можно считать достоянием общности, – закончил Челвик, – и таковым он останется до тех пор, пока его не изымут из обращения как материал, представляющий известную опасность. Тем не менее, если понадобится, я сумею раздобыть копию, я уверен. Но, думаю, ты сможешь его восстановить, не так ли?

– Смогу. Потому я и сказал, что горевать мне особо не о чем. Еще там остались все мои деньги – что-то около тысячи кредиток, книги, одежда, обратный билет до Геликона и тому подобные вещи.

– Ну, это все ерунда... Значит, нужно будет устроить, что-

бы на твоё имя выписали кредитную карточку с моего счёта. Этого хватит на повседневные мелкие расходы.

– Слишком щедрый подарок. Я не могу его принять.

– Никакой щедрости. Взамен я приобретаю спасение Империи. Так что придется тебе принять этот дар.

– Но откуда у тебя столько денег, Челвик? И пойми, если я и стану пользоваться этой карточкой, то с нелегким сердцем.

– Селдон, поверь, у меня хватит средств, чтобы обеспечить тебе сносное существование. Естественно, я не собираюсь ссужать тебя суммой для покупки университетского гимнастического зала или позволять швырять на ветер миллионы.

– Да нет, я ничего такого не имел в виду, но все-таки как же... Ведь мое имя будет зарегистрировано?

– Будет, и ничего страшного. Имперское правительство не имеет никакого права совать нос в дела Университета и его сотрудников. Тут полная свобода. Говори о чем хочешь, что хочешь обсуждай. Отдельное государство.

– Ну а если кто-то из сотрудников совершает преступление?

– Тогда дело рассматривается университетскими властями – беспристрастно и справедливо. Но никаких преступлений тут и в помине нет. Студенты и преподаватели высоко ценят собственную свободу и понимают и чтут ее законы. Ведь стоит тут пролиться крови, начаться беспорядкам, как правительство тут же сочтет, что получило право нарушить

негласный договор, и пришлет сюда войска. А это никому не нужно, в том числе и правительству, поэтому поддерживает-ся спокойствие и равновесие. Другими словами, сам Демерзель не сумеет выцарапать тебя из Университета. Это ему дорого обойдется. Поверь мне, уже полтора-два года как никто из сотрудников и студентов не имеет никаких неприятностей с правительством. Но, с другой стороны, если какой-нибудь студент-сексот вытащит тебя за пределы территории Университета...

– А что, среди студентов есть такие?

– Откуда мне знать? Ведь в принципе любого человека можно запугать, одурачить, а то и попросту купить, и тогда он станет прихвостнем Демерзеля или кого-нибудь еще. Поэтому подчеркиваю: в общем и целом ты здесь в безопасности, но *никто* и никогда в абсолютной безопасности не пребывает. Действовать надо осторожно и осмотрительно. Однако мне не хотелось бы, чтобы, вняв моему совету слишком буквально, ты только и делал, что оглядывался по сторонам и шарахался от каждого встречного. Все равно, как бы то ни было, тут тебе будет спокойнее, чем на Геликоне, да и в любом другом мире, кроме Трентора.

– Очень надеюсь, – обреченно вздохнул Селдон.

– Вот и правильно, – ободрил его Челвик. – В противном случае я бы не смог тебя покинуть.

– Покинуть? Ты что, хочешь бросить меня тут? – испуганно воскликнул Селдон. – О, не делай этого! Ты тут все зна-

ешь, а я ничего!

– С тобой рядом будут другие, кто знает этот мир, пожалуй, даже лучше меня. А мне пора. Я с тобой пробыл весь день, и время приняться за свои дела. Мне нельзя привлекать к себе излишнего внимания. Не забывай, мне ведь тоже может грозить опасность, не меньше, чем тебе.

Селдон смутился и покраснел.

– Ты прав. Действительно, не можешь же ты из-за меня бесконечно рисковать. Надеюсь, пока ничего страшного не случилось?

Челвик пожал плечами:

– Кто знает? Мы живем в тревожные времена. Ты только помни: если и есть на свете кто-то, кто может сделать их менее тревожными – пусть не для нас, пусть для тех, кто придет после нас, – то этот кто-то – ты, Селдон. И не расставайся с этой мыслью, Селдон. Пусть она тебе поможет.

17

Заснуть Селдону не удалось. Он ворочался в темноте с боку на бок и все думал, думал... С того мгновения, как Челвик коротко кивнул ему на прощание, быстро пожал руку и вышел, Селдону стало так одиноко и тоскливо, как до сих пор не было никогда. Он остался один-одинешенек в совершенно чужом мире, на незнакомом островке этого мира. Тот единственный, кого он уже был готов назвать своим другом,

покинул его, а он даже не представлял, куда податься и чем заняться и завтра, и потом...

От таких мыслей заснуть было просто невозможно, но, конечно, именно тогда, когда Селдон решил, что ему предстоит бессонная ночь, усталость взяла свое, и он провалился в сон.

Когда он проснулся, было еще темно – вернее, не совсем темно, поскольку мелькал красноватый свет и раздавалось странное прерывистое жужжание. Наверняка эти звуки и вспышки и разбудили математика.

Пока он отчаянно пытался вспомнить, где находится, вспышки и жужжание прекратились, раздался настойчивый стук.

Скорее всего, стучали в дверь, но Селдон даже не мог вспомнить, в какой она стороне и где выключатель.

Он сел на постели и принялся шарить пальцами по стене в поисках выключателя, приговаривая:

– Подождите минуточку, пожалуйста!

Наконец пальцы его нащупали кнопку, он нажал ее, и комната тут же озарилась мягким светом.

Сонно моргая, Селдон слез с кровати, поискал глазами дверь, нашел, собрался было открыть, но тут вспомнил об осторожности и холодно, серьезно спросил:

– Кто там?

Очень приятный женский голос ответил ему:

– Меня зовут Дорс Венабили, мне нужен доктор Гэри Селдон.

Не успела она договорить, как оказалась в комнате, у двери, которую Селдон еще не успел открыть.

Мгновение Селдон смотрел на нее не отрываясь, потом в ужасе вспомнил, что на нем, кроме трусов, ничего нет. Он испуганно вобрал в себя воздух и бросился к кровати. Оглянувшись, он понял, что видит перед собой всего-навсего голограмму. Изображению немного недоставало реальности, и вдобавок женщина вовсе не смотрела на Селдона. Видимо, она предъявила свое изображение, чтобы Селдон увидел, что она именно та, за кого себя выдает.

Селдон с трудом перевел дыхание и сказал довольно громко, чтобы его голос был слышен за дверью:

– Если вы подождете, я впущу вас. Мне нужно... примерно полчаса.

Женщина, или, по крайней мере, ее голограмма, ответила:

– Хорошо, я подожду, – и исчезла.

Душа не было, поэтому Селдон кое-как помылся над раковиной. Тюбик с пастой был, а щетки не было, пришлось вычистить зубы пальцем. Выбирать не приходилось – Селдон облачился в подаренную Челвиком одежду и наконец отпер дверь.

Всякие мысли вертелись у него в голове, однако он успел сообразить, что женщина сказала о себе крайне мало. Подумаешь, имя назвала. Челвик его не предупредил, кто к нему может заглянуть. Дорс ли эта самая, как ее там, или кто другой. Он-то решил, что можно без опасений открыть дверь,

раз там просто симпатичная молодая женщина, но кто знает, вдруг, кроме нее, там целый взвод дюжих молодцов?

Селдон осторожно выглянул в щелочку, убедился, что женщина одна, никого с ней нет, и открыл дверь пошире, пропуская гостью в комнату. Как только она вошла, Селдон тут же захлопнул и запер дверь.

– Простите, а который час? – спросил он.

– Девять, – ответила женщина. – День давно начался.

В отношении времени Трентор придерживался Галактического стандарта, поскольку только так можно было вершить дела в области межзвездной торговли и межправительственных контактов. Но помимо этого в каждом мире существовала своя, местная система измерения времени. А Селдон пока еще не успел свыкнуться с тем, что такое «час» потренториански.

– Середина утра? – уточнил Селдон.

– Верно, – ответила женщина.

– Да, долго я проспал, – смутился Селдон и тут же добавил, защищаясь: – Просто тут нет окна, понимаете?

Дорс подошла к кровати, протянула руку и коснулась пальцами небольшой черной точки на стене. На потолке, прямо над подушкой, тут же загорелись красные цифры: 09.03.

Улыбнувшись открыто и искренне, она проговорила:

– Простите меня. Я думала, что Четтер Челвик предупредил вас о том, что я зайду в девять. Прямо беда с ним. Он

так привык к тому, что все всё знают, что даже и мысли не допускает о том, что кто-то порой все-таки может чего-то не знать... Видимо, я зря воспользовалась радиоголографической системой идентификации. По всей вероятности, вы с этим незнакомы, и я вас, наверное, напугала.

Селдон сразу успокоился. Женщина вела себя на редкость искренне и дружелюбно, а как только прозвучало имя Челвика, все встало на свои места.

– Что касается радиоголографии, мисс...

– Зовите меня просто Дорс.

– Так вот, Дорс, что касается радиоголографии, вы не правы. Ею пользуются на Геликоне, и я знаю, что это такое, просто мне такая роскошь была не по карману, да и не только мне, всем людям моего круга, поэтому, так сказать, в руках я этой штуки не держал. Но я все понял и не испугался, уверяю вас.

Селдон рассматривал гостью. Роста она была невысокого, прямо скажем – среднего. Волосы – золотисто-рыжие, скорее медные, ровно и красиво выующиеся, довольно коротко стриженные. (Женщины с такими стрижками уже попадались Селдону на Тренторе. Видимо, такие прически были сейчас в моде. На Геликоне же даму с подобной стрижкой подняли бы на смех.) Особой красотой лицо Дорс не блистало, но отличалось удивительной миловидностью. Вероятно, этому в немалой степени помогали мягкие, пухлые губы, готовые в любую минуту расплыться в улыбке. Дорс была

стройна, пропорционально сложена и на вид довольно молода. («Слишком молода, – подумал про себя Селдон, – чтобы на нее можно было положиться».)

– Вы решили мне инспекцию учинить? – кокетливо поинтересовалась Дорс. (Похоже, у нее, как и у Челвика, был врожденный талант к чтению чужих мыслей, а может быть, Селдон начисто был лишен способности скрывать свои.)

– Простите, – смущенно ответил Селдон. – Вышло, что я вас вроде бы разглядываю, а я просто задумался. Поймите, здесь все чужое для меня, у меня здесь совсем нет друзей.

– Прошу вас, доктор Селдон, считайте меня своим другом. Мистер Челвик велел мне о вас заботиться.

Селдон усмехнулся:

– Боюсь, вы для такой заботы слишком молоды.

– Вы скоро убедитесь, что это не так.

– Ну что ж, постараюсь доставлять вам как можно меньше хлопот. Если вам не трудно, повторите, пожалуйста, ваше имя.

– Дорс Венабили, – старательно выговаривая буквы, повторила женщина, сделав подчеркнутое ударение на втором слоге фамилии. – Как я уже сказала, звать меня можете просто Дорс, обращаться можете на «ты». Я надеюсь, вы не будете против, если я буду звать вас Гэри? Здесь, в Университете, мы не уделяем большого внимания формальностям, и все стараются никоим образом не подчеркивать ни должности, ни ученого звания.

– Конечно, никаких возражений. Зовите... зови меня Гэри.

– Отлично. Ну, теперь дальше, без формальностей. Так... инстинкт подсказывает, что при соблюдении правил этикета я должна была бы попросить разрешения сесть. Ну а раз мы от формальностей отказались, я просто сяду, и все.

И Дорс уселась на единственный стул.

Селдон прокашлялся:

– Прости, пожалуйста. На самом деле это я должен был предложить тебе сесть. Что же это я...

Он уселся на краешек неприбранной кровати. Ему было жутко не по себе, и он принялся, стараясь делать это незаметно, разглаживать складки одеяла...

Дорс, казалось, ничего не замечала.

– Значит, так, Гэри, для начала мы позавтракаем в одном из университетских кафе. Затем я устрою тебя в общежитии – там комнаты намного удобнее, чем эта. Кстати, там будет и окно. Челвик попросил меня позаботиться о том, чтобы тебе была выдана кредитная карточка с его счета. На это мне понадобится день-два. Тут у нас народ въедливый. А пока все твои расходы буду оплачивать я, потом сочтемся. Потом... У нас найдется для тебя работа. Четтер Челвик сказал мне, что ты – математик, а у нас сейчас по кое-каким причинам хороших математиков как раз не хватает.

– А Челвик сказал, что я – *хороший* математик?

– Конечно, так и сказал. Еще он сказал, что ты – исклю-

чительный человек. Выдающийся.

– Ну, знаешь... – Селдон уставился на свои ноги. – Это, спору нет, приятный комплимент, но ведь с Челвиком мы только сегодня познакомились, а чуть раньше он слышал мой доклад, о качестве которого он, не будучи специалистом, судить может лишь весьма приблизительно. Думаю, он так сказал просто из вежливости.

– А я так не думаю, – покачала головой Дорс. – Он и сам человек необыкновенный, и у него огромный опыт общения с людьми. Я его мнению верю. Как бы то ни было, у тебя будет возможность доказать, на что ты годишься. Надеюсь, ты с компьютером управляться умеешь?

– Конечно.

– Я имею в виду обучающие компьютеры. Ты умеешь составлять программы для обучения различным разделам современной математики?

– Да. Я этим занимался постоянно. В Геликонском Университете у меня должность старшего преподавателя кафедры математики.

– Знаю, – кивнула Дорс. – Челвик говорил. Правда, когда об этом узнают, все поймут, что ты не с Трентора, но особых сложностей возникнуть не должно. Здесь, в Университете, и тренторианцев хватает, но есть сотрудники и студенты из самых разных миров, и никто на них косо не смотрит. Не хочу сказать, что ты прямо-таки не столкнешься ни с какими разговорчиками на тему о том, кто с какой планеты, но долж-

на тебе честно сказать: провинциалы на такое брюзжание гораздо более падки. Между прочим, я и сама – не местная.

– Правда? – воскликнул Селдон, тут же смутился, но решил, что ничего невежливого не будет, если он спросит, откуда родом Дорс. – Откуда же ты, если не секрет?

– С Цинны. Слыхал про такую?

Врать бесполезно, решил Селдон, и честно ответил:

– Нет.

– Ничего удивительного. Моя родная планета, пожалуй, еще менее известна, чем Геликон. Кстати, возвращаясь к вопросу о программировании... Насколько я понимаю, программу можно составлять либо хорошо, либо плохо.

– Ты совершенно права.

– А ты можешь составить такую программу хорошо?

– Надеюсь, сумею.

– Вот и отлично. Университет тебе за это заплатит. А теперь пойдем позавтракаем. Как спалось, кстати говоря?

– Как ни странно, я уснул.

– А есть хочешь?

– Хочу, только...

Селдону стало неловко.

– Понятно, – улыбнулась Дорс. – Тебя беспокоит качество пищи. Не волнуйся. Мне твои страдания вполне понятны, я ведь тоже не тренторианка и сама через это прошла. В Университете очень неплохой выбор блюд. По крайней мере, в преподавательских столовых. Студентам приходится поту-

же, но тут считают, что они таким образом закаляются.

Дорс встала и направилась к двери. Вопрос Селдона оставил ее на полпути:

– А ты преподавательница, Дорс?

Она обернулась и укоризненно улыбнулась:

– Что, слишком молодо выгляжу? Докторскую диссертацию я защитила два года назад, еще на Цинне, и с тех пор работаю здесь. Через две недели мне стукнет тридцать.

– Извини, пожалуйста, – улыбнулся Селдон в ответ. – Выглядишь ты на двадцать четыре, так что поневоле возникают сомнения относительно наличия у тебя ученой степени.

– А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, – показала головой Дорс, и Селдону сразу стало легко. «Все будет хорошо, – решил он. – Вот я уже флиртую с очаровательной женщиной, значит, все будет хорошо».

18

Дорс оказалась права. Завтрак был совсем недурен. В одном из блюд явно присутствовали свежие яйца, мясо было прекрасно зажарено. Какао (на Тренторе обожали какао, и Селдон не имел ничего против этого), наверное, было синтетическое, но вкусное, а булочки – просто прелесть!

Селдон не мог не поделиться впечатлениями:

– Замечательный завтрак. И еда отличная, и обстановка.

– Рада, что тебе понравилось, – улыбнулась Дорс.

Селдон разглядывал столовую. Вдоль одной из стен шел ряд окон, и хотя в них проникал не настоящий свет, а искусственное освещение, Селдон и ему был рад и скоро перестал огорчаться отсутствию солнечных зайчиков на полу. За окнами было очень светло: видимо, сегодня местный климатический компьютер почему-то решил, что пора устроить ясный погожий денек.

Столики были рассчитаны на четверых, большинство мест было занято, но к Дорс и Селдону никто не подсел. Все вежливо кланялись, но усаживались за другие столики. Наверняка это было делом рук Дорс, очевидно, она хотела, чтобы они с Гэри завтракали в одиночестве, но как ей это удалось, Селдон никак не мог понять.

– Дорс, – сказал он, – ты пока не познакомила меня ни с кем из математиков.

– Просто пока никого не заметила из знакомых. У большинства математиков рабочий день начинается рано, с восьми часов – занятия. Лично мне кажется, что это из-за того, что студенты так сильно любят математику, что стремятся покончить с ней как можно раньше.

– Наверное, это из-за того, что ты сама не математик.

– Да, уволь, только не это! – рассмеялась Дорс. – Я историк. У меня уже вышло несколько статей по истории Трентора эпохи расцвета – не теперешнего, а времени, когда тут только зарождалось королевство. Я думаю, на этом мои изыскания и остановятся по времени. Тренторианское Коро-

левство.

– Замечательно! – воскликнул Селдон.

– Замечательно? – удивилась Дорс. – Тебя что, интересует это время?

– В некотором роде да. И это, и другие тому подобные вещи. Я ведь никогда серьезно историей не занимался, а теперь придется.

– Придется? Почему? Если бы ты изучал историю, у тебя бы не хватило времени на математику. А математики так нужны, особенно у нас в Университете. Историков тут – выше крыши. И экономистов полно, и социологов, и политологов, а вот с математиками – прямо беда. Четтер Челвик как-то говорил со мной об этом. Он сказал, что это свидетельство упадка науки. Похоже, он думает, что это явление носит всеобщий характер.

– Ты меня не так поняла, – покачал головой Селдон. – Говоря об изучении истории, я вовсе не имел в виду, что собираюсь сделать ее делом всей жизни. Нет, мне просто нужно расширить свои познания в этой области. Это необходимо мне для проведения математических исследований. Я специализируюсь в математическом анализе социальных структур.

– Звучит кошмарно.

– Согласен. Это ужасно сложно, и пока я не узнаю побольше о том, как протекало развитие человеческих сообществ, социальных формаций, моя работа просто безнадежна. Пока

я получил всего-навсего статичную картину, понимаешь?

– Нет, не понимаю, потому что для меня это пока – пустой звук. Четтер мне сказал, что ты разрабатываешь что-то такое, что зовется психоисторией, и что это очень важно. Правильно я назвала? Психоистория?

– Правильно. Сначала я хотел назвать эту науку «психо-социология», но слово показалось мне уж очень неуклюжим. Может быть, я уже тогда инстинктивно чувствовал, что без истории мне не обойтись, но сознательно – нет, это я точно помню.

– Пожалуй, «психоистория» действительно звучит приятнее, но только я все равно понятия не имею, что это такое.

– Я сам, честно говоря, понятие имею весьма приблизительное, – признался Селдон и умолк, глядя в глаза Дорс и думая о том, что общество такой милой женщины, вероятно, приятно скрасит его неожиданную ссылку. Он вспомнил о той женщине, которую знал и любил, но заставил себя не думать о ней. Если и суждено ему когда-нибудь обрести подругу жизни, то это будет такая женщина, которая поймет, что значит преданность науке и чего эта преданность требует от человека.

Решив перевести разговор на другую тему, Селдон проговорил:

– Послушай, Дорс, Челвик говорил мне, что правительство совершенно не вмешивается в университетские дела. Это правда?

– Правда.

Селдон недоверчиво покачал головой:

– Даже не верится. Просто невероятно! У нас на Геликоне высшие учебные заведения такой независимостью похвастаться не могут.

– На Цинне тоже. Таких заведений во всей Галактике – по пальцам сосчитать можно. На Тренторе – дело другое.

– Но почему?

– Потому что здесь – столица Империи. Университеты пользуются здесь необыкновенным престижем. Да, специалистов выпускают все Университеты, но только здесь, на Тренторе, осуществляется обучение и выпуск административных кадров для Империи, чиновников высших рангов, тех самых миллионов управленцев, которые тянут за собой щупальца Империи и дотягивают их до самых дальних уголков Галактики.

– Я, правду говоря, статистики не читал...

– Поверь мне на слово. Считается, что крайне важно, чтобы у имперских администраторов воспитывалось чувство общности, чувство ответственности за судьбу Империи. И конечно, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы все они поголовно были коренными тренторианцами – иначе другие миры обидятся и забеспокоятся, не дай бог. А поэтому Трентор старается завлекать сюда как можно больше студентов из других миров. И совершенно не важно, откуда приезжает студент, с каким акцентом разговаривает, какова культу-

ра его родной планеты, лишь бы только он побыстрее ассимилировался на Тренторе и стал отождествлять себя с тренторианской системой образования. Это в значительной степени способствует консолидации Империи, и провинциальные миры ведут себя намного спокойнее оттого, что значительная часть управленцев, представителей имперского правительства – это их земляки.

Селдон задумался. Такое ему и в голову не приходило. «Можно ли считаться великим математиком, – подумал он, – если ничего, кроме математики, не знаешь?»

– А то, о чем ты рассказала, – общеизвестно? – спросил он.

– Наверное, – немного подумав, ответила Дорс. – Хотя... люди стараются не знать больше того, что им положено, и специалисты в конкретной области за ее рамки, как правило, не выбираются и изо всех сил стараются закрыться от информации, которую считают посторонней, ненужной.

– Но ты, тем не менее, *знаешь* об этом.

– Да, но это – моя специальность. Я – историк, специалист по Королевскому Трентору, а ведь именно принципы управления, разработанные в то время, в немалой степени способствовали превращению Королевства в Империю.

Селдон пробормотал, обращаясь больше к самому себе:

– Как опасно разбрасываться... Как будто делаешь надрезы на теле знания и оставляешь их кровоточить.

– А что делать? – пожала плечами Дорс. – Но, видишь ли,

раз уж Трентор так старательно привлекает провинциалов к обучению в здешних Университетах, он вынужден дать им что-то взамен за то, что люди оторвались от своих корней и попали в незнакомый, чужой мир, где все насквозь искусственное. Я здесь уже два года и до сих пор не привыкла. Может быть, никогда не сумею привыкнуть. Но, с другой стороны, я же не в администраторы готовлюсь, а потому мне нет нужды впитывать тренторианский дух.

И потом, Трентор предлагает взамен не только высокое положение, власть и деньги в перспективе, но еще и свободу. Покуда студенты учатся, они имеют право критиковать правительство, даже устраивать мирные демонстрации протестов, разрабатывать собственные теории, высказывать любые точки зрения. Это выглядит настолько привлекательно, что многие прилетают сюда именно из-за этого – жаждут испытать ощущение свободы.

– А это, – кивнул Селдон, – тоже способ оказания давления. Тут они выпускают весь пар, успевают наиграться в революцию, а к тому времени, когда занимают свое место в имперской иерархии, они уже готовы погрузиться в комфорт, благосостояние и послушание.

– Скорее всего, ты прав, – согласилась Дорс. – Как бы то ни было, правительство делает все возможное для поддержания духа свободы и вольнодумства в Университетах. И это очень хитрая, очень умная игра.

– Дорс, ты сказала, что не готовишься в администраторы.

А кем ты собираешься стать?

– Историком, конечно. Я буду преподавать историю, писать книги и создавать обучающие программы на их материале.

– Положение не слишком высокое, как я понимаю?

– Главное, что мне не светят большие деньги, Гэри, что гораздо более важно. Что же касается положения... Знаешь, это такая чехарда, мне в эти игры влезать совершенно не хочется. Много я повидала людей на высоких постах, да вот счастливых среди них как-то не попадалось. Пост – это не стул, прибитый к полу. Приходится все время следить за тем, чтобы его из-под тебя не выбили. Даже Императорам в этом смысле приходится порой туговато. В один прекрасный день я просто вернусь на Цинну и стану профессором.

– И учеба на Тренторе поможет тебе занять подобающее положение.

Дорс рассмеялась.

– Может быть, да только кому до этого будет дело на Цинне? Это ужасно скучный мир: сплошные фермы и стада скота – четвероногого и двуногого.

– Наверное, после Трентора тебе там покажется еще скучнее.

– Да, я об этом думала. Ну, если заскучаю, я всегда смогу позволить себе попутешествовать и заняться историческими исследованиями. В этом и состоит преимущество моей профессии.

– А бедному математику, – проговорил Селдон с горечью и сам себе удивился, – только и остается, что сидеть за компьютером и только о компьютере думать и говорить...

Селдон смутился. Завтрак был окончен, и, наверное, у Дорс были намечены какие-то свои планы.

Однако она вроде бы никуда не спешила.

– Ну? Что ты там сказал про компьютеры?

– Ты сможешь раздобыть для меня разрешение поработать в исторической библиотеке?

Теперь настала очередь Дорс растеряться:

– Думаю, это можно будет устроить. Если ты займешься математическим программированием, значит, должность твоя будет – внештатный сотрудник факультета. Я попрошу, чтобы тебе выдали пропуск. Но...

– Но?

– Мне не хотелось бы тебя обидеть, но ты сам сказал, что ты – математик и в истории ничего не понимаешь. Ты уверен, что сможешь разобраться в исторической библиотеке?

Селдон улыбнулся:

– Надеюсь, компьютеры у вас там такие же, как в математической библиотеке?

– Это так, однако программы по любой отрасли науки отличаются своими хитростями. Ты незнаком со справочниками, с методами скоростного поиска. Не сомневаюсь, ты способен найти гиперболический интервал с завязанными глазами...

– Ты, наверное, хотела сказать «интеграл», – осторожно уточнил Селдон.

– ...но зато, – продолжала Дорс, не обратив никакого внимания на замечание, – на поиск условий мирного договора в Полдарке у тебя уйдет полтора дня.

– Надеюсь, я смогу научиться там работать.

– Научишься, если... – проговорила Дорс, слегка нахмурившись. – Слушай, давай так: я даю тебе недельный инструктаж, по часу каждый день, бесплатно, и обучаю пользоваться библиотекой. Обычно такой инструктаж проводят со студентами-первокурсниками. Надеюсь, твоя гордость не будет слишком сильно уязвлена – то есть ты выдержишь обучение рядом с первокурсниками? Курс начнется через три недели.

– Но ты могла бы дать мне частные уроки, – сказал Селдон почти умоляюще и смутился.

Это не укрылось от Дорс.

– Могла бы, но мне кажется, что тебе лучше будет пройти официальный курс. Занятия будут проводиться в библиотеке, и к концу недели будет нечто вроде экзамена: тебе придется отыскивать информацию по тому или иному вопросу истории. У тебя возникнет нечто вроде соревнования с другими студентами, и это пойдет тебе на пользу. Частные уроки такого эффекта не дадут, поверь. Правда, если ты будешь отставать от первокурсников, твое самолюбие пострадает. Но не забывай, они уже успели пройти начальный курс истории,

в отличие от тебя.

– Да, я такого курса не проходил. Но я не боюсь состязаний и вовсе не возражаю против ударов по самолюбию. Главное – научиться искать информацию по истории.

Селдон понимал, что ему все больше нравится эта женщина, и он с радостью думал о перспективах учиться у нее. Понимал он также, что в его мыслях произошел коренной переворот.

Он обещал Челвику попытаться разработать метод практического применения психоистории, но это обещание дал его разум, а не чувства. Теперь он был готов схватить психоисторию за горло, если понадобится, но во что бы то ни стало внедрить ее в практику. Вероятно, виной такой перемены в его мыслях стала Дорс Венабили.

Но, может быть, Челвик как раз на это и рассчитывал? «Он, – решил Селдон, – не просто выдающийся человек, он гений».

19

Клеон Первый закончил обед – увы, для него и обед являлся делом государственной важности. Это значило, что ему даже во время еды приходилось разговаривать со всевозможными чиновниками, никто из которых ему, кстати говоря, не был знаком. Каждому из них Император обязан был сказать одну-другую одобрительную и ободряющую фразу,

тем самым укрепив в сердце каждого верность Империи и короне. Это значило также, что пищу ему подавали остывшую, а когда он наконец приступал к еде, все блюда были холодны как лед.

Клеон страдал и никак не мог придумать способ спасения. Может, стоило сначала обедать в одиночестве или с самыми близкими, а уже потом являться на официальный обед, где бы ему подали... ну, скажем, заморскую грушу? О, как он любил груши... А вдруг тогда высокие гости возьмут и обидятся, решив, что Император брезгует делить с ними трапезу?

Являться с женой? О нет, от нее вреда больше, чем пользы. Когда Клеон взял ее в жены, ее род угасал и, естественно, питал надежды на возрождение за счет союза с Императором. Клеон, однако, надеялся совсем на другое: он очень хотел, чтобы угасла хотя бы та представительница рода, на которой он женился. Он предоставил супруге возможность жить в свое удовольствие на ее половине Дворца и лишь изредка навещал ее для выполнения супружеских обязанностей, хотя в этой роли она ему совсем не нравилась. Теперь же, когда их отношения в этом плане и вовсе прекратились, он совсем перестал навещать к жене.

Клеон разгрыз один из горстки орешков, которые успел прихватить со стола, и крикнул:

– Демерзель!

– Сир?

Демерзель всегда являлся по первому зову. То ли постоянно подслушивал у замочной скважины, то ли старался не уходить далеко, чувствуя, что может понадобиться в любую минуту, – непонятно, однако дело обстояло именно так: он являлся по первому зову, и Клеон ценил это. Правда, бывали случаи, когда Демерзель куда-то удалялся по важным делам, и тогда Клеон страдал от его отсутствия.

– Ну, что там с этим математиком? Запомню, как его зовут.

Демерзель прекрасно понял, кого имеет в виду Император, но решил выждать и выяснить, что Император запомнил, а потому невинно поинтересовался:

– О каком математике вы говорите, сир?

Клеон нервно взмахнул рукой:

– Ну, этот, предсказатель будущего. Тот, который приходил ко мне.

– Тот, за которым мы посылали, сир?

– Ну да, посылали, какая разница? Он же все равно приходил? Ты собирался пригласить за ним, если не ошибаюсь? Ну и как дела?

Демерзель прокашлялся и сообщил:

– Да, сир, собирался.

– Ага! Собирался, но не пригласил, так?

Как ни странно, Клеон ощутил некоторое злорадное удовлетворение. Демерзель был единственным из его министров, которому всегда все удавалось. Остальные, правда,

никогда не признавались в неудачах, но оттого, что неудачи сыпались, как горох, исправлять их последствия становилось все труднее. Видимо, Демерзель слишком редко ошибался и потому мог позволить себе быть честным. «Если бы не Демерзель, – подумал Клеон, – я бы и знать не знал, что такое честность».

А еще он подумал: «Наверное, все Императоры прожили жизнь, потонув в море вранья, и именно поэтому Империя...»

Демерзель молчал, и Клеон, прогнав набежавшие мысли, поторопил его с ответом:

– Ну что, ты потерпел фиаско? Говори!

– Да, сир, в некотором роде, – нисколько не смутившись, отвечал Демерзель. – Мне показалось, что оставлять его на Тренторе, где обстановка и так... словом, мне показалось, что он может доставить нам кое-какие проблемы. Можно было бы махнуть на него рукой – ведь он собирался на следующий же день вернуться домой, но мало ли что... вдруг бы он передумал и остался на Тренторе... Словом, я все устроил так, что двое бродяг должны были впихнуть его в звездолет в этот же день.

– Ты что, якшаешься с бродягами, Демерзель? – удивился Клеон.

– Видите ли, сир, приходится. Дела бывают разные, и люди нужны тоже разные, не только бродяги. Но, увы, им не удалось выполнить мое поручение.

– Это почему же?

– Вы не поверите, сир. Селдон побил их обоих.

– Как? Математики умеют драться?

– По всей видимости, математика и драка – не взаимоисключающие понятия. Вскоре я выяснил, что у себя на родине Селдон в этой области знаменит. То, что я не узнал об этом заранее, сир, и есть моя большая ошибка, и я умоляю вас простить меня за это.

– Полагаю, что математик отправился домой не в этот день, а на следующий, как и собирался?

– К несчастью, этого не произошло. После драки он почему-то решил не возвращаться на Геликон. То ли какой-то прохожий, бывший свидетелем потасовки, дал ему такой совет, то ли... словом, он остался на Тренторе. Таково еще одно осложнение.

Император нахмурился:

– Стало быть, наш математик... как же его зовут-то?

– Селдон. Гэри Селдон.

– Стало быть, этот Селдон теперь недостижим?

– В каком-то роде, сир, в каком-то роде... Мы за ним проследили. В данное время он находится в Стрилингском Университете. Там он в неприкосновенности.

Император фыркнул, лицо его покраснело.

– До чего же я терпеть не могу это слово – «неприкосновенность»! Не должно в Империи быть таких уголков, куда бы не дотянулись наши руки! А ты мне заявляешь, что прямо

здесь, на Тренторе, кто-то пребывает в неприкосновенности! Возмутительно!

– До Университета ваши руки, сир, могут дотянуться. Как только захотите, можете послать туда войска и выдернуть оттуда этого Селдона. Однако это... гм-м-м... нежелательно.

– Ты еще скажи «неосуществимо», Демерзель! Ты мне сейчас как раз этого самого математика напоминаешь. Точно так же он разглагольствовал о предсказании будущего. «Возможно, но неосуществимо». Что же я за Император? Все могу в принципе, а на самом деле не могу ничего! Не забывай, Демерзель, если до Селдона добраться невозможно, то до тебя как раз таки очень легко!

Последнюю фразу Демерзель молча проглотил. Он, «человек, стоящий за трон», прекрасно знал, что Императору без него не обойтись, и подобные угрозы слышал уже не раз. Он молчал и ждал, пока страсти улягутся. Побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику кресла, Клеон спросил:

– Ну ладно, какой нам прок от этого математика, если он попал в Стрилингский Университет?

– Как ни странно, сир, нет худа без добра. Весьма вероятно, что именно в Университете он решит поработать над своей психоисторией.

– Да? Несмотря на то что с пеной у рта утверждает, что ее нельзя применить на практике?

– Он может ошибаться и может понять, что ошибается. А как только он это поймет, мы предпримем попытку выцара-

пать его из Университета. Очень может быть, что он сам нас об этом попросит.

Император глубоко задумался.

– А что, если кому-то взбредет в голову, – спросил он после паузы, – выцарапать его оттуда раньше нас?

– Кому же это может взбрести в голову, сир? – тихо спросил Демерзель.

– Да хотя бы мэру Сэтчема, если на то пошло! – рявкнул Клеон. – Он до сих пор лелеет мечту захватить власть над Империей!

– Он постарел, сир. Пороху не хватит.

– Не обольщайся, Демерзель.

– Но у нас нет никаких причин полагать, что он вообще интересуется Селдоном. Скорее всего, он и знать о нем не знает.

– Ну-ну, Демерзель. Раз мы знаем о докладе Селдона, почему бы в Сэтчеме о нем не слышали? Раз мы понимаем, что Селдон – не пешка, почему бы этого не понимали в Сэтчеме?

– Если до этого дойдет... Нет, если появится хоть какая-то опасность, сир, мы успеем принять серьезные меры.

– Насколько серьезные?

Демерзель осторожно проговорил:

– Скажем так, сир: чем отдавать Селдона в Сэтчем, лучше сделать так, чтобы он не достался никому. Лучше прекратить его существование.

– То есть убить?

– Если вам так больше нравится, сир, – с поклоном ответил Демерзель.

20

Гэри Селдон раздраженно откинулся на спинку кресла, стоявшего в алькове его новой комнаты, выделенной для него стараниями Дорс Венабили. Настроение у него было самое паршивое.

«Паршивое настроение» – так он сам определил свое состояние, а на самом деле все обстояло гораздо хуже – он был просто в бешенстве. А самое главное – он не понимал, из-за чего именно. Из-за того, что узнал об истории? Из-за творцов и компиляторов этой самой истории? Или причиной его ярости стали миры и люди, создавшие историю?

Однако, видимо, дело было не в том, на кого он изливал свой гнев. Главное – все его заметки оказались абсолютно бесполезны, новообретенные знания – тоже, все бесполезно, все!

Он находился в Университете целых шесть недель. За компьютер он засел с самого начала и сразу начал работать – без всяких инструкций, полагаясь только на собственную интуицию, развившуюся в течение многолетней работы. Работал он медленно, часто спотыкался, но находил даже некоторое удовольствие в том, что до всего доходил сам и сам отыскивал ответы на поставленные вопросы.

Потом начались занятия под руководством Дорс, которые принесли ему немало полезного, но понервничать заставили не на шутку. Во-первых, его смущали взгляды, которые на него бросали студенты. Их, по всей вероятности, забавлял возраст Селдона, и всякий раз, когда Дорс, обращаясь к нему, называла его «доктором», многие усмехались.

– А я нарочно это подчеркиваю, – объявила Дорс. – Не хочешь же ты, чтобы они тебя считали двоечником, вечным студентом, который никак не может ликвидировать задолженность по истории?

– Ты наверняка преувеличиваешь. Может быть, они вовсе так не думают. Мне кажется, ты могла бы меня просто Селдоном называть.

– Нет, – покачала головой Дорс и неожиданно улыбнулась. – И потом, мне самой нравится, как звучит «доктор Селдон». Ужасно забавно смотреть, как ты всякий раз морщишься.

– У тебя извращенное чувство юмора. Садистское.

– Хочешь меня перевоспитать?

Селдон, сам не зная почему, рассмеялся. Конечно, кому приятно, когда тебя обзывают садистом? Но ему понравилось, как Дорс парировала его атаку. Немного подумав, он спросил:

– Послушай, у вас в Университете в теннис играют?

– Карты есть, но я сама не играю.

– Отлично. Поиграй со мной, и, пока будем играть, я буду

называть тебя «профессор Венабили».

– Но ты так и обращаешься ко мне на занятиях!

– А ты посмотришь, как это замечательно будет звучать на теннисном корте.

– А вдруг мне понравится?

– Тогда я придумаю что-нибудь еще... Не думаю, чтобы такое обращение понравилось тебе во всех обстоятельствах.

– У тебя тоже специфическое чувство юмора. Непристойное.

– Хочешь меня перевоспитать? – продолжил обмен ударами Селдон.

Она только улыбнулась в ответ. Потом, когда они встретились на теннисном корте, оказалось, что Дорс играет совсем недурно.

– Ты действительно раньше не играла? – спросил Селдон после первой партии.

– Ни разу, – ответила Дорс.

Остальные переживания носили более или менее личный характер. Познакомившись с элементарной методикой исторического поиска, Селдон проклял все свои предыдущие попытки самостоятельно поработать с компьютером. Оказалось, что поиск информации по истории требует в корне иного подхода, чем тот, который он привык применять в математике. И тут и там большую роль играла логика, однако в историческом поиске логика была нужна совсем другая, не такая, какой привык пользоваться Селдон.

Но как бы то ни было – и до инструктажа, и после него, быстро ли он работал или спотыкался на каждом шагу, – никаких результатов, просто никаких!

Он нервничал, и это чувствовалось даже на теннисном корте. Дорс довольно скоро освоилась, и он перестал посылать ей легкие мячи, давая время на обдумывание. Совершенно позабыв, что перед ним – новичок, Селдон разошелся и принялся осыпать Дорс резаными ударами, вкладывая в них всю переполнявшую его злость.

Дорс подошла к сетке и сказала:

– Я понимаю, тебе хочется убить меня. Видимо, тебя жутко злит, что я так часто пропускаю мячи. Ну и что же ты промазал, в таком случае? Последний мяч пролетел в трех сантиметрах от моей головы. Целься получше, что же ты?

Селдон смутился, забормотал что-то невнятное.

– Слушай, – сказала Дорс. – Пожалуй, на сегодня хватит. Давай-ка примем душ и пойдем выпьем чаю или еще чего-нибудь, и ты мне расскажешь, кого ты на самом деле хотел убить. Если ты целился не в мою бедную головушку, надо выяснить, в кого ты целился. Иначе я не стану больше играть с тобой. Мне страшно, честное слово.

За чаем Селдон признался:

– Дорс, я успел много чего просмотреть по истории. Пока я только просматривал материал, не углублялся. И, тем не менее, некоторые вещи стали очевидны. Во всех книгах речь идет примерно об одних и тех же событиях.

– Поворотных, ты хочешь сказать. Тех, на которых зиждется история.

– Ну, разве что так. Как будто все друг у друга списывали. В Галактике – двадцать пять миллионов миров. А в книгах упоминается, дай бог, двадцать пять.

– Видимо, дело в том, – предположила Дорс, – что ты читаешь книги по всеобщей истории. Загляни в исторические хроники отдельных миров. Ведь в каждом мире, каким бы маленьким он ни был, дети в школе учат родную историю и только потом узнают, что живут в огромной Галактике. Разве ты сам не знаешь сейчас больше о Геликоне, чем об истории расцвета Трентора или о хронике Великой Межзвездной Войны?

– Такие знания тоже грешат ограниченностью, – возразил Селдон. – Мне знакома география Геликона, история его заселения, история борьбы с ближайшими врагами – планетой Дженнисек. Учителя, правда, их врагами называть избегали, предпочитая называть «соперниками». Но я никогда не слышал о том, чтобы Геликон внес хоть какой-то вклад в общегалактическую историю.

– Но, может быть, и на самом деле никакого вклада не было?

– Не надо, Дорс. Наверняка был. Может быть, Геликон и правда не принимал участия в крупных космических сражениях, может быть, там не было многолюдных восстаний, может быть, представители моей планеты не подписывали гло-

бальных мирных договоров. Может быть, Геликон не стал ареной борьбы за создание там имперской базы. Но какое-то влияние Геликон *должен был* оказать. Хотя какое-то! Что бы и где бы ни происходило, это обязательно как-то отражается в других местах. А я никак не могу отыскать информацию, которая помогла бы мне... Вот посмотри, Дорс: возьмем математику. Все знания, накопленные человечеством за двадцать тысячелетий, можно отыскать с помощью компьютера. В истории все обстоит иначе. Историки копаются в знаниях и выбирают из них, но что самое поразительное, все выбирают одно и то же.

– Но, Гэри, – возразила Дорс, – математику придумали люди, и в этой науке все повинуется строгому, непрерываемому порядку. Одно следует из другого. Существуют определения, аксиомы, и все они всем известны. История – дело другое. В ней сконцентрированы поступки и мысли миллиардов человеческих существ. Историки не могут работать иначе. Такая у нас работа – копаться и выбирать.

– Пусть так, – кивнул Селдон. – Но я обязан изучить *всю* историю, в противном случае мне никогда не удастся разработать законы психоистории.

– В таком случае, ты их никогда не разработаешь.

Разговор этот произошел вчера. И вот теперь Селдон сидел у себя в комнате. Еще один день потрачен впустую, а в ушах все время звучала сакраментальная фраза Дорс: «В таком случае, ты их никогда не разработаешь».

Собственно, таковы были его убеждения с самого начала, и если бы Челвик не убеждал его так страстно в обратном, если бы не разжег с такой силой в душе Селдона сомнения, Селдон до сих пор бы думал именно так.

Что же теперь? Почему сомнения до сих пор мучили его? Почему он так упорно искал ответа? Искал, но найти никак не мог.

Глава 5

Наверху

ТРЕНТОР. Крайне редки его описания снаружи, с орбиты. Трентор с давних времен представлялся людям миром внутренним, то есть таким, каким видели этот мир его обитатели. Однако внешняя поверхность Трентора существовала: до сих пор сохранились голографические снимки планеты, сделанные из космоса, и на них видны отдельные детали (см. рис. 14 и 15). Обратите внимание на то, что поверхность куполов, контуры большого города и слой атмосферы – то самое, что в те времена именовали «Верхом», это...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

21

И все-таки на следующий день Гэри Селдон снова отправился в библиотеку. Во-первых, потому, что дал обещание Челвику. Он обещал попробовать и просто не мог бросить начатое дело на полпути. Во-вторых, он и самому себе был кое-что должен. Ему не хотелось признавать собственное поражение. По крайней мере, пока. Нужно было идти до конца.

Итак, он углубился в просматривание каталога справочных изданий, в которые пока не успел заглянуть, и гадал, ка-

кие из них (а их было неисчислимое множество) могут пролить хоть какой-то свет на мучившие его вопросы. Он уже был готов начать просматривать все справочники один за другим, когда в стену кабинки кто-то тихо постучал.

Селдон оторвал взгляд от терминала и увидел смущенную физиономию Лисунга Ранды, который глядел на него из-за перегородки. Селдон знал Ранду, их познакомила Дорс. Пару раз они вместе обедали.

Ранда, преподаватель психологии, был человеком невысокого роста, полным, круглолицым. Улыбка почти никогда не сходила с его лица. Кожа – желтоватого оттенка, глаза – узкие. Такая внешность, широко распространенная по всей Галактике, была Селдону не в новинку. Многие из великих математиков были родом из таких миров, и Селдон видел их голографические снимки. Правда, на Геликоне ни с кем из Восточников, как их называли, он лично знаком не был. Да-да, их все называли именно Восточниками, хотя никто не знал почему. Сами они не слишком радовались этому прозвищу, но опять-таки никто не знал почему.

– На Тренторе нас миллионы, – дружелюбно улыбаясь, сообщил Ранда в день их знакомства, когда Селдону при всем старании не удалось скрыть удивления. – Тут и Южан полно – темнокожих, курчавых. Видел Южан?

– На Геликоне – нет, – признался Селдон.

– На Геликоне – одни Западники, да? Вот скучища! Ну, это ладно. По мне, так все хороши.

После этого разговора Селдон задумался о том, почему существуют Восточники, Западники и Южане, но совершенно нет Северян. Он даже покопался на этот счет в справочниках, но ответа не нашел.

И вот теперь Ранда, всегда такой веселый, разглядывал Селдона с явной озабоченностью.

– Ты в порядке, Селдон? – спросил он.

– В порядке, – ответил Селдон. – А что?

– Да нет, ничего такого. Просто ты кричал.

– Я? Кричал? – недоверчиво поинтересовался Селдон.

– Не очень громко. Вот так примерно. – Ранда стиснул зубы и издал высокий гортанный звук. – Если я ошибаюсь, прости, что помешал.

Селдон опустил голову:

– Ничего, Ранда, не извиняйся. Я и правда иногда издаю такие звуки, мне уже говорили. Ей-богу, бессознательно. Сам не замечаю.

– А почему, понимаешь?

– Почему? О, понимаю, конечно. От расстройства. От разочарования!

Ранда наклонился поближе и произнес вполголоса:

– Мы мешаем людям. Давай выйдем в вестибюль, пока нам не сделали замечания. Пойдем перекусим, что ли?

В кафе, после пары стаканов прохладительных напитков, Ранда спросил:

– Позволь задать тебе профессиональный вопрос: какова

причина твоего разочарования?

– Причина разочарования? – пожал плечами Селдон. – Как у всех, наверное. Работаю, работаю, а результатов – ноль.

– Но ты же математик, Гэри. К чему тебе разочаровываться в исторической библиотеке?

– А ты там что делал?

– Я? Мимо проходил и слышал, как ты... стонешь. Ну, значит, судьба мне была там оказаться. И я не жалею об этом.

– Хотел бы я тоже просто проходить мимо... Видишь ли, дело в том, что я решаю одну математическую задачу: для ее решения необходимы кое-какие знания по истории, а у меня, боюсь, не очень-то хорошо идут дела.

Ранда посмотрел на Селдона с необычной серьезностью и сказал:

– Прости, если обижу, но... я просмотрел твое компьютерное досье.

– Мое досье? – воскликнул Селдон и покраснел. Похоже, он и вправду обиделся и рассердился.

– Ну вот, я тебя все-таки обидел... погоди, не сердись. Понимаешь, у меня дядя – математик. Может, слышал о таком: Кьяньто Ранда?

У Селдона дыхание перехватило:

– Правда? Он твой родственник?

– Да. Старший брат отца. Ужасно огорчился, что я не пошел по его стопам, ведь своих детей у него не было. Вот я подумал... наверное, он был бы рад узнать, что я подружил-

ся с математиком. Так хотелось похвастаться, понимаешь? Ну, вот я и решил покопаться в математической библиотеке, разузнать о тебе побольше.

– Ясно. А теперь уж моя очередь прощения просить. Хвалить тебе особенно не придется.

– А вот и нет! Я, конечно, ни слова не понял из того, о чем говорится в твоих работах, но их хвалят. А когда я просмотрел колонки новостей, то выяснил, что ты выступал на последнем Декадном конгрессе. Ну вот. Кстати, а что такое «психоистория»? Меня, конечно, прежде всего интересуют два первых слога.

– Понятно. Это словечко бросилось тебе в глаза.

– Да, и если я не круглый дурак, мне показалось, что ты можешь предсказать будущее течение истории.

Селдон устало кивнул:

– Ну, в общем и целом, это и есть то, что представляет собой психоистория, вернее – должна представлять.

– И это серьезно? – улыбнулся Ранда. – Не игра в «счастливый билетик»?

– Какой билетик?

– Ну, у меня на родине есть такая детская игра в предсказание будущего. Если будешь похитрее, можно здорово нажить. Скажи, к примеру, какой-нибудь мамаше, что ее сынок разбогатеет, вырастет красавцем, и можешь быть уверен – отхватишь кусок пирога, а то и монетку в полкредитки. Мамаше совершенно не важно, будет так или не будет,

ей одного обещания за глаза хватает.

– Понятно. Нет, никаких таких билетиков. Психоистория – чисто абстрактная наука. Исключительно абстрактная. Никакого практического применения у нее нет, за исключением...

– Ну, ну! Исключения – это всегда самое интересное.

– Ну, в общем, мне бы хотелось придумать для нее применение. Может быть, если бы я лучше знал историю...

– А-а-а... Так ты поэтому закопался в историю?

– Ну да. Только толку – чуть, – грустно кивнул Селдон. – История – совершенно необъятная штука, а правды в ней так мало.

– И это вызывает у тебя разочарование?

Селдон снова кивнул.

– Но, Гэри, ведь ты здесь всего несколько недель!

– Да, но все равно мне уже понятно...

– Ничего тебе не может быть понятно за несколько недель. Можно всю жизнь проработать и ничего не добиться. Да что там... Целые поколения математиков должны трудиться над этой проблемой...

– Лисунг, я отлично это понимаю, но мне от этого не легче. Мне обязательно нужно чего-нибудь добиться самому.

– Самоистязание ничего не даст. Может быть, тебе станет хоть немножко легче, если я приведу тебе пример. Есть один вопрос, над которым здесь бьются уже незнамо сколько времени, и тоже без толку. Казалось бы, вопрос намного проще,

чем история человечества. Мне эта работа хорошо знакома, поскольку проводится здесь, в Университете, и в ней принимают участие мои близкие друзья. А ты – «разочарование»! Знал бы ты, что такое разочарование!

– И что за проблема? – с любопытством поинтересовался Селдон.

– Метеорология.

– Метеорология? – не веря собственным ушам, ошарашенно переспросил Селдон.

– Да-да, не удивляйся и не смейся. Метеорология. Вот послушай: у каждого из обитаемых миров есть атмосфера. В каждом мире свой собственный состав атмосферы, своя температура, свой период обращения вокруг оси и светила, свой наклон оси вращения, свое соотношение поверхности суши и воды. Двадцать пять миллионов – вот такое разнообразие, и обобщить параметры еще никому до сих пор не удалось.

– Это из-за того, что состояние атмосферы сильно подвержено хаотическим изменениям. Дураку ясно.

– Точно так же говорит мой приятель, Дженнар Легген. Да ты с ним знаком.

Селдон задумался, вспоминая:

– Высокий такой? Длинноногий? Молчун?

– Он самый... Ну, так вот. И Трентор в этом смысле еще более загадочен, чем все остальные миры. Судя по тому, что о нем написано, во время его заселения климат был более или менее обычным. Затем, по мере роста населения, рас-

ширения урбанизации, увеличилось потребление энергии, и в атмосферу стало выбрасываться больше тепла. Ледяной слой подтаял, облачный истончился, и погода стала неустойчивой. Это и вызвало стремление уйти под землю и тем самым обезопасить себя от капризов климата, выбраться из порочного круга. Но, что самое удивительное, круг стал еще более порочным. Чем яростнее люди закапывались под землю и чем больше возводили куполов, тем хуже становился климат. Теперь над поверхностью почти постоянно собираются тучи и идет то дождь, то снег, в зависимости от температуры. И, что самое ужасное, никто не в состоянии этого объяснить. До сих пор никто не анализировал причин такого страшного ухудшения климата, не пытался прогнозировать ежедневные перемены погоды.

– Ну и что? – пожал плечами Селдон. – Разве это так важно?

– Для метеоролога – да. Почему бы им тоже не расстроиться, не впасть в отчаяние? Так что ты не одинок, есть у тебя товарищи по несчастью.

Тут Селдону пришло на память затянутое тучами небо по дороге к Дворцу Императора и пронизывающий холод.

– Ну и что же они предпринимают? – спросил он.

– Здесь, в Университете, разрабатывается глобальный проект, и Дженнар Легген участвует в его разработке. Те, кто работает над этим проектом, считают, что, если им удастся понять причину перемен в климате Трентора, они узна-

ют многое о фундаментальных законах метеорологии в целом. Легген жаждет этого не меньше, чем ты стремишься к выведению законов своей психоистории. В общем, он наставил целую уйму приборов и инструментов наверху – на поверхности куполов, понимаешь? Пока он ничего не добился. Ну и представь: целые поколения ломают голову над состоянием атмосферы и никак не могут получить желаемых результатов, а ты покопался в истории человечества какие-то несколько недель и уже жалуешься?

«А ведь Ранда прав, – подумал Селдон. – Я тороплюсь с выводами. Что сказал бы Челвик? Он сказал бы, что вся эта безрезультатная возня вокруг самых разных научных проблем – не что иное, как проявление общего упадка в науке. Наверное, он недалек от истины, но судит слишком общо, все усредняет». А Селдон пока никак не мог пожаловаться на умственное бессилие и упадок сил.

Не скрывая интереса, он спросил:

– Ты хочешь сказать, что метеорологи выбираются наружу, под открытое небо?

– Ага. Наверх. Это довольно забавно. Большинство коренных тренторианцев ни за что не полезли бы туда. Они не любят выбираться наверх. Говорят, будто у них там головы кружатся и все такое прочее. Так что над метеорологическим проектом работают в основном не местные.

Селдон бросил взгляд за окно. Лужайки и небольшой сад университетского кампуса весело зеленели, озаренные ис-

кусственным светом, не дававшим тени и палящего зноя.

– Не знаю, – проговорил он задумчиво, – я не склонен винить тренторианцев за любовь к комфорту и безопасности житья под куполами, но мне кажется, что кто-то мог бы забраться наверх из одного любопытства. Я, по крайней мере, не удержался бы.

– Хочешь увидеть метеорологию в действии?

– Не отказался бы. А как попадают наверх?

– Без проблем. Лифтом. Лифт поднимается, дверь открывается, вот и все. Мне довелось там побывать. Довольно-таки... забавно.

– Может быть, это помогло бы мне немного отвлечься от психоистории? – вздохнул Селдон. – Было бы неплохо.

– Возможно, – кивнул Ранда. – И потом... Знаешь, как-то мой дядюшка изрек: «Знания едины». Не исключено, что он был прав. Вдруг ты что-то такое узнаешь из метеорологии, что поможет тебе в работе над психоисторией. Разве это так уж невероятно?

Селдон кисло улыбнулся.

– Много на свете вероятного... – «Но далеко не все осуществимо», – добавил он про себя.

22

– С метеорологами? – удивилась Дорс.

– Да, – кивнул Селдон. – У них на завтра запланирована

работа, и я собираюсь наверх вместе с ними.

– Что, устал от истории?

Селдон понурился:

– Есть немного. Нужно встряхнуться. И потом, Ранда утверждает, что у метеорологов тоже есть проблема, которая не по зубам математикам, так что, может быть, мне полезно будет убедиться в том, что я не одинок.

– Надеюсь, ты не страдаешь агорафобией?

– Нет, – улыбнулся Селдон. – И вопрос твой мне понятен. Ранда сказал, будто тренторианцы потому не любят подниматься наверх, что якобы почти все поголовно боятся высоты. А я думаю, они просто плохо чувствуют себя там без привычного «потолка».

Дорс кивнула:

– Ты сам посмотришь и убедишься, что более естественно. Но не забывай, что тренторианцы разбросаны по всей Галактике – туристы, администраторы, солдаты. В других мирах агорафобия тоже нередко встречается.

– Наверное, Дорс, но только я ею не страдаю. Мне просто любопытно и нужно сменить обстановку, поэтому я обязательно пойду с ними завтра.

Дорс, похоже, растерялась:

– Надо бы мне тоже пойти с тобой, но у меня завтра все расписано по часам. Ну да ладно, если ты действительно не агорафоб, может быть, все сойдет нормально. Не исключено, что тебе там даже понравится. Да, только, пожалуйста, не

отходи далеко от метеорологов. Я слыхала, бывали случаи... кто-то там заблудился, что ли.

– Обещаю, буду осторожен. Вообще со мной такого не случается.

23

Дженнар Легген производил впечатление человека мрачного, угрюмого. Дело было не в цвете лица – лицо у него было светложее, открытое. И не в густых кустистых бровях. Может быть, в глубоко посаженных глазах и длинном крючковатом носе. В общем, выражение лица у него было какое-то печальное. Он почти никогда не улыбался, говорил крайне редко, и его глубокий голос никак не вязался с тщедушностью фигуры.

– Селдон, вам понадобится более теплая одежда, – сказал он.

– О! – растерянно воскликнул Селдон и оглянулся. Еще четверо метеорологов – двое мужчин и две женщины – собирались подняться наверх вместе с Леггеном и Селдоном. Все четверо и сам Легген действительно были одеты намного плотнее, чем обычно: поверх легкой тренторианской одежды все натянули толстые свитера, яркие и у всех разные.

Селдон смущенно оглядел себя:

– Простите, я не знал, но у меня все равно нет ничего подходящего.

– Погодите, вроде бы у меня найдется для вас свитер... да, вот он. Не с иголки, но все-таки лучше, чем ничего.

– Но ведь ужасно жарко, наверное, в таких свитерах? – спросил Селдон, облачившись в одолженный Леггеном свитер.

– Это здесь, – объяснил Легген. – Наверху все иначе. Холод и ветер. Жаль, но лишних гетр и теплых ботинок у меня не найдется. А они бы тоже не помешали.

Метеорологи набрали с собой целую тележку разных приборов и теперь проверяли их один за другим – на взгляд Селдона, жутко медленно.

– Ваша родная планета холодная? – спросил Легген.

– Местами – да, – ответил Селдон. – В тех краях Геликона, где я жил, климат мягкий, часто идет дождь.

– Плоховато. Значит, вам наверху не понравится.

– Переживу как-нибудь, надеюсь.

Как только все было готово, группа направилась к лифту, на двери которого красовалась табличка: «Посторонним вход воспрещен. Только для служебного пользования».

– Это потому, что лифт идет наверх, – объяснила Селдону одна из женщин. – Наверх просто так, от нечего делать, никто не ездит.

Селдон раньше с этой женщиной не встречался, но коллеги называли ее Клозией. Он не понял, имя это, фамилия или прозвище.

Лифт как лифт, ничего особенного, Селдон на таких ез-

дил много раз, и не только на Тренторе, а и на Геликоне, но само чувство, что этот лифт вывезет его за пределы закрытого пространства, на поверхность, создавало у Селдона ощущение, будто он летит на космическом корабле.

Селдон мысленно усмехнулся. «Какая глупость», – подумал он.

Кабина слегка подрагивала, и Селдон вспомнил разглагольствования Челвика относительно упадка в технике. Легген, двое мужчин и одна из женщин застыли, как каменные, будто берегли энергию для работы наверху, а Клозия разглядывала Селдона с нескрываемым интересом.

Селдон наклонился к самому ее уху и прошептал:

– И высоко мы поднимемся?

– Высоко? – громко переспросила она бесцеремонно. Выглядела она очень молодо. «Аспирантка, наверное, – решил Селдон. – Или практикантка».

– Просто... мы уже так долго едем. Что, наверху много этажей?

Она не сразу нашлась, что ответить.

– О нет. Не так уж высоко. Просто Университет низко расположен. Понимаете, мы поедаем уйму энергии, а чем ниже, тем она дешевле.

Тут Легген сообщил:

– Порядок. Прибыли. Давайте вынесем оборудование.

Кабина вздрогнула и остановилась, широкая дверь отползла в сторону. Сразу стало холодно, и Селдон машиналь-

но сунул руки в карманы, мысленно поблагодарив Леггена за свитер. Холодный ветер растрепал его волосы, и Селдон пожалел, что не захватил никакого головного убора. Легген вытащил из рукава вязаную шапочку и натянул на голову. То же самое проделали и все остальные.

Все, да не все. Клозия собралась было надеть шапочку, но передумала и протянула ее Селдону.

Селдон отрицательно покачал головой:

– Нет-нет, Клозия, не надо.

– Не стесняйтесь, берите и надевайте. У меня длинные волосы, густые, я не замерзну, а у вас – короткие и... не такие густые.

В другое время Селдон обязательно поспорил бы и насчет волос, и насчет шапочки. Но делать было нечего. Он взял шапку, неуклюже натянул ее на голову и пробормотал:

– Спасибо. Если замерзнете, я вам сразу верну.

А может быть, он и ошибся насчет ее возраста. Просто у Клозии было круглое, наивное, почти детское лицо. Она сказала про волосы, и он невольно обратил на них внимание. И действительно, волосы у нее были чудесные – каштановые, с золотистым отливом. На Геликоне Селдон никогда не встречал женщин с таким цветом волос.

Наверху было облачно, почти как в тот день, когда Селдона везли во Дворец, но намного холоднее. «Наверное, это потому, – решил Селдон, – что прошло целых шесть недель и скоро зима». Небо затянули мрачные тучи – не то собира-

лась гроза, не то близился вечер. Да нет, вечер – это навряд ли. Разве выбрались бы метеорологи для наблюдений на ночь глядя? Или просто они выбрались ненадолго?

Селдон хотел спросить, но решил, что сейчас не время отвлекать бригаду по пустякам. Лица у всех были взволнованные или сердитые.

Селдон огляделся по сторонам.

Стоял он на металлической поверхности – так, по крайней мере, он решил по звуку, топнув ногой. Однако, сделав несколько шагов, Селдон оглянулся и понял, что оставляет следы. Поверхность явно была покрыта не то пылью, не то мелким песком.

Ну и что такого, собственно говоря? Неужели кому-то могло взбрести в голову забираться сюда, чтобы вытереть пыль? Селдон наклонился и решил приглядеться получше.

В это время к нему подошла Клозия. Заметив, куда он смотрит, она тоном оправдывающейся домохозяйки проговорила:

– Вообще-то мы тут подметаем, а то приборы могут испортиться. В других местах наверху гораздо грязнее, но это никому не мешает, честное слово. Наоборот, лишняя теплоизоляция.

Селдон кивнул и продолжил осмотр окрестностей. Назначения приборов, которые торчали повсюду, словно экзотические растения на тонких стебельках, он понять не мог.

Легген направился к Селдону, осторожно переставляя но-

ги. «Наверное, не хочет повредить чувствительные приборы, – решил Селдон. – Надо будет тоже не слишком топтать тут».

– Послушайте, Селдон! – окликнул Легген.

Селдону не очень понравился его тон, и он холодно отозвался:

– Да, доктор Легген?

– Так вот, доктор Селдон, этот малыш, Ранда, сказал мне, что вы – математик.

– Он не соврал.

– И хороший?

– Хотелось бы верить, что это так, но мне самому трудно себя оценивать.

– Вас интересуют неразрешимые проблемы?

Селдон искренне признался:

– Я столкнулся именно с такой проблемой.

– Я тоже. Вы не стесняйтесь. Если будут вопросы, обращайтесь к нашему интерну, Клозии, она вам ответит. Не исключено, что нам понадобится ваша помощь.

– Я бы с радостью, но, увы, в метеорологии я полный профан.

– Это не беда, Селдон. Я просто хочу, чтобы вы все... как бы это сказать... прочувствовали, а потом мне бы хотелось поговорить с вами о моих математических выкладках, если вы не против.

– К вашим услугам.

Легген отвернулся, собрался было отойти, но обернулся и пробурчал:

– Если замерзнете – *совсем* замерзнете, – дверь кабины открыта. Войдите и нажмите кнопку «Первый этаж Университета». Кабина доставит вас вниз и автоматически вернется к нам. Если забудете, спросите у Клозии, она вам напомнит.

– Не забуду.

На этот раз он ушел, а Селдон смотрел ему вслед, чувствуя, как холодный ветер пронизывает свитер. Клозия, покрасневшая от холода, подошла к нему.

– Похоже, доктор Легген сердится, – сказал ей Селдон. – Или он всегда такой?

– Нет, – усмехнулась Клозия. – Не всегда. Сейчас он и правда очень сердит.

– Почему?

Клозия оглянулась, ее пышные волосы взметнулись на ветру.

– Мне этого знать не положено, но я знаю. Доктор Легген рассчитывал, что сегодня, как раз в это самое время, облака немного рассеются и он сможет понаблюдать за солнцем. Ну а погода... вы и сами видите какая.

Селдон понимающе кивнул.

– У нас здесь установлены головизионные приемники, так что он заранее знал, что погода облачная, но, наверное, понадеялся на то, что приборы врут и виноваты они, а не его теория и расчеты. Но пока никаких неисправностей не обна-

ружено.

– Поэтому он такой несчастный?

– Ну... честно говоря, полностью счастливым он никогда не бывает.

Селдон, прищурившись, осматривал окрестности. Несмотря на облачность, свет был довольно резким. Вскоре он понял, что поверхность у него под ногами не совсем горизонтальная, а имеет наклон. Он находился на склоне большого покатого купола. Осмотревшись получше, он разглядел поблизости и вдали множество куполов различной высоты и диаметра.

– Довольно-таки неровная поверхность. Будто холмы, – сказал он.

– Да, и почти везде, – подтвердила Клозия. – Так уж вышло.

– А почему?

– Думаю, по чистой случайности. Насколько я знаю, я ведь тоже когда-то так же глазела по сторонам и спрашивала, точь-в-точь как вы сейчас, ну, и мне рассказали, что поначалу тренторианцы ставили купола над площадями, торговыми центрами, стадионами и так далее, потом – над целыми городами, потому куполов стало так много, и все разной высоты и диаметра. В конце концов и получился вот такой «холмистый» пейзаж, но люди решили, что так тому и быть и, даже более того, что так и должно быть.

– Вы хотите сказать, что на то, что получилось совершен-

но случайно, стали смотреть, как на некую традицию?

– Пожалуй, что так, если хотите.

«Если простую случайность так легко возвести в ранг традиции, незыблемой и несокрушимой, – подумал Селдон, – не может ли это стать законом психоистории?» Выходило жутко тривиально, и сколько еще могло получиться таких законов, на вид совершенно тривиальных? Миллион? Миллиард? Но, может быть, существует относительно небольшое число более общих законов, из которых следует множество производных? Как узнать? Селдон так крепко задумался, что на время позабыл о холодном ветре.

Клозия, судя по всему, не забыла. Она поежилась и сказала:

– Да, прохладно. Внизу гораздо уютнее.

– А вы – тренторианка? – поинтересовался Селдон.

– Да, коренная.

Тут Селдон вспомнил, что ему рассказывал Ранда о склонности тренторианцев к агорафобии, и осторожно спросил:

– А вы любите бывать здесь?

– Ненавижу! – призналась Клозия. – Но вынуждена подниматься, ведь я должна получить научную степень, профессию, место, а доктор Легген говорит, что без практических занятий это невозможно. Вот и приходится выбираться сюда, как ни противно, как ни холодно. Кстати, вам, наверное, и в голову не приходит, что при таком холоде тут, наверху,

что-то может расти?

– А что, растет? – воскликнул Селдон, подозрительноглянув на Клозию, усмотрев в ее вопросе шутку для новичка. Нет, вид у нее был совершенно невинный, но вот была ли эта невинность искренней или просто все дело было в ее ребяческом облике, Селдон понять не мог.

– Да, представьте себе, и даже здесь, где мы стоим сейчас, когда бывает потеплее. Просто мы тут все расчищаем для работы, как я уже говорила, но в других местах растительность накапливается, а в тех местах, где купола сходятся друг с другом, и вообще образуются довольно густые заросли.

– Но откуда тут взяться почве?

– Дело в том, что, когда куполами была покрыта не вся планета, а только ее часть, ветром на них наносило почву. А потом, когда Трентор был уже целиком закован в броню, началось подземное строительство, и землю было просто некуда выбрасывать, кроме как сюда, наверх.

– Но ведь купола могли пострадать!

– Нет, что вы. Они сделаны из чрезвычайно прочного материала и покоятся на мощных подпорках. Я прочла в одной книжке, что замысел состоял в том, чтобы выращивать овощи и другие полезные растения здесь, наверху, но оказалось, что внутри этим заниматься намного проще и безопаснее. Постепенно перешли на культивирование дрожжей и водорослей, а поверхность оставили на произвол судьбы. Тут и животные водятся, и насекомые – бабочки, пчелы, мыши,

кролики. Их очень много.

– А корни растений не вредят куполам?

– Пока не повредили, а ведь прошла не одна тысяча лет. Поверхность куполов обработана специальным составом, отторгающим корни. Да и растет тут в основном трава, хотя деревья тоже попадают. Вы бы все это увидели собственными глазами, будь сейчас потеплее, или если бы мы выбрались на поверхность южнее, или с орбиты корабля. Вы смотрели на Трентор сверху, когда подлетали? – спросила она с любопытством.

– Нет, Клозия, увы, не смотрел. Корабль подлетал так, что не было возможности посмотреть. А вы когда-нибудь смотрели на Трентор из космоса?

– Я ни разу не бывала в космосе, – грустно улыбнулась Клозия.

Селдон окинул взглядом горизонт. Ничего. Сплошной серый цвет.

– Просто не могу поверить, – признался он. – Я про растительность.

– Но это правда. Я слыхала, кое-кто рассказывал – нездешние вроде вас, те, кому повезло и довелось увидеть Трентор из космоса, – что планета оттуда кажется зеленой, похожей на огромный луг, потому что покрыта травой и низеньким кустарником. Но деревья тоже есть, поверьте. Со всем близко отсюда есть рощица. Я сама видела. Там растут вечнозеленые деревья, высокие, метров по шесть.

– Где это?

– Отсюда не видно. По другую сторону купола. Вон там...

– Клозия! Вернись! Ты нам нужна! – послышался отдаленный оклик.

Оказывается, Селдон и Клозия, заболтавшись, ушли довольно далеко от бригады метеорологов.

– Ой-ой-ой! – забеспокоилась Клозия. – Простите, доктор Селдон, мне нужно идти.

И она побежала к своим, ухитряясь двигаться необычайно грациозно, несмотря на тяжелые ботинки.

Может быть, она просто развлекала Селдона, чтобы он не скучал? Так развлекают чужеземцев в любом мире. Ну и что, что она обо всем рассказывала как о само собой разумеющемся? Может, это у нее профессиональное?

Неужели действительно здесь, наверху, могут расти шестиметровые деревья? Долго не раздумывая, Селдон зашагал в направлении самого высокого из куполов, видневшихся на горизонте, на ходу размахивая руками, чтобы согреться. Ноги у него начали замерзать.

Клозия не успела показать, где растут деревья. А ведь могла бы! Почему же она не сделала этого? Не успела? Ну да, ее позвали.

Диаметр куполов был гораздо больше, чем высота, и слава богу, потому что иначе идти было бы намного труднее. Но, с другой стороны, жутко мучительно было шагать по покатому куполу до его вершины – ведь только с вершины можно было

увидеть, что там, дальше, по другую сторону.

Ну вот наконец он добрался до вершины. Оглянувшись, чтобы посмотреть, видны ли отсюда метеорологи со своими приборами. Селдон ушел довольно далеко, их маленькие фигурки копошились внизу, в долине, но видны были отчетливо. Вот и хорошо.

С вершины ничего похожего на рощицу и деревья видно не было, но в углублении между куполами змеилась полоска земли, на которой то тут, то там проглядывали зеленые пятнышки. Наверное, там рос мох... Если пойти по этой ложине, спуститься пониже, почва станет более плотной, и тогда... Может быть, удастся набрести на деревья?

Селдон еще раз оглянулся, стараясь запомнить окрестности: нет, глазу зацепиться было совершенно не за что – однообразные холмы куполов, все похожие, почти одинаковые. Тут он вспомнил пожелание Дорс не заблудиться, которое тогда показалось ему нелепым. Теперь оно обрело смысл. И все-таки ложина между куполами сверху разительно напоминала ровную дорогу. Если пойти по ней... Да что тут такого? Пройти немного, повернуть, и тогда вернешься на это самое место!

Селдон решительно зашагал вперед, спускаясь все ниже и ниже. Сверху слышался какой-то треск, но он не обернулся. Он решил посмотреть на деревья и больше ни о чем даже думать не желал.

Мох становился все гуще, маленькие его островки при-

мыкали один к другому, превращаясь в настоящие зеленые ковры. Тут и там из покрывала мха торчали тонкие травинки. Мох был так свеж и зелен, что Селдон решил, что здесь, на поверхности, скорее всего, часто идут дожди.

Ущелье вело Селдона вокруг купола, и вот сразу же за следующим куполом он увидел темное пятно на фоне серого неба. Он все-таки нашел эти деревья!

Только теперь, когда он их увидел, сознание Селдона освободилось от навязчивой мысли, и он вспомнил о звуке, который услышал раньше. Что это был за звук? Несомненно, гул двигателя. Почему – «несомненно»? Откуда здесь взяться какому-то двигателю?

Откуда? Но ведь он стоял один-одинешенек посреди бесчисленного множества куполов, под каждым из которых находились города, заводы. А там сколько угодно всяческой техники – ну, хотя бы вентиляция. Может быть, он как раз слышал шум вентиляционного двигателя?

Все можно было бы так объяснить, но только услышанный им звук шел явно не из-под земли. Селдон взглянул на пустые небеса. Ничего. Никого.

Он смотрел и смотрел в небо, пока в глазах не зарябило, и вот далеко-далеко...

Он увидел крошечную черную точку на сером небе. Потом точка скрылась в тучах.

И тут, сам не зная почему, Селдон подумал: «Это за мной».

Не успев хорошенько решить, что делать, он со всех ног помчался к деревьям, свернул влево, взбежал на склон ближайшего купола, спустился вниз. Под ногами его шуршала опавшая хвоя, мелькали кустики, усыпанные красноватыми ягодами.

24

Задышавшись, Селдон подбежал к первому попавшемуся дереву, прижался к нему, обнял ствол. Взглянул на небо. Летящий объект снова вынырнул из-за туч, и Селдон быстро, словно белка, спрятался по другую сторону ствола.

Дерево было холодное, с шершавой корой, но какое-никакое, а все-таки убежище. Конечно, если его начнут искать прибором, реагирующим на тепловые лучи, толку от дерева будет мало, но все-таки... Дерево холодное, может, оно сумеет погасить тепло, излучаемое его телом?

Земля под ногами была мягкая, но плотная. Даже сейчас, скрываясь от погони, Селдон не мог не удивиться: какой толщины почвенный слой, сколько столетий он накапливался? Может быть, в более теплых областях Трентора на поверхности куполов растут настоящие леса?

Он снова увидел летящий объект. Это был не звездолет, не катер. Это был вертолет. Полоски светящихся ионов расходились в стороны от вершины шестиугольника, подавляя силу притяжения, позволяя вертолету парить, словно пти-

це. Да, с помощью такого летательного аппарата можно было легко осматривать поверхность планеты.

Только тучи спасли Селдона. Значит, если у них есть прибор термовидения, они могли и сквозь тучи определить, что внизу – люди. А вертолет послали для того, чтобы поближе приглядеться, сколько тут людей и нет ли среди них конкретного человека, которого они ищут.

Вертолет опустился ниже, но ведь Селдон успел заметить его. Двигатель ведь гудит, а выключить его нельзя, пока машина находится в воздухе.

Вертолеты Селдону были знакомы – на Геликоне, как и на других планетах, где люди жили под открытым небом, их было довольно много, и пользовались ими в основном частные лица.

Но здесь, для чего они нужны здесь, вот вопрос? Здесь, где вся планета живет под куполами, а наверху постоянно висят низкие облака? Совершенно бесполезный летательный аппарат, разве только властям он мог понадобиться для поиска преступника, удравшего наверх и прячущегося среди куполов.

А почему бы и нет? Правительство не имеет права проникнуть на территорию Университета, но ведь, скорее всего, Селдон сейчас на этой территории уже не находится. Он наверху, то есть на территории, вероятно, никакому местному правительству не подведомственной. А имперский летательный аппарат, скорее всего, имел полное право приземлиться.

ся на каком угодно куполе, и его экипаж запросто мог задержать и допросить любого, кто тут окажется. Челвик, правда, Селдона о такой возможности не предупреждал, но ему это просто не пришло в голову.

Вертолет опускался все ниже и ниже, напоминая стервятника, высматривающего свою жертву. Взбретет ли в голову пилоту обследовать эту рощицу? Вдруг вертолет опустится, из него выскочит парочка вооруженных солдат и примется прочесывать заросли?

Если так, то что делать? У Селдона не было при себе никакого оружия, и все его боевые таланты окажутся бесполезными против их нейронных хлыстов.

Но вертолет на посадку не пошел. Не то они там не придали особого значения деревьям, не то...

Тут Селдону пришла в голову совсем другая мысль. А что, если это вовсе не погоня? Может быть, это вертолет метеорологов? Почему бы метеорологам не интересоваться состоянием более высоких слоев атмосферы?

А он, как последний идиот, прячется от них?

Смеркалось. Тучи потемнели. Не то собирался дождь, не то приближалась ночь.

Здорово похолодало. Наверняка станет еще холоднее. Неужели он так и замерзнет здесь, прячась от, может быть, совершенно безобидного вертолета, неизвестно почему так напугавшего его? Селдону страшно захотелось выбраться из рощицы и вернуться назад, к метеорологам.

В конце концов, откуда этому человеку, которого так сильно боялся Челвик – этому Демерзелю, – знать, что Селдон именно сегодня, именно сейчас покинул Университет и находится здесь, где его так легко схватить?

Селдон решился, вышел из-за дерева и, дрожа от холода, зашагал назад... и бегом вернулся обратно, потому что вертолет снова появился и летел на этот раз гораздо ниже. Не похоже было, чтобы летящие в нем занимались метеорологическими наблюдениями. Но чем должны были бы заниматься метеорологи, принадлежи этот вертолет им? Откуда Селдону знать, какая аппаратура установлена на борту вертолета и как она работает? Может быть, снизу этого понять нельзя, но... стоило ли рисковать и выходить на открытое пространство?

В конце концов, Демерзель действительно мог узнать о том, что Селдон сейчас наверху. Кто-то из его агентов, работающих в Университете, доложил ему об этом. Кто предложил Селдону выбраться наружу? Лисунг Ранда, вечно улыбающийся рубаха-парень, Восточник. Причем предложил довольно-таки настойчиво, а ведь разговор вовсе к такому повороту дел не располагал. Может быть, Ранда – правительственный агент и договорился с Демерзелем?

Потом – Легген. Легген одолжил ему свитер. Спасибо большое, но почему Легген не предупредил его заранее о том, что нужно одеться потеплее? А вдруг он одолжил ему какой-то совершенно особенный свитер? Ведь он весь лило-

вый, а у других – полосатые. Глянешь с высоты и сразу заметишь человека в таком свитере.

Ну а Клозия? Вроде бы она выбралась наверх, потому что изучает метеорологию и помогает сотрудникам. Но почему именно она взяла его под свою опеку, болтала с ним так непринужденно, ненавязчиво увела в сторону, а потом убежала, оставила одного? Не для того ли, чтобы его легче было схватить?

Если на то пошло, как насчет Дорс Венабили? Она знала, что Селдон отправляется наверх. Она этого не предотвратила. Она могла бы, могла бы пойти вместе с ним, но не сделала этого – сослалась на занятость. Не подкопаешься.

Все сговорились. Точно – сговорились.

Теперь Селдон был в этом просто убежден и окончательно отказался от мысли выбраться из рощицы. Ноги у него совершенно окоченели. Он и приплясывал, и топал ногами, но никакого толку. Неужели этот проклятый вертолет никогда не улетит?

И как только он подумал об этом, гул двигателя стал тише, вертолет поднялся вверх и исчез за тучами.

Селдон напряженно вслушивался в тишину, желая убедиться в том, что вертолет действительно улетел. Но, даже убедившись, долго не мог пошевелиться. Теперь он гадал, не было ли это хитрым маневром, чтобы выманить его из укрытия? Минуты шли и шли, а он стоял под деревом. Небо стало еще темнее. Приближалась ночь.

Наконец, поняв, что лучше выбираться под открытое небо, чем замерзнуть от неподвижности, он вышел из-за дерева и осторожно пошел прочь от рощицы.

Сумерки сгустились. Увидеть его теперь было невозможно, разве только с помощью детектора, но в любом случае он услышит шум двигателя, если вертолет вздумает вернуться. На самом краю рощицы Селдон остановился, посчитал про себя, будучи готов в первое же мгновение нырнуть под деревья, если его заметят. Правда, какой от того толк, он и сам не смог бы ответить.

Он огляделся по сторонам. Если бы удалось найти метеорологов... У них, наверное, есть фонари. А вдруг нет?

Пока он различал контуры куполов, но пройдет еще четверть часа – и ничего не будет видно. Фонаря нет, над головой темное небо, затянутое непроницаемыми тучами, – тут будет темно, хоть глаз выколи.

Мысль о том, чтобы остаться одному в темноте, настолько напугала Селдона, что он решил как можно быстрее забраться на вершину и осмотреть окрестности оттуда. Обхватив себя покрепче руками, чтобы хоть немного согреться, он зашагал вверх по склону купола – как ему казалось, именно туда, откуда спустился в рощицу.

Конечно, спуститься он мог по-разному, но вот ему встретился ягодный кустарничек, на который он обратил внимание, когда спускался. Ягоды теперь казались не красными, а почти черными, но разглядывать было некогда. Селдон за-

ставил себя поверить, что идет верным путем, и зашагал вверх как можно скорее. По его расчетам, он должен был вскоре повернуть направо, потом – налево, а оттуда уже будет рукой подать до метеорологов.

Повернув налево, Селдон поднял голову и различил контуры высокого купола. Тот самый! А вдруг не тот?

Делать было нечего, пришлось заставить себя поверить, что не ошибся. Не спуская глаз с вершины, чтобы по возможности сократить путь, Селдон чуть не бегом припустил наверх. Ближе, ближе... вот уже край купола блеснул на фоне неба. Если все точно, скоро он достигнет вершины, посмотрит вниз и увидит огоньки базы метеорологов.

Было так темно, что Селдон не видел, куда идет. Хоть бы парочку звездочек! «Наверное, вот так живут слепые», – подумал Селдон.

Холодало буквально с каждой минутой. Селдон часто останавливался, дул на озябшие руки, грел их под мышками. Жаль, что он не мог точно так же поступить с ногами. «Скоро снег пойдет, – подумал Селдон. – Не дай бог – мокрый!»

Вперед, вперед. Только вперед.

Вдруг ему показалось, что ноги несут его вниз. Либо он ошибся, либо успел добраться до вершины купола.

Селдон остановился. Если он добрался до вершины, значит, отсюда должны быть видны огоньки базы метеорологов. На худой конец – огни фонарей. Они бы двигались, плясали, словно светлячки.

Селдон закрыл глаза, чтобы привыкнуть к темноте, открыл, опять закрыл и открыл – ничего. Было так темно, что разницы никакой – открывать глаза или закрывать.

Может быть, Легген и его сотрудники уже ушли и унесли фонари и выключили вдобавок огни на приборах? А может быть, Селдон забрался не на тот купол, а может быть, смотрел не в ту сторону, а может быть, пошел из рощицы неверным путем, тогда...

Что же делать?!

Если он смотрит не в ту сторону, может быть, огни справа или слева? Нет, огней не было ни справа, ни слева. Если он пошел неверным путем из рощицы, вернуться и проверить уже нет никакой возможности.

Оставалось единственное: смотрел он туда, куда надо, но метеорологи ушли, унесли фонари и выключили все огни на приборах.

Значит, вперед. Шансов на успех было раз-два и обчелся, но другого выхода просто не оставалось.

Он помнил, что от метеостанции до вершины купола добрался за полчаса, причем полпути проделал с Клозией, а шли они прогулочным шагом. Теперь он шел примерно таким же шагом.

Селдон шагал и шагал вперед. Вот бы узнать, который час. А ведь часы у него были, да только что от них проку в темноте?

Он резко остановился. Часы у него были тренторианские,

показывали время в соответствии с Галактическим стандартом (как и все часы в Галактике), но, помимо этого, они показывали еще местное, тренторианское время. Обычно циферблаты часов флуоресцировали, чтобы ночью, в темной спальне, можно было посмотреть, который час. Геликонские часы обязательно бы светились, а тренторианские?

Селдон приблизил запястье с часами к глазам и, не слишком веря в удачу, нажал на крошечную кнопочку освещения циферблата. Часы засветились и сообщили ему, что сейчас 18.47. Мало того что был поздний вечер, в этой области Трентора сейчас стояла зима. Какова тут долгота ночи? Каков угол наклона оси планеты? Какой длины год? Как далеко он сейчас от экватора? Ответа на эти вопросы у Селдона не было. Зато было главное – этот слабый свет, шедший от циферблата.

Значит, он не ослеп! Свет – всегда надежда, пусть самая маленькая.

Селдон сразу воспрял духом. Теперь – туда, куда шел. Полчаса на дорогу. Если не найдет базу – еще пять минут, но не больше. Потом – остановиться и подумать. Но это – через тридцать пять минут. А пока – идти, ни о чем не думать, только идти и идти и пытаться немного согреться. Как там пальцы на ногах? Пока живы.

Он зашагал вперед. Прошло полчаса. Он остановился, потом, поколебавшись, продолжил путь и шел еще пять минут. Пора принимать решение. Базы не было. Сейчас он мог

находиться где угодно, жутко далеко от выхода из купола. Но, с другой стороны, может быть, до станции подать рукой? Может быть, он стоит в двух шагах от выхода, но тот закрыт?

И что теперь?

Попробовать покричать? Такая тишина – ни единого звука. Если и правда тут кто-то живет, все птички, бабочки и кролики давным-давно попрятались, да и зима сейчас тем более. Ветер дул все сильнее, все холоднее.

Наверное, давно надо было начать кричать. В холодном воздухе звук хорошо распространяется. Да только кто услышит?

А внутри? Мог он докричаться? Стояли ли внутри приборы для регистрации звуков снаружи? Датчики какие-нибудь?

Глупо. Давно бы слышали его шаги.

И все-таки...

– Помогите! Помогите! – закричал Селдон. – Слышите меня? Кто-нибудь!

Крик вышел так себе – негромкий, испуганный. Ужасно глупо было звать кого-то в этой непроницаемой тьме и могущественной, всепоглощающей тишине.

Но молчать и поддаваться панике еще глупее. Селдон набрал полные легкие воздуха и принялся кричать. Еще и еще. Громче и громче.

Умолк, оглянулся по сторонам. Ничего, никого. Даже эхо ему не отвечало. Что оставалось? Ничего, только ждать рассвета. Опять-таки сколько длится зимняя ночь? И как холод-

но тут по ночам?

Что-то холодное коснулось его щеки. Еще раз. Еще.

Снег пошел. А укрыться некуда.

«Лучше бы меня заметили с вертолета, – в отчаянии подумал Селдон. – Сидел бы теперь в теплой тюрьме. А не встретился бы с Челвиком – и вообще давно бы уже был на Геликоне. Ну и что, что за мной бы следили? Все равно лучше, чем замерзать здесь!» Ему сейчас ничего не хотелось, кроме тепла и уюта.

Оставалось единственное – ждать. Он устало опустился на землю, сел, снял туфли, принялся растирать окоченевшие ступни.

Вот так всю ночь – растирать то ноги, то руки, но только не спать. Не спать ни за что! Только он успел отдать себе такой строгий приказ, как глаза его закрылись, и он крепко заснул. А снег шел все сильнее.

Глава 6

Спасение

ЛЕГГЕН, ДЖЕННАР. Его вклад в метеорологию, будучи довольно значительным, бледнеет перед тем, что известно под названием «Противоречия Леггена». Бесспорно, его действия навлекли беду на Гэри Селдона, но до сих пор не утихают споры о том, были ли эти действия ненамеренными или являлись проявлением преднамеренного заговора. Сторонники противоположных взглядов страстно отстаивали свою точку зрения, но определенного вывода так и не было сделано. Как бы то ни было, тень подозрений, упавшая на Леггена, отравила его жизнь в последующие годы и сильно повредила его карьере...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

25

Еще засветло Дорс Венабили разыскала Дженнара Леггена. На ее радостное приветствие он ответил вялым кивком и буркнул что-то нечленораздельное.

– Ну, – спросила Дорс нетерпеливо. – Как он?

Легген, занимавшийся вводом данных в компьютер, не понял, видимо, о ком речь.

– Кто – «он»?

– Мой подопечный. Гэри. Гэри Селдон. Он поднимался с вами наверх. Помог он вам чем-нибудь?

Легген оторвался от терминала и рассеянно уставился на Дорс:

– А-а-а... Тот парень с Геликона? Чем он мог помочь? Он и не интересовался ничем особенно. Смотрел не туда, и вообще. Лишняя обуза. И почему вам взбрело в голову посылать его наверх?

– Мне? Вот уж нет. Это он сам захотел, а зачем – понятия не имею. Почему-то ему страшно захотелось. А где он сейчас?

Легген пожал плечами:

– Откуда мне знать? Болтается где-нибудь.

– Куда он делся после того, как вы вернулись? Он не сказал, куда пойдет?

– Он с нами не вернулся. Я же сказал – ему было неинтересно.

– Когда же он вернулся, в таком случае?

– Не знаю. Я за ним не присматривал. У меня дел было по горло. Похоже, пару дней назад была сильная гроза, выпала куча осадков, а мы этого не ожидали. Инструменты – ни гугу, и солнца не было, а мы на это рассчитывали. Вот я и пытаюсь разобраться, в чем дело, а вы пристаёте ко мне с глупостями.

– Значит, вы не видели, как он вернулся?

– Послушайте, мне было некогда за ним приглядывать!

Этот балбес даже не сообразил одеться как положено, и я еще здесь, внизу, понял, что через полчаса он продрогнет и простудится. Я дал ему свитер, но ни теплых носков, ни ботинок лишних у меня просто не было. В общем, я оставил кабину лифта открытой специально для него и объяснил, как ею пользоваться, чтобы спуститься и вернуть кабину наверх. Это настолько элементарно... Словом, я уверен, что он замерз, спустился и послал нам кабину, а потом уже мы все вернулись.

– Но вы не уверены, что он вернулся, и не знаете, когда именно?

– Нет. Я же говорю – был занят. Наверху его точно не было, когда мы закончили работу. Было уже темновато, того гляди мог пойти снег. Он к тому времени наверняка уже ушел.

– А больше никто не видел, как он ушел?

– Понятия не имею. Может, Клозия видела. Она с ним больше общалась. Слушайте, спросите у нее, а?

Клозию Дорс отыскала в ее комнате. Та только что вышла из-под душа.

– Бр-р-р! Наконец-то согрелась. Наверху было жутко холодно, – сообщила Клозия.

– Послушай, – торопливо спросила Дорс, – ты видела Гэри Селдона наверху?

– Да, видела, – ответила Клозия, удивленно вздернув бровки. – Но совсем недолго. Ему хотелось немного побро-

дить, я погуляла там с ним. Спрашивал он в основном о тамошней растительности. Очень любознательный парень этот Селдон. Все ему интересно. В общем, я рассказала ему все, что могла, а потом меня Легген позвал работать. Он был просто вне себя. Прогнозы полетели к чертовой матери, и он...

– Ты мне скажи, – прервала ее Дорс, – видела ты, как Гэри вошел в кабину, чтобы спуститься вниз, или нет?

– Я его вообще не видела с тех пор, как меня позвал Легген. Но он наверняка уже давно внизу. Наверху его не было, во всяком случае когда мы уходили. Это точно.

– Однако я его нигде не могу разыскать.

Клозия немного разволновалась:

– Правда? Но он обязательно должен быть где-нибудь тут.

– Совершенно не обязательно! – Дорс начала злиться. – А вдруг он еще там, наверху?

– Не может быть. Его там не было. Не думай, мы его искали, сразу не ушли. Он же был так легко одет, а погода была такая мерзкая. Мы сказали ему, чтобы он не ждал нас, если замерзнет, и ехал вниз один. А он мерз. Это я точно знаю! Куда еще он мог отправиться, как не вниз?

– Да, но никто не видел, как он поехал вниз. Послушай, ничего не случилось с ним там, наверху?

– Да нет вроде бы... По крайней мере, пока я была с ним рядом – ничего. Ну, разве только что ему было очень холодно, и все.

Дорс, вконец расстроенная, кивнула и, глядя в одну точку,

проговорила:

– Раз никто не видел, как он спустился, значит, он может быть до сих пор там, наверху. Надо бы подняться и поискать его.

– Но... – Клозия занервничала. – Говорю же тебе, мы посмотрели. Было еще светло, и никого там не было.

– Все равно надо посмотреть, поискать его.

– Да, но... я... это не в моей компетенции. Я же всего-навсего практикантка и не знаю кода на выходе из купола. Лучше тебе обратиться к доктору Леггену.

26

Дорс понимала, что Леггена, мягко говоря, будет нелегко уговорить сейчас подняться наверх. Что ж, придется заставить.

Она еще раз обошла все места, где могла бы найти Селдона, – библиотеку, столовую, позвонила в комнату Селдона, поднялась, позвонила в дверь. Никто не открыл. Тогда Дорс уговорила дежурного по этажу открыть дверь своим ключом. Комната была пуста. Дорс спрашивала о Селдоне у всех, кто познакомился с ним за последние недели. Никто его не видел.

Делать нечего, нужно убедить Леггена подняться с ней наверх. Теперь поздно, уже ночь. Легген наверняка будет упираться. Сколько времени уйдет на уговоры? А Гэри там, на-

верху, замерзнет под снегом.

Тут у Дорс мелькнула новая мысль, и она поспешила к небольшому университетскому компьютеру, в память которого были заложены данные о работе студентов, преподавателей и обслуживающего персонала.

Быстро пробежавшись пальцами по клавишам, Дорс нашла то, что искала.

Трое. Далеко, правда, совсем в другой части кампуса. Но это ничего.

Дорс взяла напрокат маленькую машину и скоро уже звонила у двери, которую искала. Хотя бы один из тех, кто ей нужен, должен быть дома.

Ей повезло. В ответ на звонок сразу загорелась лампочка. Дорс набрала свой идентификационный код, говоривший о том, кто она такая и где работает. Дверь открылась. На пороге стоял пожилой полный мужчина. Он, видимо, мылся перед обедом. Волосы у него были мокрые, растрепанные, одет он был по-домашнему.

– Прошу прощения, – смущенно поклонился он, – вы застали меня врасплох. Чем могу быть полезен, доктор Венабили?

Переведя дыхание, Дорс спросила:

– Вы – Роджен Бенастра, сейсмолог?

– Он самый.

– У меня к вам срочное дело. Мне нужно просмотреть данные о сейсмической обстановке наверху за последние

несколько часов.

– Но к чему вам это? – удивился Бенастра. – Там все в полном порядке. Сейсмограф ничего экстраординарного не показывает.

– Я имею в виду не падение метеорита.

– Я тоже. Для этого сейсмограф не нужен. Мы регистрируем трещины в обшивке, дырочки всякие. Но ничего такого сегодня не случилось.

– Не в этом дело. Прошу вас, отведите меня к сейсмографу и расшифруйте его показания. Это вопрос жизни и смерти.

– Но... я приглашен на обед...

– Я серьезно. Это действительно вопрос жизни и смерти.

– Ничего не понимаю... – пробормотал Бенастра, но Дорс так смотрела на него, что он не выдержал, сдался, вытер лицо, быстро влез в рубашку.

Дорс так торопилась, что они почти бегом добрались до маленького приземистого здания, где располагалась сейсмолаборатория. Дорс, ничего не понимавшая в сейсмологии, спросила:

– Вниз? Мы спустимся вниз?

– Конечно. Ниже жилой зоны. Сейсмограф установлен глубоко: чтобы не испытывать вибрации.

– Но, простите, как же вы можете судить снизу о том, что происходит наверху?

– К сейсмографу подключена целая сеть датчиков, уста-

новленных на поверхности куполов и в их толще. Стоит там камушку упасть, и у нас все регистрируется. Ветер подует сильнее, и это мы тоже видим. Еще...

– Ясно, ясно, – Дорс нетерпеливо кивнула. У нее вовсе не было желания выслушивать лекцию о том, как точно сейсмологическое оборудование. – Скажите, а если кто-то ходит по поверхности, это вы можете зарегистрировать?

– Ходит? – удивился Бенастра. – Кто может ходить по поверхности?

– Как кто? Ну, к примеру, сегодня там работала бригада метеорологов.

– А, вот вы о чем. Да нет, вряд ли их шаги можно зарегистрировать.

– А мне кажется, можно, если приглядеться повнимательнее. Именно этого я от вас и хочу.

Бенастре не очень-то понравились приказные нотки в голосе Дорс, но он промолчал. Нажал кнопку на пульте, и экран ожил.

В правом углу загорелась яркая точка, от которой протянулась горизонтальная линия в левый угол. Линия слегка подрагивала, время от времени взлетала вверх. Дорс смотрела на нее как загнипнотизированная.

– На самом деле все спокойно, – объяснил Бенастра. – То, что вы видите, – это результат изменений атмосферного давления, небольшой дождик, отдаленный шум двигателей. Все спокойно.

– Это сейчас. А несколько часов назад? Прошу вас, посмотрите записи, сделанные в 15.00. Наверняка у вас есть такие записи.

Бенастра отдал компьютеру соответствующие распоряжения, и пару секунд на экране творилось нечто неопишное – настоящий хаос. Потом все успокоилось, и снова возникла горизонтальная линия.

– Я вывел чувствительность на максимум, – пробормотал Бенастра.

Теперь гребни волн стали значительно выше и заметнее.

– Что это значит? – спросила Дорс. – Объясните мне, прошу вас.

– Ну, мисс Венабили, раз вы говорите, что в это время там были люди, стало быть, это зарегистрированы их шаги, вызвавшие изменение давления на поверхность. Честно говоря, не знаю, интерпретировал ли бы я эту картину так, если бы не знал, что в это время там кто-то ходил. Обычно мы такие колебания называем малыми вибрациями и никогда не связываем их с чем-либо опасным.

– А можете определить, сколько там было людей?

– На глаз? Нет. Здесь перед нами результат их общего воздействия.

– На глаз нельзя? А нельзя ли проанализировать эту информацию с помощью компьютера? Разложить на компоненты?

– Сомневаюсь. Воздействие минимально, да и посторон-

них шумов полно. Результаты могут получиться далекими от достоверности.

– Ну, хорошо. Промотайте... не знаю, как лучше сказать... словом, можете вы добраться до того момента, когда шаги прекратились? Можно сделать быструю перемотку?

– Если я сделаю, как вы говорите, быструю перемотку, получится просто прямая линия, а по обе стороны от нее – дымка, туман. Лучше двигаться вперед пятнадцатиминутными интервалами, просматривать ленту и мотать дальше.

– Отлично. Давайте!

Дорс и Бенастра внимательно смотрели на экран. Наконец Бенастра изрек:

– Вот. Видите? Все, вот здесь все закончилось.

По экрану снова ползла горизонтальная линия, лишь изредка слегка подрагивая.

– И когда это произошло?

– Два часа назад. Или чуть раньше.

– Хорошо. И больше там никого не осталось?

Бенастра начал нервничать:

– Как я могу сказать? Я думаю, самый тончайший анализ не позволил бы дать ответа на такой вопрос.

Дорс упрямо поджала губы:

– Скажите, у вас установлен датчик, или как там это называется, около базы метеорологов? Вы сейчас с него информацию считывали?

– Да. Оттуда, где стоят их приборы и где они работали.

Хотите, – спросил он раздраженно, – чтобы я проверил данные с других датчиков неподалеку от этого места? С каждого по отдельности?

– Нет. Давайте посмотрим, может быть, этот датчик нам еще что-то скажет. Двигайтесь вперед, как и раньше, с пятнадцатиминутными интервалами. Не исключено, что один человек там остался, а потом вернулся к базе.

Бенастра покачал головой и пробурчал под нос какое-то ругательство.

Экран снова ожил. Вскоре Дорс резко спросила, тыча пальцем в линию:

– А это что такое?

– Не знаю. Шум какой-то.

– Нет, не шум. Смотрите, тут явная закономерность. Может, это шаги одного человека?

– Почему бы и нет? Может быть. Очень может быть. Но может быть, и нет. Возможно всякое.

– И все-таки очень похоже на шаги. По скорости, ну, смотрите же!

Прошло немного времени, и Дорс попросила:

– А ну-ка, еще немножко вперед.

Бенастра выполнил ее просьбу.

– Вам не кажется, что колебания возросли?

– Может быть. Можно замерить.

– Не надо. И так видно. Шаги приближаются к датчику. Давайте-ка еще немножко вперед. Посмотрим, когда они

прекратятся.

Через некоторое время Бенастра сообщил:

– Прекратились. Двадцать – двадцать пять минут назад. Шаги там или что другое, не знаю, – добавил он.

– Шаги. Конечно, шаги, – убежденно мотнула головой Дорс. – Там, наверху, человек. И пока мы с вами тут ерундой занимаемся, он замерзает. Так что давайте не будем препираться. Позвоните-ка на факультет метеорологии и добудьте мне Дженнара Леггена. И скажите ему, что речь идет о спасении жизни человека. Так и скажите!

У Бенастры задрожали губы, но он уже давно понял, что сопротивляться и спорить с этой упрямой дамочкой совершенно бесполезно.

Примерно через три минуты на панели голоприемника возникло изображение Леггена. Он явно выскочил из-за обеденного стола. За воротником красовалась салфетка, которую он, очевидно, не успел приложить к перепачканным едой губам.

На его вытянутой физиономии было написано искреннее возмущение:

– Какой жизни? Что это значит? Кто вы такой, черт подери?

Тут его взгляд упал на Дорс – она подошла поближе к Бенастре, чтобы ее изображение тоже было видно на экране голоприемника Леггена.

– А-а-а! Это снова вы! – рявкнул Легген. – Нет, от вас

положительно можно с ума сойти.

– Не стоит. Я только что проконсультировалась с Родже-ном Бенастрой, нашим главным сейсмологом. Так вот. После того как вы со своей группой ушли с поверхности, сейсмограф зарегистрировал шаги человека, которого вы там оставили. Это мой подопечный, Гэри Селдон, который поднялся наверх под вашу ответственность и который теперь наверняка обморозился, а может быть, и умер. Я требую, чтобы вы немедленно отправились со мной наверх и прихватили необходимое оборудование. Если вы немедленно не сделаете этого, я свяжусь со службой безопасности Университета, а понадобится – с самим Президентом. Как бы то ни было, я все равно поднимусь наверх, и если с Гэри что-нибудь случится из-за того, что вы промедлите хотя бы минуту, я добьюсь того, чтобы вас судили за небрежность, некомпетентность, равнодушие – я уж сформулирую, будьте уверены. Тогда можете попрощаться со своей карьерой. А если он умер, вы ответите перед судом за неумышленное убийство. А может, и за умышленное – я вас предупредила о том, что он может погибнуть.

Дженнар в ярости перевел взгляд на Бенастру:

– Вы действительно обнаружили...

Дорс не дала ему закончить вопрос:

– Он все сказал мне, а я – вам. Я не намерена больше ничего слушать. Вы идете или нет? Немедленно!

– Значит, вам и в голову не приходит, что вы можете оши-

баться? – поджав губы, спросил Легген. – А знаете, как это называется? Ложная тревога. Тоже вещь опасная.

– Не опаснее убийства, – упрямо мотнула головой Дорс. – Я не боюсь ответить за ложную тревогу. А вы – за убийство – не боитесь?

Дженнар покраснел:

– Хорошо, леди, я пойду, но, если ваш студентишка окажется уже три часа как дома, в теплой постельке, смотрите тогда...

27

Все трое молча вошли в кабину. Легген так и не доел свой обед и оставил жену за столиком в полном недоумении. Бенастра же к своему обеду так и не притронулся, а ведь его кто-то ждал, может быть, прекрасная дама. Дорс тоже не успела поест, но вид у нее был еще более несчастный, чем у мужчин. Под мышкой она держала одеяло с подогревом и два фонаря.

Наконец кабина добралась до поверхности. Легген, скрипя зубами от злости, набрал шифр. Дверь отъехала в сторону. Порыв ледяного ветра пронесся мимо, Бенастра вполголоса ругнулся. Вся компания была легко одета, но мужчинам и в голову не пришло, что они тут задержатся надолго.

– Снег идет, – сердито отметила Дорс.

– Мокрый снег, – уточнил Легген. – Температура пример-

но нулевая. Не смертельный холод.

– Все зависит от того, как долго пробудешь под открытым небом при такой температуре, не так ли? – огрызнулась Дорс. – Не думаю, чтобы мокрый снег сильно согревал.

– Хм, – буркнул Легген. – Ну и где же этот ваш?.. – спросил он, поеживаясь и всматриваясь в темноту. Свет от кабины лифта только мешал.

Дорс обратилась к сейсмологу:

– Прошу вас, доктор Бенастра, поддержите одеяло. А вы, доктор Легген, прикройте дверь кабины, но не защелкивайте.

– У двери кабины нет предохранителя. Вы что, думаете, я из ума выжил?

– Не знаю. Знаю только, что эту дверь вы захлопнули изнутри, а здесь остался человек, который из-за этого не смог попасть внутрь купола.

– Если он здесь, этот ваш человек, покажите мне его! Ну, где он?

– Где угодно! – отрезала Дорс и подняла вверх руки с фонарями.

– Но... мы не можем искать бесконечно, – стуча зубами, проговорил Бенастра.

Фонари светили ярко, выхватывая из мрака большие участки занесенной снегом поверхности купола. Снежинки кружились, словно стаи белой мошкары, налипали на стекло фонарей, мешали смотреть.

– Шаги вели сюда, – сказала Дорс. – Он шел к датчику. Где установлен датчик?

– Мне-то откуда знать? – огрызнулся Легген. – Это не по моей части.

– Доктор Бенастра, где датчик?

– Я... Я не знаю, – испуганно отозвался сейсмолог. – Видите ли, дело в том, что я ведь на самом деле никогда здесь не бывал. Датчик установили давно, до того как я приступил к работе. Компьютер, наверное, знает где, но мне никогда и в голову не приходило запрашивать у него такие данные... Послушайте, я страшно продрог и не понимаю, зачем я вам тут, наверху, сдался...

– Придется вам немного задержаться, – тоном, не допускающим возражений, сказала Дорс. – Пойдемте со мной. Обойдем вокруг выхода по спирали.

– Много мы увидим! – фыркнул Легген. – Такой снежище...

– Это ясно. Если бы не снег, мы бы его уже давно увидели. Я уверена. Теперь же нам понадобится несколько минут. Ничего, не рассыплемся.

Похоже, она была совершенно уверена в своих словах.

Раскинув в стороны руки с фонарями, Дорс пошла прочь от входа, стараясь освещать как можно более обширное пространство и изо всех сил всматриваясь в темноту.

Но именно Бенастра первым проговорил:

– Что это там? – и показал пальцем.

Дорс нацелила фонари туда, куда он показывал, и пустилась бегом в ту сторону. Мужчины побежали следом.

Селдона они нашли примерно в десяти метрах от выхода, окоченевшего, промокшего. От того места, где он лежал, до ближайшего прибора было и того меньше – всего-то метров пять. Дорс решила было пощупать пульс, но это оказалось не нужно: как только пальцы Дорс прикоснулись к руке Селдона, тот пошевелился и застонал.

– Дайте мне одеяло, доктор Бенастра. Быстро! – прокричала Дорс, не помня себя от радости.

Расправив одеяло, она расстелила его прямо на снегу.

– Теперь приподнимите его и осторожно положите на одеяло. Я укутаю его, и мы все спустимся вниз.

В кабине лифта от Селдона, завернутого в одеяло, повалили клубы пара.

Дорс распорядилась:

– Доктор Легген, как только мы принесем Гэри в его комнату, бегите за врачом. Найдите кого-нибудь получше и ведите немедленно. Если доктор Селдон поправится, я, клянусь, никому не скажу ни слова. Но только если он действительно поправится. Не забывайте...

– Да хватит вам нотации читать! – буркнул Легген. – Я понимаю, что виноват, и сделаю все, что в моих силах. Но имейте в виду, виноват я только в том, что взял этого человека с собой наверх, вот и все.

Сверток зашевелился, и послышался хриплый, едва

слышный голос.

Бенастра вздрогнул, поскольку голова Селдона покоилась у него на плече.

– Кажется, он что-то хочет сказать, – растерянно пробормотал Бенастра.

– Да, я расслышала, – кивнула Дорс. – Он спросил: «В чем дело?»

Дорс не сдержалась и тихонько рассмеялась. Вопрос был на удивление уместным.

28

Утром, открыв глаза, Селдон увидел рядом со своей постелью Дорс. Она сидела за столиком, читала книгу и делала в блокноте какие-то заметки.

– Ты еще здесь, Дорс? – спросил Селдон почти обычным голосом.

Дорс отложила в сторону выюер.

– Не могу же я оставить тебя одного, правда? А другим я не доверяю.

– Но я тебя вижу всякий раз, как просыпаюсь. Ты что, все время здесь?

– Да, все время. Сплю, работаю – все здесь, рядом с тобой.

– А как же занятия, студенты?

– Меня пока заменяет ассистент.

Дорс наклонилась и взяла Селдона за руку. Селдон сму-

тился, Дорс заметила это и отпустила его руку.

– Гэри, что же случилось? Я так волновалась.

– Дорс, я должен признаться...

– В чем, Гэри?

– Я подумал, что это был заговор и ты в нем тоже участвовала...

– Какой заговор? Ты о чем?

– Я думал, что кто-то сговорился заманить меня наверх, чтобы я оказался за пределами Университета, то есть на территории, где меня могли бы схватить имперские власти.

– Но ты не покинул пределов Университета. На Тренторе граница сектора простирается снизу доверху, и участок поверхности, находящийся над Университетом, относится к его юрисдикции.

– Вот как! А я этого не знал. Но ты не пошла со мной, сказала, что очень занята, и, когда я впал в отчаяние, я подумал, что ты это нарочно сделала. Прости меня, пожалуйста. Я знаю, это ты меня вытащила оттуда. Остальные наверняка даже не вспомнили обо мне.

– Они – занятой народ, – дипломатично объяснила Дорс. – И потом, они решили, что ты спустился раньше. Совершенно законное предположение.

– И Клозия так думала?

– Эта девушка, практикантка? Да, и она тоже.

– Все равно заговор не исключен. Без твоего участия, я хочу сказать.

– Нет, Гэри, только я одна виновата. Я не имела никакого права разрешать тебе подниматься наверх без меня. Ведь я обязана о тебе заботиться. Все время ругаю себя за случившееся, за то, что ты заблудился там.

– погоди, погоди, – неожиданно рассердился Селдон. – Но я вовсе не заблудился. Почему ты так говоришь?

– А ты бы это как назвал? Когда вся группа уходила, тебя поблизости не было, и к лифту ты вернулся, когда уже было совсем темно.

– На самом деле все было не так. Я не заблудился в том смысле, что ушел, а потом не смог найти дорогу обратно. Я сказал, что подозреваю заговор против меня и буду стоять на своем. Паранойей я не страдаю.

– Ну, хорошо, так что же тогда все-таки случилось?

Селдон все рассказал Дорс. Все вспомнил, ничего не забыл. Он просто не мог забыть – весь вчерашний день жуткое приключение виделось ему в кошмарных снах.

Дорс слушала его, нахмурившись.

– Невероятно, – покачала головой она. – Вертолет? Ты уверен?

– Уверен, конечно. Или ты думаешь, у меня была галлюцинация?

– Но имперские власти все равно не имели права арестовать тебя там, наверху. Это было бы таким же грубым вмешательством в дела Университета, как если бы они арестовали тебя здесь, в кампусе.

– Хорошо. Откуда тогда взялся этот вертолет?

– Не знаю. Но у меня такое чувство, что я зря не пошла с тобой наверх. Может быть, все еще хуже, чем тебе кажется. Челвик будет мной очень недоволен.

– Тогда давай не будем ему говорить, – предложил Селдон. – Все ведь хорошо закончилось в конце концов.

– Сказать придется, – печально проговорила Дорс. – На счет «закончилось» я сильно сомневаюсь.

29

Вечером с визитом явился Легген. Чувствовал он себя неуверенно, смущенно, переводил взгляд с Дорс на Селдона и обратно. Они молчали, как в рот воды набрали.

Наконец он пробурчал, обращаясь к Селдону:

– Вот пришел узнать, как вы себя чувствуете.

– Прекрасно, – ответил Селдон. – Только все время спать хочется. Доктор Венабили говорит, что мне придется проваляться еще пару дней, чтобы окончательно поправиться. Честно говоря, – добавил он с улыбкой, – я не возражаю.

Легген набрал побольше воздуха, шумно выдохнул и наконец заговорил, выдавливая из себя слова:

– Я ненадолго. Я прекрасно понимаю, что вас нельзя беспокоить. Но я все-таки хочу сказать, что сожалею о том, что произошло. Я не должен был столь легкомысленно полагаться на то, что вы спустились вниз один. Вы новичок, и я дол-

жен был за вами получше присматривать. Ведь я, именно я взял вас с собой. Надеюсь, у вас хватит доброты и вы простите меня. Вот и все, что я хотел сказать.

Селдон неожиданно зевнул и прикрыл рот ладонью.

– Простите, ради бога. Не стоит так переживать. Все кончилось хорошо, и я не держу на вас зла. Ведь в каком-то смысле это и не ваша вина. Я не должен был отходить от группы, и случившееся вряд ли можно рассматривать как...

Дорс прервала его:

– Все, Гэри, хватит болтать. Отдохни. И потом, мне нужно кое о чем спросить доктора Леггена, пока он не ушел. Во-первых, доктор Легген, я прекрасно понимаю, что вас беспокоят последствия этого неприятного происшествия для вас лично. Я обещала вам, что никому ни слова не скажу, если доктор Селдон поправится. Поскольку он поправляется, можете не волноваться. Пока. Я вас хочу спросить кое о чем и надеюсь, на этот раз вы будете более сговорчивы.

– Попытаюсь, доктор Венабили, – буркнул Легген.

– Вы не заметили ничего необычного, пока были наверху?

– Что вы спрашиваете? Конечно, заметил. Я потерял доктора Селдона и только что принес свои извинения.

– Я не об этом. Больше ничего необычного не произошло?

– Нет, ничего. Абсолютно ничего.

Дорс посмотрела на Селдона, а Селдон нахмурился. Ему показалось, что Дорс хочет проверить, правду ли он ей рассказал. Неужели она решила, что поисковый вертолет ему

померещился? Он уже собрался было поспорить, но Дорс сделала знак молчать, словно хотела дать понять, что не стоит. Селдон промолчал: с одной стороны, решил послушаться Дорс, с другой – потому, что на самом деле безумно хотел спать. Он всей душой надеялся, что Легген не будет тут торчать слишком долго.

– Вы уверены? – упорствовала Дорс. – Никто не мешал вашим наблюдениям?

– Да нет же, говорю вам! Хотя...

– Да, доктор Легген?

– Над нами пролетел... летательный аппарат.

– Летательный аппарат? Какой именно?

– Вертолет.

– Это вас удивило?

– Вовсе нет.

– Почему же?

– Слушайте, это становится похоже на допрос, доктор Ве-
набили. И мне это совсем не нравится.

– Сочувствую, доктор Легген, но дело в том, что эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к тому, что произошло с доктором Селдоном. Весьма вероятно, что все намного сложнее, чем мне показалось поначалу.

– В каком смысле? – сердито поинтересовался Легген. – Вы собираетесь и дальше экзаменовывать меня, требовать еще каких-то объяснений? Имейте в виду, я могу и отказаться.

– Вряд ли вам удастся отказаться. Объясните для начала,

почему вы считаете, что в поисковом вертолете нет ничего такого особенного.

– Потому, милая дама, что у многих метеостанций на Тренторе есть свои вертолеты, которыми они пользуются для проведения наблюдений облаков и верхних слоев атмосферы. У нашей станции, правда, своего вертолета нет.

– Почему же? Это было бы так удобно.

– Конечно. Но мы не соревнуемся между собой и секретов друг от друга не таим. Мы сообщаем наши сведения, другие метеорологи – свои. Поэтому имеет смысл заниматься разными вещами. Было бы глупо подменять друг друга целиком и полностью. Те деньги, которые мы могли бы выбросить на приобретение вертолета, ушли на более нужные нам вещи – мезонные рефрактометры, к примеру, а у других все наоборот. Сэкономили на рефрактометрах, а купили вертолет. Такие вот дела. Как бы секторы ни выпендривались друг перед другом, ученые держатся друг за дружку. Надеюсь, вам это известно, – добавил Легген не без издевки.

– Известно, – кивнула Дорс, – и все-таки: не странно ли, что чей-то вертолет кружится над вашей базой именно в тот день, когда вы собрались провести собственные наблюдения?

– Ничего странного. Мы из того, что собираемся на базу, секрета не делали – наоборот, объявили об этом. Что же удивительного, если метеорологи с другой станции сочли разумным одновременно произвести нефелометрические наблю-

дения – то есть наблюдения за облаками? Ведь если сверить полученные результаты, может выйти довольно интересно.

– Стало быть, они просто проводили какие-то замеры, да? – растерянно спросил Селдон.

– Конечно, – ответил Легген. – Чем еще они могли заниматься?

Дорс часто заморгала – такое с ней случалось, когда она старалась быстро сообразить, что сказать.

– Резонно. Но какой базе принадлежит этот вертолет?

Легген покачал головой:

– Доктор Венабили, откуда же мне знать?

– Просто я подумала, что, может быть, на метеорологических вертолетах рисуют какие-нибудь опознавательные знаки, говорящие, с какой они базы?

– Так оно и есть, но только я не смотрел, не разглядывал. Мне некогда было. Своей работы хватало. Поступит информация, и я узнаю, чей это был вертолет.

– А если не поступит?

– Тогда я позволю себе предположить, что у них вышли из строя приборы. Такое случается время от времени.

Легген сжимал и разжимал пальцы и наконец сжал правую руку в кулак.

– Ну, все?

– Минутку. А как вам кажется, откуда мог прилететь этот вертолет?

– С любой базы, располагающей вертолетами. В течение

дня вертолет может добраться до нас практически из любого места планеты.

– И все-таки: откуда вероятнее?

– Трудно сказать... Гестелония, Сэтчем, Зиггорет, Северный Дамиано. Вероятнее всего – из этих четырех секторов, но остальные сорок вовсе не исключаются. Минимум – сорок.

– Тогда еще один вопрос. Последний. Доктор Легген, вы никому случайно не обмолвились, когда собирались наверх, что доктор Селдон, математик, отправится с вами?

Лицо Леггена озарилось искренним, неподдельным удивлением, которое, однако, быстро сменилось выражением крайней подозрительности.

– Я никогда не подаю списка. Кому это интересно?

– Что ж, ладно, – вздохнула Дорс. – Стало быть, доктор Селдон просто увидел какой-то вертолет и испугался. Почему – я пока не поняла, но это не давало ему покоя. В общем, он бросился бежать от вертолета, заблудился, не мог или боялся вернуться и решил пойти обратно только тогда, когда сильно стемнело, а в темноте немного не дошел до базы. За это вас винить никак нельзя, так что давайте забудем о случившемся – и вы, и я. Договорились?

– Договорились, – кивнул Легген. – До свидания.

Он развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Дорс осторожно стащила с Селдона шлепанцы, поудобнее укрыла одеялом. Он спал –

крепко и безмятежно.

А Дорс села к столу и задумалась. Правду ли сказал Легген? Как проверить?

Глава 7

Микоген

*МИКОГЕН – сектор древнего Трентора....
Безнадёжно отстав от жизни, купаясь в
собственном легендарном прошлом, Микоген не
сыграл большой роли в истории планеты. Его
самоизоляция достигла такой степени...*
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

30

Проснувшись, Селдон увидел рядом с собой человека, который озабоченно разглядывал его. Селдон поморгал, потер глаза и удивленно пробормотал:

– Челвик...

Челвик усмехнулся:

– Не забыл, значит?

– Нет, не забыл, хотя мы виделись два месяца назад. Значит, тебя не арестовали и ничего такого...

– Я здесь, как видишь, цел и невредим, хотя... – тут он бросил взгляд на Дорс, которая стояла с ним рядом, – обратиться сюда мне было не так-то просто.

– Я так рад тебя видеть! – улыбнулся Селдон. – Не возра-

жаешь, если... – он показал пальцем в сторону ванной.

– Делай все, что нужно. Мойся, завтракай.

Завтракал Селдон в одиночку. Челвик и Дорс молчали. Челвик лениво проглядывал библиофильм. Дорс довольно долго и внимательно изучала свои ногти, потом вынула микрокомпьютер и принялась делать какие-то заметки.

Селдон поглядывал на друзей, но не пытался начать разговор. Может, на Тренторе так было положено – не разговаривать много с больными. Правду сказать, чувствовал он себя уже нормально, но, может быть, друзья этого не понимали.

Только тогда, когда Селдон прожевал последний кусочек и запил его полным стаканом молока (к молоку он уже привык, и вкус его уже не казался ему неприятным), Челвик наконец заговорил:

– Ну, как себя чувствуешь, Селдон?

– Прекрасно, Челвик. То есть передвигаться могу свободно.

– Отрадно слышать, – сухо кивнул Челвик. – Я очень сердит на Дорс Венабили за то, что она такое допустила.

– Нет-нет, – нахмурился Селдон. – Она ни при чем. Это я сам захотел подняться наверх.

– Не сомневаюсь, но она должна была обязательно пойти туда вместе с тобой.

– А я попросил ее не ходить со мной.

– Это неправда, Гэри, – возразила Дорс. – Не оправдывай меня.

– Ладно, не буду, – мотнул головой Гэри. – Но, Челвик, не забывай, именно Дорс поднялась наверх за мной, и это ей удалось непросто, и в конце концов именно она спасла мне жизнь. Тут уж никакой неправды нет. Ты это учел, Челвик?

– Прошу тебя, Гэри, – вмешалась Дорс. – Четтер Челвик совершенно прав. Я не имела никакого права разрешать тебе покидать стены Университета без меня. Не волнуйся, мои последующие действия он оценил по достоинству.

– Ну ладно, – сказал Челвик. – Это дело прошлое, и мы о нем забудем. А поговорим о том, что случилось наверху, Селдон.

– А... безопасно ли это? – спросил Селдон, испуганно оглядевшись по сторонам.

– Дорс позаботилась, – усмехнулся Челвик, – чтобы твоя комната была окружена отражающим полем. Так что я совершенно уверен: ни один имперский агент, если такие бродят по Университету, не сможет нас подслушать. А ты, оказывается, подозрителен, Селдон?

– Не от рождения, уверяю тебя. Наслушался тебя тогда в парке, да и потом... Это у тебя талант внушения, Челвик. Мне тогда Эдо Демерзель в каждой тени мерещился.

– Порой мне кажется, что он – это я, – буркнул Челвик.

– Не думаю, – покачал головой Селдон. – Я бы его узнал, наверное. А каков он собой, Челвик?

– Не важно. Все равно ты его не увидишь, если только он сам не пожелает тебя увидеть, да только боюсь, все равно ты

на него и глянуть не успеешь. Все будет кончено. Вот именно с таким оборотом дел нам и предстоит побороться. Давай-ка поговорим о том вертолете, который ты видел.

– Ну, я же сказал, Челвик, ты приучил меня бояться Демерзеля. И стоило мне увидеть вертолет, я сразу решил, что это за мной, что я совершаю ужасную, непростительную глупость, уйдя из Университета, что меня туда заманили нарочно, исключительно для того, чтобы легче было меня схватить.

– Но Легген утверждает... – прервала Селдона Дорс.

– Да, кстати, – подхватил Селдон, – он случайно не заходил сюда вчера?

– Заходил, разве ты не помнишь?

– Помню, но как-то плохо. Я был так слаб. Все спуталось в голове.

– Ну, так вот. Он был здесь вчера поздно вечером и сказал, что этот вертолет – всего-навсего летательный аппарат, принадлежащий метеорологам с другой станции. Самый обычный. Совершенно неопасный.

– Что? – воскликнул Селдон. – Нет, не верю!

– Вот и разберемся, – предложил Челвик. – Поставим вопрос так: почему ты в это не веришь? Что такого было в этом вертолете, что он показался тебе опасным? Было такое или нет или дело всего-навсего в той мнительности, которая зародилась у тебя в душе под моим влиянием?

Селдон задумался, прикусил губу.

– Было! – кивнул он наконец. – Было. То, как действовали пилоты. Кабина вдруг выныривала из облаков, словно те, кто в ней сидел, что-то высматривали. Потом вертолет перелетал в другое место, и повторялось то же самое. Все время. Было такое впечатление, что экипаж занят внимательным осмотром поверхности и охотится именно за мной.

– Может быть, ты преувеличиваешь, Селдон? – Челвик покачал головой. – Может быть, ты тогда сравнивал вертолет с каким-то жутким хищником, отслеживающим свою жертву, то бишь тебя. Это, безусловно, ерунда. Это был самый обычный вертолет, а если он принадлежал метеорологам, то и действия пилотов, судя по твоему описанию, совершенно обычны, и ничего опасного я в них не вижу.

– А мне так не показалось, – упрямо мотнул головой Селдон.

– Естественно, не показалось, но ведь достоверных данных у нас нет. Твоя убежденность в том, что тебе грозила опасность, это не более чем предположение. Правда, утверждение Леггена о том, что вертолет наверняка принадлежал метеорологам, это тоже не более чем предположение.

– Ни за что не поверю, – нахмурился Селдон, – что все так невинно.

– Ну, хорошо, – сказал Челвик, наклонился вперед, сложил руки на груди. – Предположим самое худшее: вертолет действительно охотился за тобой. Откуда было тому, кто его послал, знать, что ты в это время будешь наверху?

Тут вмешалась Дорс:

– Я спросила у доктора Леггена, не включил ли он в сообщение о предстоящем выходе на метеостанцию информацию о том, что в группу включен Гэри Селдон. В принципе, он не обязан был этого делать, и вопрос мой его просто поразил. Он сказал, что такого сообщения не делал, и я ему поверила.

– Ну, это ты, положим, зря. Не стоит верить ему так легко, – посоветовал Челвик. – Он в любом случае ответил бы отрицательно. Лучше подумаем вот о чем: почему он так легко согласился взять Селдона с собой. Мы знаем, что он не горел желанием брать его, а потом вдруг взял и согласился. Причем без особых возражений. Насколько я знаю Леггена, это на него не похоже.

Дорс сдвинула брови:

– Ну, знаете, так можно все на него свалить. Тогда выходит, он все и организовал. И Гэри взял с собой только для того, чтобы облегчить его арест. Может быть, он получил соответствующий приказ на этот счет. Можно пойти дальше: он дал распоряжение этой юной практиканточке, Клозии, дабы она заговорила Гэри зубы, увела его подальше от группы. Вот вам и объяснение того, почему Легген так легко вернулся вниз без Гэри и не слишком беспокоился по поводу его отсутствия. Он мог запросто отговориться – ведь он старательно проинструктировал Гэри на предмет того, как ему вернуться вниз самостоятельно, если замерзнет. Тогда и его упорное нежелание тащиться наверх на поиски Гэри

тоже объяснимо: к чему ему было соглашаться идти искать того, кого, по его мнению, уже давным-давно сцапали?

Челвик внимательно выслушал Дорс, кивнул и сказал:

– Восхитительно выстроенное обвинение, но давайте все-таки пока не будем торопиться. В конце концов, он ведь все-таки пошел с тобой наверх, правда?

– Пошел, но только потому, что я заявила, что зарегистрированы шаги. А сейсмолог это подтвердил.

– Хорошо, давай так: был ли Легген шокирован, когда вы нашли Селдона? Вел он себя так, как вел бы себя человек, нашедший того, кто по его вине попал в страшную беду? Так он себя вел или был просто ошарашен тем, что вы все-таки нашли Гэри – Гэри, которого, по мнению Леггена, там и быть не могло? Не было ли в его поведении молчаливого вопроса: «Как же это вышло, что его не сцапали?»

Немного подумав, Дорс ответила:

– Да, он, безусловно, был потрясен, увидев Гэри, но ничего такого сверхъестественного я в его поведении не заметила – самая обычная реакция. Так отреагировал бы любой на его месте, мне кажется.

– Понимаю. Заметить было трудно.

И тут Селдон, который внимательно слушал их разговор, переводя взгляд с лица Дорс на лицо Челвика, неожиданно покачал головой и сказал:

– Я не думаю, что Легген виноват.

Челвик пристально посмотрел на Селдона:

– Почему?

– Во-первых, ты совершенно справедливо заметил, что поначалу он был явно против того, чтобы я пошел с ними наверх. Его пришлось целый день уговаривать, да и согласился он в конце концов, по-моему, только из-за того, что его убедили в том, что я – опытный математик и смогу оказать ему помощь в проработке его метеорологической концепции. Выход на поверхность был целиком и полностью моей идеей, и, если бы у него был какой-то приказ вытащить меня туда, вряд ли бы он стал так долго упрямяться.

– Неужели ты ему понадобился только в качестве математика? Он с тобой обсуждал какие-то математические подробности? Пытался изложить тебе свою концепцию?

– Нет, – ответил Селдон. – Не пытался. Он что-то буркнул насчет того, что не прочь поговорить со мной об этом попозже. А там, наверху, он только и делал, что возился со своими приборами. Я так понял, что он ожидал, что покажется солнце, и думал, что инструменты наврали, а выяснилось, что с ними все в полном порядке, и, похоже, он из-за этого просто из себя вышел. Словом, ему там было явно не до меня. Что же касается Клозии, этой девушки, которая уделила мне несколько минут... нет, знаете, сейчас, когда я все вспоминаю, нет у меня чувства, что она нарочно увела меня от базы. Я сам виноват. Меня заинтересовала растительность на поверхности планеты, и скорее я увел Клозию от группы, чем наоборот. Вряд ли Легген руководил ее действиями: ведь он

окликнул ее, когда меня было еще хорошо видно. А уж дальше я сам ушел.

– И все-таки, – возразил Челвик, который, похоже, решил нынче возражать всем, – если этот вертолет искал тебя, те, кто на нем летел, видимо, знали, что ты находишься там. Откуда же им было знать об этом, как не от Леггена?

– Я подозреваю совсем другого человека, – заявил Селдон. – Молодого психолога по имени Лисунг Ранда.

– Ранда? – воскликнула Дорс. – Не может быть! Я его хорошо знаю. Он просто не способен работать на Императора. Да он до мозга костей антиимпериалист!

– Притворяется, наверное, – хмыкнул Селдон. – Кого же ему еще из себя корчить, как не выразителя самых что ни на есть антиимпериалистических взглядов, когда он – имперский агент?

– Да какой он выразитель? – не унималась Дорс. – Спокойный, милый, добродушный человек, мягкий, добрый, бесхитростный. Убеждена, агенты такими не бывают.

– Тем не менее, Дорс, – возразил Селдон, – именно он рассказал мне о метеорологическом проекте. Именно он порекомендовал мне подняться наверх, именно он уговорил Леггена взять меня с собой, расписав в красках, какой я замечательный математик. Просто удивительно, зачем ему так не терпелось выпихнуть меня на поверхность, зачем он старался?

– Ради тебя, Гэри, я думаю. Ты ему небезразличен, Гэри.

Наверное, он решил, что, как это ни парадоксально, тебе будет полезно заглянуть в метеорологию ради психоистории. Разве не так?

– Давайте переключимся, – предложил Челвик. – Ведь с того момента, как Ранда впервые поведал тебе о метеорологическом проекте, до твоего выхода на поверхность прошло довольно много времени. Если Ранда ни в чем не замешан, у него не было никаких причин держать язык за зубами. Если он действительно такой милый, общительный человек...

– Такой, такой! – решительно кивнула Дорс.

– ...то ничто не помешало бы ему разболтать обо всем куче приятелей. Тогда выяснить, кто конкретно сработал как оповеститель, у нас возможности нет. Кстати, то, что Ранда – антиимпериалист, само по себе ничего не значит. Он все равно может быть агентом. Ставим вопрос так: на кого он работает? Чей он агент?

Селдон удивился не на шутку:

– А на кого он еще может работать, если не на Империю? Кому я еще нужен, кроме Демерзеля?

Челвик покачал указательным пальцем:

– Ты просто не понимаешь, насколько сложна тренторианская политика, Селдон.

Обернувшись к Дорс, Челвик попросил:

– Напомни мне, будь добра, какие сектора перечислил Легген, когда ты спросила его о том, откуда мог прилететь метеорологический вертолет?

– Он назвал Гестелонию, Сэтчем, Зиггорет и Северный Дамиано.

– Наводящих вопросов ты не задавала? Про какой-то конкретный сектор не спрашивала?

– Нет. Я просто спросила его, как он думает, откуда бы мог прилететь вертолет.

– Ну а ты, – спросил Челвик у Селдона, – никаких опознавательных знаков на вертолете не заметил?

Селдон приготовился к бурному объяснению. Он хотел заявить, что вертолет большую часть времени прятался за облаками, что ему самому было не до того, чтобы разглядывать опознавательные знаки, что он думал только о Демерзеле и о том, как получше и побыстрее спрятаться. Но ничего этого он говорить не стал – решил, что Челвик об этом и так знает.

– Нет, не заметил, – ответил он.

– Но если вертолет действительно за ним охотился, опознавательные знаки могли быть закрашены, правда?

– Резонное предположение, – согласился Челвик. – Рациональное. Однако рациональность в нашей Галактике не всегда приводит к успеху. Пока же, раз Селдон никаких опознавательных знаков не видел, нам остается только гадать. Моя точка зрения такова: Сэтчем.

– Не понял? – нахмурился Селдон. – Зачем?

– Что – «зачем»? С-э-т-ч-е-м, – по буквам проговорил Челвик. – Это такой сектор. Очень специфический, между прочим. Уже три тысячелетия им правит династия мэ-

ров. Лет этак пятьсот назад на Императорском троне посидели двое Императоров и Императрица из Дома Сэтчема. Но, увы, недолго. Ничего выдающегося за ними не числится. А вот мэры Сэтчема своего монаршего прошлого не позабыли. Нет, они не выказывали открытого неповиновения Императорам, которые правили позднее, но и особым повиновением не блистали. Во время гражданских войн они хранили нейтралитет и предпринимали такие шаги, чтобы эти войны всячески затянуть и заставить противников обратиться за помощью к Сэтчему. Ничего они этим не добились, но пытаться не перестали. Нынешний мэр Сэтчема пользуется необычайным влиянием. Он, правда, человек старый, но амбиции его не остыли, и, если что-то стрясется с Клеоном – пусть даже самая что ни на есть естественная смерть, – мэр не преминет потягаться за Императорский трон с сыном Клеона. Мальчик еще мал, и мэр может рассчитывать на поддержку Галактики. Следовательно, если мэр Сэтчема слышал о тебе, вполне возможно, что он возмечтал заполучить тебя в качестве придворного предсказателя. Все укладывается: они отправляют Клеона на тот свет, ты предсказываешь неизбежное воцарение Сэтчемской династии и мир с процветанием в придачу на ближайшую тысячу лет. Ну а когда Сэтчем заберется на трон, ты станешь не нужен. Тебя похоронят рядом с Клеоном.

Селдон нахмурился, помолчал.

– Но ведь мы же не знаем наверняка, что этот вертолет

прилетел из Сэтчема, правда?

– Нет, не знаем. Мы ничего не знаем наверняка. В конце концов, вертолет и правда мог быть самым обычным безобидным летательным аппаратом метеорологов, как сказал Легген. И все же, поскольку сплетни о психоистории и ее возможностях распространяются – а уж это я точно знаю, – все больше и больше властителей на Тренторе мечтают заполучить тебя и использовать в своих интересах.

– И что же, – спросила Дорс, – нам теперь делать?

– Вот это, я понимаю, вопрос, – кивнул Челвик. – Видимо, – сказал он, немного поразмыслив, – не стоило сюда приезжать. Слишком уж легко догадаться, что в первую очередь профессор спрячется в Университете. Конечно, кроме Стрилинга, Университетов хватает, но Стрилингский – один из самых независимых, и догадаться можно. Я думаю, что как можно скорее – желательно сегодня же – Селдона следует перебросить в другое, более безопасное место. Вот только...

– Только – что? – нахмурился Селдон.

– Только я не знаю куда.

– Можно запросить у компьютера каталог и ткнуть пальцем в любое место.

– Тоже мне, придумал! – фыркнул Челвик. – Так мы рискуем угодить в место, где окажется менее безопасно, чем везде. Нет, так нельзя. Нужно что-то придумать.

Прошло время ленча, а троица никуда не выходила из комнаты Селдона. Дорс и Селдон болтали о том о сем, а Челвик в основном помалкивал. Сидел прямо, ел мало, смотрел еще угрюмее, чем обычно, и как-то сразу постарел на несколько лет.

«Наверное, вспоминает географию Трентора, – решил Селдон, – и ищет местечко побезопаснее. Нелегко ему небось».

На самом деле родной Геликон Селдона был не такой уж маленькой планетой – он был чуть побольше Трентора. На Геликоне имелся даже собственный океан – поменьше, чем на Тренторе. А площадь поверхности суши была намного больше – приблизительно процентов на десять. Но если на Тренторе люди жили везде как в одном громадном городе, на Геликоне городов было раз-два и обчелся. Административных округов на Геликоне насчитывалось всего двадцать, а на Тренторе – свыше восьмисот, и вдобавок каждый из них делился на более мелкие единицы.

Наконец Селдон не выдержал и сказал:

– Послушай, Челвик, у меня есть предложение. Давай выберем из тех, кто мечтает меня заграбастать, самого доброго и отдадим меня ему, а он пусть меня от других защищает.

Челвик взглянул на него и ответил совершенно серьезно:

– В этом нет нужды. Я знаю такого человека. Можно сказать, почти доброго. И ты у него уже есть.

Селдон усмехнулся:

– Хочешь потягаться с мэром Сэтчема и Императором всей Галактики?

– Зачем? Пустая трата времени. Но, с точки зрения желания владеть тобой, я с ними вполне могу поспорить. Им ты нужен только для того, чтобы возвыситься еще сильнее, а у меня нет никаких амбиций, кроме желания сделать доброе дело для Галактики.

– У меня такое подозрение, – буркнул Селдон, – что всякий из твоих соперников, спроси его кто-нибудь, точно так же клялся бы, что печется о Галактике, и только о Галактике.

– Как пить дать, – кивнул Челвик, – но пока ты имел удовольствие лично познакомиться только с одним из моих соперников – то бишь с Императором. Вспомни, чего он от тебя хотел? Я же от тебя ничего подобного не требую. Я прошу тебя только о том, чтобы ты доработал методические аспекты психоистории и обрел возможность делать математически верные прогнозы, пускай всего лишь статистического порядка.

– Ага. Всего-навсего, – печально усмехнулся Селдон.

– Позволь, кстати, поинтересоваться, как идут дела в этом направлении? Есть достижения?

Селдон был готов и расхохотаться, и разразиться проклятиями. Однако ни того, ни другого он не сделал. Немного

помолчав, он тихо переспросил:

– Достижения? Ты шутишь? За такое время? Ведь прошло меньше двух месяцев! Челвик, на это не хватит моей жизни, и не только моей. Еще дюжина математиков будут биться после меня и ничего не добьются.

– Я не имею в виду ничего законченного, даже ничего обнадеживающего. Ты все время твердил, что применение психоистории возможно, но неосуществимо. Вот я и спрашиваю: не блеснул ли лучик надежды? Не кажется ли тебе теперь твоя задача более осуществимой?

– Увы, не кажется.

– Прошу прощения, – вмешалась Дорс. – Я, конечно, не математик, поэтому не сочтите мой вопрос дурацким. Как это что-либо может быть одновременно и возможным и неосуществимым? Ты, Гэри, как-то говорил, что теоретически для тебя возможно лично познакомиться и пожать руку всем жителям Галактики, однако это неосуществимо, поскольку на это тебе не хватит жизни. Но позволь спросить, почему ты приравниваешь психоисторию к такому занятию?

Селдон удивленно уставился на Дорс:

– Ты действительно хочешь, чтобы я это *объяснил*?

– Да! – И она так потрянула головой, что кудряшки рассыпались.

– Я тоже не прочь послушать, – сказал Челвик.

– Без математических подробностей? – хитро усмехнулся Селдон.

– Если можно, – попросил Челвик.

– Так... – Селдон немного подумал, решая, с чего начать. – Ну, хорошо. Если, допустим, вы решили изучить какой-то из аспектов Вселенной, полезно до предела упростить задачу и взять для анализа только те его свойства и качества, которые важны для понимания. Если вы, допустим, собрались выяснить, как падает предмет, вам нет нужды выяснять, старый он или новый, красный или зеленый и как он пахнет. Такие характеристики вы попросту отбрасываете, чтобы не усложнять себе задачу. Подобное упрощение можно назвать моделью и пользоваться ею либо обычным путем, на экране компьютера, либо вывести в виде математической формулы. Возьмем для примера простейшую теорию нерелятивистской гравитации...

– Гэри, ты обещал! – прервала его Дорс. – Ты обещал, что никакой математики не будет. И не прячься за словечками типа «простейшая».

– Нет, нет! Когда я назвал эту теорию простейшей, я лишь хотел сказать, что она жутко древняя и родилась в туманном прошлом вместе с огнем и колесом. Однако формулы гравитационной теории содержат в себе описание принципов движения планетарных систем, двойных звезд, раскрывают причины приливов и так далее. С помощью этих уравнений можно даже добиться разработки визуальной модели вращения планеты вокруг звезды, взаимного движения пары звезд – на двухмерном экране. Более сложные взаимосвязи

можно проследить с помощью трехмерной голограммы. Такие вот упрощенные модели порой помогают лучше уяснить суть явления, чем если бы мы принялись старательно изучать явление само по себе, в его истинном виде. И на самом деле без гравитационных формул наши знания о движении планет и о небесной механике вообще были бы крайне ограниченными.

Итак, затем у вас возникает желание узнать о каком-то явлении больше, потом – еще больше, а может быть, само явление усложняется, и тогда вам потребуются все более и более сложные уравнения, все более и более изощренное программирование, и получаемая в итоге компьютерная модель становится все сложнее и сложнее для понимания.

– А модель модели разработать нельзя? – поинтересовался Челвик. – Может, так было бы проще?

– В таком случае неизбежно придется отбрасывать кое-какие характеристики явления, без которых просто невозможно, и ваша модель станет бесполезной, бессмысленной. МВМ – то есть минимальное возможное моделирование – обрastaет деталями гораздо быстрее, чем само изучаемое явление. В общем, много тысяч лет назад было доказано, что для того, чтобы смоделировать Вселенную во всей ее сложности, нужна модель, размеры которой будут не меньше самой Вселенной. Другими словами, это означает, что цельную картину Вселенной можно получить лишь за счет изучения самой Вселенной. Было доказано также, что, если предпри-

нять попытку вычленишь модель какого-то участка Вселенной, потом еще одного, потом еще и еще, а потом попытаться, как из кубиков, сложить целую Вселенную, становится ясно, что таких крошечных моделей – бесконечное количество. Поэтому для понимания Вселенной в целом при таком подходе потребуется бесконечное время. Вот еще один пример того, что нельзя объять необъятное.

– Понятно... – задумчиво пробормотала Дорс.

– Итак, мы знаем, следовательно, что некоторые относительно простые вещи моделировать легко, но чем они сложнее, тем труднее их моделировать, а в конце концов – просто невозможно. Но в какой момент, на каком этапе моделирование становится невозможным? На каком уровне сложности? Пока мне удалось показать при помощи математического метода, разработанного в нашем столетии и трудного для применения даже при использовании самого грандиозного и умного компьютера, что наше Галактическое сообщество до этой отметки пока не добралось. Его можно продемонстрировать с помощью упрощенной модели. Тогда я пошел дальше и решил доказать, что за счет этого есть возможность прогнозировать события будущего на уровне статистики – то есть определять вероятность различных вариантов течения событий, а не безапелляционно утверждать, что то или иное событие обязательно произойдет.

– Раз так, – сдвинул брови Челвик, – раз ты действительно можешь построить модель Галактического сообщества, по-

чему бы тебе не сделать этого? Что же тут неосуществимого?

– Пока я всего лишь доказал, что на понимание принципов существования Галактического сообщества не уйдет бесконечного времени. Но если окажется, что на его изучение уйдет миллиард лет, это, можно считать, неосуществимо. Ничем не лучше бесконечности.

– И что, именно столько нужно времени? Миллиард лет?

– Я не сумел определить точно, сколько лет уйдет, но никак не меньше миллиарда. Я эту цифру не с потолка взял.

– И все-таки ты в этом не уверен окончательно.

– Пытался определить.

– Но не определил.

– Нет, не определил.

– А как университетская библиотека? Ничем не помогла? – спросил Челвик, бросив взгляд на Дорс.

– Увы, – покачал головой Селдон.

– Ну а Дорс ничем помочь не может?

Дорс вздохнула:

– Я в этом ничего не понимаю, Четтер. Я могу только предложить подходы. Если Гэри следует моему совету, но ничего не находит, что же я могу поделать.

Челвик встал:

– Раз так, то в Университете торчать нет никакого смысла. Я должен как следует подумать, где тебя поместить.

Селдон подался вперед и тронул Челвика за рукав:

– Но у меня есть идея.

Челвик посмотрел на Селдона в упор – не то удивленно, не то подозрительно:

– Да? И когда же она родилась? Только что?

– Нет. Эта мысль вертелась у меня в голове несколько дней, еще до того, как я вышел на поверхность. Приключение несколько выбило меня из колеи, но ты спросил про библиотеку, и я вспомнил.

Челвик снова уселся на стул.

– Говори, что за идея, если, конечно, не собираешься обрушить на меня поток формул.

– Никаких формул, не бойся. Просто, когда я читал книги по истории, занимаясь в библиотеке, я заметил, что в прошлом жизнь Галактического сообщества текла как-то проще. Двенадцать тысячелетий назад, когда Империя только создавалась, в Галактике насчитывалось всего около десяти миллионов обитаемых миров. А двадцать тысячелетий назад в союз доимперских королевств входило и того меньше – десять тысяч миров. Чем глубже в прошлое, тем сильнее уменьшается численность сообщества. Вероятно, так можно добраться до одного-единственного мира, того самого, легендарного, о котором ты мне говорил, Челвик.

– Стало быть, – сказал Челвик, – ты считаешь, что, оперируя более малочисленным, менее сложным сообществом, ты мог бы продвинуться в психоистории?

– Да, мне так кажется.

– И тогда, – радостно подхватила Дорс, – если тебе удаст-

ся применить законы психоистории к малочисленному сообществу прошлого и экстраполировать результаты исследования на тысячу лет вперед, ты сможешь проверить, верно ли выбрал точку отсчета. Настоящее время к твоим услугам.

Челвик холодно покачал головой:

– Предсказание событий тысячного года Галактической Эры? Нечистый эксперимент. Ты будешь испытывать бессознательное воздействие имеющихся у тебя знаний о том, что есть на самом деле, и невольно будешь подбирать для уравнений такие величины, чтобы получить нужный ответ.

– Не думаю, – возразила Дорс. – Прежде всего мы не так уж досконально знаем, что происходило в тысячном году Галактической Эры. Придется здорово покопаться. Ведь это было одиннадцать тысячелетий назад.

– Что ты хочешь сказать, Дорс? – взволнованно спросил Селдон. – Что значит – «не так уж досконально»? Разве тогда не было компьютеров?

– Были, конечно.

– Ну, так в чем дело? Банки памяти, записи свидетельств современников. За тысячный год должны быть точно такие же записи, как за нынешний, двенадцатитысячный.

– Теоретически – да, но на деле... Ой, Гэри, я уже начала за тобой повторять. В общем, записи за тысячный год получить возможно, но неосуществимо.

– Хорошо усвоила, Дорс, но, только когда я так говорю, я имею в виду математику. Не понимаю, какое отношение это

может иметь к историческим отчетам.

– Отчеты не вечны, – защищаясь, ответила Дорс. – Банки памяти могут быть уничтожены, захвачены противником в процессе конфликтов, могут быть просто утрачены с течением времени. Любой бит памяти, любой отчет, к которому долгое время не обращаются, со временем переходит в разряд накопившихся информационных шумов. Говорят, примерно треть из всех отчетов, хранящихся в Имперской Библиотеке, – сущий хлам, но принятые там порядки не позволяют взять и выбросить эти отчеты. А другие библиотеки не так ортодоксальны. В Стрилинге, к примеру, каждые десять лет проводится инвентаризация, и материалы, не пользующиеся спросом, подлежат уничтожению. Конечно, те отчеты, которые часто читают, которые существуют во многих экземплярах в библиотеках различных миров, как в государственных, так и в частных, хранятся тысячелетиями, и поэтому ключевые события Галактической истории остаются общеизвестными даже в тех случаях, если они происходили в доимперские времена. И все-таки чем дальше в прошлое, тем меньше вероятности, что записи сохранены.

– Просто не верится! – воскликнул Селдон. – А я считал, что, как только отчет приходит в негодность, с него тут же снимаются копии. Как же можно давать знаниям исчезнуть?

– Нежелательные знания – это бесполезные знания, – ответила Дорс. – Ты просто не представляешь себе, сколько времени, труда, стараний ушло бы на то, чтобы непрерывно

ворошить этот бесполезный хлам.

– Но как же! А вдруг кому-то потребуется именно этот хлам?

– Раз в тысячу лет? Уволь, пожалуйста. Это нерентабельно. Даже в науке. Вот ты говорил о простейших уравнениях гравитации и сказал, что назвал их простейшими только потому, что время их выведения теряется в тумане веков. Как же такое могло произойти? Разве твои соратники, математики, физики, не могли сберечь все данные и докопаться до тех времен, когда кто-то придумал эти уравнения?

Селдон промычал что-то нечленораздельное.

– Слушай, Челвик, моя идея такова: если углубляться в прошлое и рассматривать более примитивное сообщество, практическое применение психоистории становится более вероятным. Однако объем знаний, оказывается, уменьшается гораздо быстрее, чем размеры сообщества, следовательно, применение психоистории становится менее вероятным. Такие вот дела.

– Между прочим, есть такой сектор – Микоген, – задумчиво проговорила Дорс.

– Это точно, – подхватил Челвик, бросив на Дорс понимающий взгляд. – Очень неплохое местечко для Селдона. Как я сам не додумался?

– Микоген? – ошарашенно переспросил Селдон, глядя по очереди то на Дорс, то на Челвика. – Что за Микоген? И где?

– Гэри, прошу тебя, я тебе потом расскажу. Надо соби-

раться. Ты уедешь сегодня вечером.

32

Дорс уговорила Селдона немного поспать. Тронуться в путь им предстояло в то время, как в Университете гасили огни, так сказать – под покровом «ночи».

– А ты опять на полу уляжешься? – спросил Селдон.

Она пожала плечами:

– Кровать узкая, и, если мы уляжемся вдвоем, мы оба не выспимся.

Селдон испытующе посмотрел на Дорс и сказал:

– Тогда на полу лягу я.

– Вот уж нет. Это же не я замерзала в снегу!

В общем, они так и не заснули. Погасили свет, стало тихо, вечный гул Трентора лишь слегка нарушал тишину. Селдон решил заговорить:

– Дорс... Я себя неловко чувствую. Я тебе столько хлопот доставил. Из-за меня ты от своей работы отвлекалась. Но... понимаешь, мне жаль прощаться с тобой.

– Зачем же прощаться? Я еду с тобой. Челвик хлопочет об отпуске для меня.

– Я не посмел бы просить тебя об этом.

– И не надо. Меня попросил Челвик. Я обязана беречь тебя. Ведь я так опростоволосилась, из-за меня ты попал в беду. Теперь должна реабилитироваться.

– Прощу тебя! Пожалуйста! Ты ни в чем не виновата!.. Правда, честно говоря, я действительно чувствую себя спокойнее, когда ты рядом. Если бы только я был уверен, что не мешаю тебе...

– Не мешаешь, Гэри, – нежно проговорила Дорс. – Спи, пожалуйста.

Селдон немного помолчал, потом спросил шепотом:

– Дорс, а ты уверена, что Челвик все сумеет организовать?

– Он – удивительный человек, – ответила Дорс. – У него полно связей – и здесь, в Университете, и где угодно. Раз он сказал, что может договориться и выбить мне бессрочный отпуск, значит, договорится. Он очень упрямый.

– Знаю... – вздохнул Селдон. – Знаешь, порой я задумываюсь: чего он от меня на самом деле хочет?

– Того, о чем говорит. Он фанатик, мечтатель.

– Похоже, ты его хорошо знаешь, Дорс.

– Да, очень хорошо.

– Близко?

Дорс фыркнула:

– Вот уж не знаю, о чем это ты, Гэри. Хорошо, я тебе отвечаю прямо: нет, не близко. А вообще, какое тебе дело?

– Прости... – прошептал Селдон. – Просто, понимаешь, я боялся, что случайно, не нарочно перейду границу чужой...

– Собственности? Нет, это просто невыносимо. Давай-ка засыпай лучше.

– Дорс, прости, но я не могу заснуть. Ну, давай поговорим

о чем-нибудь другом. Ну, хотя бы о Микогене. Почему вы решили, что мне там будет хорошо? Что он собой представляет?

– Маленький сектор, население – не больше двух миллионов, если не ошибаюсь. Самое главное – народ там ужасно старомодный, следует древним традициям. Кроме того, судя по всему, там хранятся такие исторические документы, которые больше нигде днем с огнем не сыщешь. Очень может быть, именно в этих документах ты разыщешь такие сведения о доимперских временах, которые отсутствуют в ортодоксальных хрониках. Я вспомнила о Микогене именно из-за того, что в разговоре мы коснулись древней истории.

– А сама ты когда-нибудь видела эти записи?

– Нет. Не уверена, чтобы их вообще кто-то видел.

– Но как ты тогда можешь утверждать, что они существуют?

– Не могу и не утверждаю. Понимаешь, микогенцев считают кучкой выживших из ума идиотов, но мне кажется, что это далеко от истины. Они сами утверждают, что такие записи у них имеются, так что не исключено, что так оно и есть. Но учти, нам придется там держать язык за зубами. Микогенцы очень необщительны, замкнуты... Ну а теперь постарайся все-таки уснуть, ладно?

В конце концов Селдон с горем пополам уснул.

Гэри Селдон и Дорс Венабили покинули Университет в три часа пополудни. Селдон понял, что главной в экспедиции будет Дорс. Ну что ж, в конце концов, она знала Трен-тор лучше него – ведь она пробыла здесь на два года дольше. Она была близкой подругой Челвика (но насколько близкой – этот вопрос не давал ему покоя) и, наверное, лучше понимала его замыслы и распоряжения.

Беглецы закутались в легкие плащи с прилегающими капюшонами. Мода на такие плащи в Университете долго не продержалась и прошла давным-давно. Но как бы смешно ни выглядели Дорс и Селдон, такая одежда сейчас как нельзя лучше подходила к случаю – узнать их было невозможно, по крайней мере с первого взгляда.

– Не исключено, – сказал Челвик, – что переделка, в которую ты попал наверху, Селдон, сущая чепуха и никакие шпионы за тобой не гонятся, но на всякий случай надо приготовиться к худшему.

– А ты разве с нами не поедешь? – взволнованно спросил Селдон.

– Хотел бы, – вздохнул Челвик, – но, увы, не могу надолго отлучаться с работы, чтобы не вызвать лишних подозрений. Ясно?

Селдон только вздохнул. Ясно, чего уж там.

Скоро они добрались до станции экспресса и быстро разыскали свободный вагончик. Надо сказать, Селдон был не на шутку удивлен тем, что в столь ранний час на станции оказались пассажиры. «А вообще-то это хорошо, что есть пассажиры, – подумал он. – А то мы смотрелись бы подозрительно».

Потянулись бесконечные кварталы и площади. Длинная вереница вагончиков летела по монорельсовой дороге, влекомая электромагнитным полем.

Мимо пролетали жилые дома – не сказать чтобы очень высокие, но теперь Селдон знал, как глубоко уходят под землю их этажи. Но зачем строить высотные дома здесь, где урбанизированная территория простиралась на десятки квадратных километров? Сорок миллиардов человек запросто могли разместиться на такой площади без всяких небоскребов. Экспресс пролетал мимо незастроенных участков. Многие из них зеленели растительностью – парки в основном. Предназначения некоторых зданий Селдон угадать не мог. Фабрики? Офисы? Кто знает? Вот этот громадный цилиндр – что это такое? Может быть, в нем хранятся запасы еды? Очень может быть, ведь Трентор в них наверняка нуждается. Может быть, собирают осадки, выпадающие на поверхности, фильтруют и хранят? Наверное.

Однако вскоре размышления Селдона были прерваны. – Подъезжаем, – пробормотала Дорс, встала и взяла Селдона за руку.

Выйдя из экспресса, они принялись изучать указатели. Их была целая куча, и Селдон растерялся. Значки, буквы... Наверное, коренному тренторианцу все было бы ясно, но Селдону пиктограммы ровным счетом ничего не говорили.

– Сюда, – твердо объявила Дорс.

– Куда – «сюда»? Откуда ты знаешь?

– Вот смотри, видишь? Два крылышка и стрелка.

– Два крылышка? Где? А-а-а.

А он подумал, что это перевернутое W – на крылышки смахивало слабо.

– Почему бы словами не написать? – пробурчал Селдон.

– Слова везде разные. То, что здесь означает «самолет», на Цинне окажется «лифтом», а в других местах – «планером», а еще где-то – «пике». А это – общегалактический символ воздухоплавательного судна, всем понятный. Разве на Геликоне им не пользуются?

– Не сказал бы. Геликон, понимаешь ли, мир, который довольно крепко держится за свои традиции. Там боятся, как бы в нашу жизнь не внедрилось слишком много чужого.

– Вот! – глубокомысленно проговорила Дорс. – Вот от чего должна плясать твоя психоистория. Ты мог бы доказать, что при наличии огромного числа диалектов использование общегалактических символов может стать объединяющей силой.

– Ничего не выйдет, – вздохнул Селдон, шагая рядом с Дорс по пустым сумрачным переходам и размышляя о том,

какова на Тренторе преступность и не попали ли они сейчас в район, где она выше, чем в других местах. – Можно разработать уйму законов существования того или иного явления, но это не даст возможности сделать обобщающие выводы. Вот что имеется в виду, когда говорят, что система может быть описана с помощью модели столь же сложной, как сама система... Дорс, так мы идем к воздухоплавательному судну?

Дорс остановилась и удивленно уставилась на Селдона:

– А куда же? Если на указателе обозначен аэропорт, ты думаешь, мы придем на площадку для гольфа? Ты что, боишься самолетов, как многие тренторианцы?

– Да нет, с чего ты взяла? На Геликоне часто летают и полно самолетов. Просто когда Челвик вез меня в Университет, он отказался от этого вида транспорта и сказал, что, полети мы самолетом, за нами будет легче проследить.

– Это потому, что тогда твои враги знали, где ты находишься. И потом, я думаю, что Челвик говорил о коммерческих авиалиниях. Теперь же по идее о твоём местопребывании никто и догадываться не может, и полетим мы из маленького, не слишком популярного аэропорта и к тому же – на личном самолете.

– И кто же пилот?

– Друг Челвика, по всей вероятности.

– Думаешь, ему можно доверять?

– Почему же нельзя, если он – друг Челвика?

– Похоже, ты просто безгранично веришь Челвику, – буркнул Селдон.

– Просто не знаю человека, у которого со здравым смыслом дело обстояло бы лучше, чем у него, – ответила Дорс, не поддаваясь на провокацию. Сомнения Селдона не развеялись.

– Вон он, самолет, – проворчал он.

Самолет был маленький, какой-то хрупкий на вид. Рядом с ним стоял мужчина невысокого роста, одетый по-тренториански ярко.

– Мы «психо», – отрекомендовалась Дорс.

– Очень приятно. «История» к вашим услугам, – ответил пилот.

Войдя следом за ним в кабину, Селдон шепотом спросил у Дорс:

– Кто придумал этот пароль?

– Челвик, – ответила Дорс.

– Вот уж никогда не подумал бы, что у него есть чувство юмора! Он всегда такой угрюмый.

Дорс только улыбнулась в ответ.

Глава 8

Протуберанец

*ПРОТУБЕРАНЕЦ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ –
правитель Сектора Микоген древнего Трентора....
О нем, как и о других правителях этого отсталого
сектора, достоверных сведений крайне мало. Его
роль в истории связана исключительно со встречей
с Гэри Селдоном во время Бегства...
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ*

34

В салоне самолета было всего два сиденья. Как только Селдон занял свое место, кресло мягко запрокинулось назад, на ноги и грудь опустился плотный чехол, а на голову – шлем, закрывший лоб и уши. С трудом повернув голову влево, Селдон увидел, что Дорс подверглась той же процедуре.

Пилот занял свое место в кабине и, вертя какие-то рычажки на пульте, сообщил:

– Эндор Леваниан, к вашим услугам. Не волнуйтесь. При взлете будет значительное ускорение, поэтому придется немного потерпеть. Как только наберем высоту, шлем и чехол можно будет убрать. Мне можете не представляться. Ваши имена меня не интересуют.

Развернувшись на своем вертящемся кресле, он вытянул губы трубочкой и весело спросил:

– Ну что, молодежь, трусили маленько, а?

– Я родом не с Трентора и привыкла к самолетам, – небрежно ответила Дорс.

– Я тоже, – несколько оскорбленно буркнул Селдон.

– Ну что ж, молодежь, это замечательно. Правда, самолет не из тех, к которым вы привыкли. Не думаю также, чтобы вы летали ночью, но, как я посмотрю, ребята вы не робкого десятка.

Пилот тоже пристегнулся и надел шлем, но руки у него остались свободными.

Заработал двигатель. Шум его нарастал, становясь все громче и пронзительнее. Ничего особенно неприятного в нем не было, но Селдон поморщился и помотал головой. Ничего хорошего из этого не вышло – шум никуда не делся, а вот шлем плотнее прижался к голове.

Вскоре самолет вспрыгнул (иного слова Селдон просто не мог подобрать) в воздух, Селдона отбросило назад и вжало в спинку сиденья.

Селдон в страхе смотрел вперед. В ветровом стекле кабины пилота он увидел стену. Она круто шла вверх, и вскоре в ней обозначилось круглое отверстие. Совсем как в тот день, когда Селдон с Челвиком летели в воздушном такси. Фюзеляж самолета без труда прошел бы сквозь отверстие, но крылья, крылья!

Селдон скосил глаза вправо и успел заметить, как правое крыло дрогнуло и убралось внутрь фюзеляжа.

Самолет нырнул в отверстие, его подхватило электромагнитное поле и понесло вдоль по освещенному туннелю. Самолет летел плавно, время от времени раздавалось тихое потрескивание. «Видимо, это работают электромагниты, вмонтированные в стены», – решил Селдон.

В туннеле они летели минут десять, не больше, и вскоре самолет вынырнул оттуда и устремился в ночное небо.

Скорость самолета сразу упала, Селдон по инерции наклонился вперед и уперся грудью в край чехла.

Однако давление быстро снизилось, и чехол убрался под пол, а голова освободилась от шлема.

– Ну как вы там, молодежь? – ласково поинтересовался пилот.

– Еще не понял, – ответил Селдон. – Дорс, ты как? В порядке?

– В полном, – отозвалась Дорс. – У меня, правда, такое впечатление, что мистер Леваниан решил проверить, вправду ли мы нездешние. Я права, мистер Леваниан?

– Кое-кому нравятся острые ощущения, – пожал плечами Леваниан. – Или вы не любительница?

– В разумных пределах, – ответила Дорс, а Селдон добавил:

– Конечно, как все. – Пилоту Селдон сказал: – Вы бы не подшучивали так над нами, сэр, если бы попали в положе-

ние, когда у вашего самолета вдруг отвалились крылья.

– Это невозможно, сэр. Я же сказал вам, что самолет у меня не совсем обычный. Крыльями управляет компьютер. Можно менять их длину, ширину, наклон, геометрию, приспособлять все параметры к скорости самолета, скорости и направлению ветра, температуре воздуха и ко многим другим переменным. Крылья не отвалятся, будьте спокойны, если только не развалится сам самолет.

Шлеп, шлеп – застучали по иллюминатору капли.

– Дождь пошел, – сообщил Селдон.

– Дело житейское, – небрежно ответил пилот.

Селдон приник к стеклу. Лети они сейчас над Геликоном, да и над любым другим миром, внизу были бы видны огни. А над Трентором – тьма непроглядная. Хотя... вот мелькнул огонек. Похоже на маяк. Может быть, в самых высоких точках на поверхности ставили маяки?

Дорс, как всегда, заметила любопытство и беспокойство Селдона. Она накрыла его руку ладонью и тихонько проговорила:

– Гэри, я уверена, пилот знает свое дело.

– Дорс, мне хотелось бы верить, что это так, но, – Гэри немного повысил голос, – было бы очень мило, если бы он поделился с нами своим опытом.

– Не возражаю, – откликнулся пилот. – Для начала сообщая, что в данное время происходит набор высоты, и через пару минут мы поднимемся над облаками. Там, естественно,

никакого дождя и в помине не будет и станут видны звезды.

Обещание пилота незамедлительно сбылось. Мелькнули последние клочья облаков, загорелись отдельные звезды, а как только пилот погасил огни в кабине и в салоне – лишь светились шкалы кое-каких приборов, – звезды усыпали ночные небеса.

– Впервые за два года вижу звезды... – восхищенно проговорила Дорс. – Как прекрасно! Такие яркие и как много!

– Трентор расположен ближе к центру Галактики, чем многие другие миры, – объяснил пилот.

А Селдон просто онемел от восторга – такие ночные небеса на Геликоне могли присниться только во сне.

Не отводя глаз от чудесного вида за иллюминатором, Селдон в конце концов справился с охватившим его восхищением и перевел разговор на более житейскую тему:

– А как вы узнаете, куда летите, мистер Леваниан?

– Это не так-то просто, – пилот крикнул. – Однако кое-какая уверенность имеется. К цели меня ведет определенный диапазон микроволн. Я стартую, более или менее приблизительно выбрав направление, а мой компьютер уточняет курс, который, конечно, нужно заранее верно запрограммировать. А дальше – все как по маслу. Если встретится опасность, препятствие, компьютер поднимет машину выше или повернет в сторону, а потом опять положит на курс. Но сейчас ночь, и особых помех быть не должно.

– А если метеорит?

– Один шанс из миллиарда, а то и меньше. Ну, уж если против нас ополчится космическая артиллерия, что подделаешь? Полная безопасность – недостижимый идеал.

– Как мы спокойно летим, – заметила Дорс.

– Да, действительно, – согласился Селдон. – Что у вас за двигатель, мистер Леваниан?

– Микрофузионный, реактивный.

– А я и не знал, что микрофузионные самолеты уже в ходу. О них столько разговоров было, а оказывается...

– Их пока немного, – объяснил пилот. – Пока они есть только на Тренторе и принадлежат исключительно большим правительственным шишкам.

– У Императора есть такой? – спросил Селдон.

Пилот покачал головой:

– Император никогда не путешествует. Уж это вам должно быть известно.

Селдон нахмурился:

– Да, как это я забыл? Наверное, дорогое удовольствие?

– Очень дорогое, сэр.

– Во сколько же оно обошлось мистеру Челвику?

– Оно ему ни гроша не стоило. Мистер Челвик в хороших отношениях с компанией, которая владеет такими самолетами.

Селдон понимающе кивнул.

– А почему, – спросил он немного погодя, – микрофузионных самолетов так мало?

– Ну, во-первых, сэр, это дорого. А во-вторых, тех, которые уже выпущены, хватает за глаза. Спрос, что называется, удовлетворен.

– Можно было бы поднять спрос, если бы был налажен выпуск более вместительных машин.

– Отчего же... наверное, да только пока компании не удастся произвести более мощных микрофузионных двигателей.

Селдон тут же вспомнил о сетованиях Челвика по поводу замедления темпов внедрения изобретений и пробормотал:

– Упадок...

– Что-что? – переспросила Дорс.

– Так, ничего, – покачал головой Селдон. – Просто припомнил кое-что из того, о чем мне говорил Челвик.

Взглянув на звезды, он спросил у пилота:

– Мы летим на запад, мистер Леваниан?

– Попали в точку. Как догадались?

– Просто решил, что, лети мы на восток, мы бы уже должны были увидеть рассвет.

А рассвет, летевший вслед за самолетом, все-таки нагнал его, и вскоре кабину озарили лучи солнца – настоящего солнца. Но этой радости не суждено было продлиться долго: самолет нырнул вниз и оказался в слое облаков. Вспышки золота и синевы исчезли, и за стеклами иллюминаторов потянулся сплошной серый туман. Но ни Селдон, ни Дорс не жаловались на судьбу – ведь им посчастливилось хотя бы

несколько мгновений насладиться настоящим теплом и светом солнца!

Но вот облака остались позади, и перед взорами путешественников предстала во всей красе поверхность Трентора. Она оказалась именно такой, о какой рассказывала Селдону Клозия, – рощицы и травянистые пустоши.

И снова ни Дорс, ни Селдону не удалось надолго углубиться в созерцание пейзажа. Перед ветровым стеклом появилось отверстие, надпись над которым гласила: «Микоген».

Самолет сложил крылья и нырнул в отверстие.

35

Приземлились они в аэропорту, который оказался совершенно безлюдным. Пилот пожал руки Гэри и Дорс, забрался в кабину, поднял машину в воздух, и она тут же исчезла в отверстии. Оставалось, по-видимому, только ждать. Скамеек вокруг было такое количество, что тут могло рассестись не меньше сотни человек, но никого не было, кроме Селдона и Дорс. Аэропорт представлял собой прямоугольную площадку, огороженную высокими стенами – столь высокими, что в них без труда могло разместиться множество туннелей для приема самолетов и их вылета, но на поле было пусто – ни людей, ни самолетов. Тишина и безлюдье – очень не похоже на Трентор.

Селдона это здорово смутило. Поглазев по сторонам, он

обернулся к Дорс и спросил:

– Что мы здесь будем делать? Ты знаешь, куда идти?

Дорс покачала головой:

– Челвик сказал, что нас встретит Протуберанец Четырнадцатый. Больше я ничего не знаю.

– Как-как? Протуберанец Четырнадцатый? Это еще что такое?

– Человек, по всей вероятности. Только я не поняла, мужчина это или женщина.

– Ну и имечко! Странное, я бы сказал.

– Знаешь, это зависит от тебя. Тебе оно, конечно, может казаться странным. А меня, например, по имени часто принимают за мужчину.

– Вот уж глупо! – фыркнул Селдон.

– Ничего глупого. По имени догадаться невозможно. Мне говорили, что в других мирах так частенько называют мальчиков.

– Никогда не встречал мужчин с таким именем.

– Это потому, что ты мало путешествовал по Галактике. Я знавала многих с именем «Гэри», и даже одну женщину – представь себе. Писалось ее имя, правда, иначе, но произносилось именно так. А в Микогене, насколько я припоминаю, личных имен вообще нет, одни фамилии и номера.

– Но... «Протуберанец» – это и на фамилию как-то не похоже!

– Ну и что? У нас, в Цинне, например, «Дорс» на древнем

диалекте означает «весенний дар».

– Тебя так называли потому, что ты родилась весной?

– Вовсе нет. Я родилась в середине лета, и мои родители называли меня так из-за того, что им понравилось, как звучит это имя, вот и все.

– В таком случае, Протуберанец...

– Так меня зовут, варвар... – прозвучал низкий, суровый голос.

Селдон испуганно обернулся вправо. Автомобиль подъехал так тихо, что ни он, ни Дорс не услышали. Машина была громоздкая, старомодная, напоминала почтовый фургон. За рулем сидел высокий тощий старик, державшийся, невзирая на возраст, очень бодро. С помпезной величиественностью он открыл дверцу и ступил на мостовую.

Одет он был в длинную, до пят, белую тунику с широчеными рукавами, присобранными на запястьях. Босые ноги были обуты в легкие сандалии. Крупная красивая голова старика сверкала лысиной.

– Приветствую вас, варвары! – провозгласил старик.

Автоматически откликаясь на его архаическое приветствие, Селдон поклонился:

– Приветствуем и вас, сэр.

Не в силах скрыть удивления, он спросил:

– А откуда вы появились?

– Оттуда, – махнул рукой старик. – Через ворота. Они закрылись за мною. Вы даже не смотрели в ту сторону.

– Да, не смотрели. Но мы и не знали, честно говоря, куда смотреть и чего ждать. Да и теперь не знаем.

– Варвар по имени Четтер Челвик оповестил Братьев о прибытии двоих варваров. Он просил позаботиться о вас.

– Значит, вы знакомы с Челвиком?

– Знакомы. Он оказал нам услугу. И поскольку он, достойнейший из варваров, оказал нам услугу, мы должны отплатить ему услугой. Немногие попадают в Микоген, немногие покидают его. Я должен обеспечить вашу безопасность, предоставить вам жилье, проследить за тем, чтобы вам не мешали. Здесь вам будет хорошо.

– Благодарим вас, Протуберанец Четырнадцатый, – склонила голову Дорс.

Протуберанец неприязненно взглянул на Дорс.

– Обычаи варваров мне ведомы, – презрительно проговорил он. – Я знаю, что у вас женщина имеет право говорить первой и не ждать, когда к ней обратятся. Поэтому я не в обиде. Я только бы попросил женщину быть осмотрительнее с Братьями. Не все наши так хорошо знают ваши обычаи.

– Вот как? – вскинула брови Дорс. Кто-кто, а она явно обиделась.

– Именно так, – подтвердил Протуберанец. – И когда мы наедине, необязательно называть мой порядковый номер. «Протуберанец» – этого будет вполне достаточно. Теперь же я попрошу вас проследовать со мной, дабы я смог поскорее покинуть это место, представляющееся мне невыносимо

варварским. Я себя здесь чувствую неудобно.

– Все не против чувствовать себя удобно, – возразил Селдон. – И мы отсюда никуда не уйдем, покуда вы не заверите нас в том, что нас не станут принуждать соблюдать ваши традиции и этикет, к которым мы не привыкли. А мы привыкли к тому, что женщина говорит тогда, когда ей вздумается. Если вы решили предоставить нам безопасность и покой, покой должен быть не только физическим, но и психологическим.

Протуберанец недовольно уставился на Селдона:

– Ты нагл, юный варвар. Твое имя?

– Я Гэри Селдон с Геликона. Моя спутница – Дорс Венабили с Цинны.

Когда Селдон назвал свое имя, Протуберанец слегка наклонил голову, но никак не отреагировал на имя Дорс.

– Я поклялся, – сказал он, – варвару Челвику, что ты будешь в безопасности, значит, так оно и будет, и я сделаю все возможное, чтобы эта женщина, твоя спутница, тоже была в безопасности. Если она желает выказывать непокорство, это ее дело, я постараюсь, чтобы она не пострадала за это. Однако одно условие вам придется выполнить.

Указав на головы Селдона и Дорс, он сообщил:

– Вот это надо будет убрать.

– Что именно? – поинтересовался Селдон.

– Волосы, – презрительно скривился Протуберанец.

– Вы предлагаете нам выбрить головы, как у вас? Ну, уж нет!

– Моя голова не выбрита, варвар Селдон. Как только я достиг совершеннолетия, я подвергся обряду депиляции, как и все Братья, как и все женщины.

– Ну, если речь идет о депиляции, тогда тем более нет.

– Варвар, я не говорю ни о бритье, ни о депиляции. Я прошу лишь о том, чтобы ваши волосы были покрыты, когда вы – среди нас.

– Это как?

– Я привез для вас шапочки, дабы вы могли покрыть ваши головы. Они снабжены полосками, которые прикроют надглазную растительность... ах да, вспомнил – брови. Вы будете носить эти шапочки, будучи рядом с нами. И, конечно же, варвар Селдон, тебе придется бриться ежедневно, а то и чаще, если понадобится.

– Но ради чего все это?

– Мы считаем растительность на голове возмутительной и позорной.

– Но вы, безусловно, должны знать, что никто в Галактике так не считает!

– Мы знаем. И тем из нас, кто общается с варварами, приходится волей-неволей взирать на эту растительность. Мы страдаем, но смотрим, однако было бы несправедливо и жестоко заставлять всех Братьев созерцать то, что, на наш взгляд, оскорбительно.

– Ну, хорошо, Протуберанец, хорошо, – проворчал Селдон. – Но скажите, я хочу понять... Рождаетесь вы, как все, с

волосами на голове и, как я понял, до совершеннолетия носите их. Так? Зачем же их потом удалять? Это просто обычай или за этим кроется что-то рациональное?

Старик-микогенец гордо ответил:

– Депиляция, варвар, показывает юноше, что он стал взрослым, а взрослые после этого уже никогда не забывают, кто они, и помнят, что все остальные – варвары.

Не дождавшись ответа на свою тираду (честно говоря, Селдон и не нашелся, что ответить), Протуберанец вытащил из потайного кармана пригоршню кусочков разноцветного пластика, пристально разглядел лица новых знакомых и протянул им шапочки.

– Цвета должны подойти, – сказал он. – Никто, конечно, не поверит, что вы прошли депиляцию, но зато вы никого не оскорбите своим видом.

Протуберанец подошел к Селдону и показал, как надеть шапочку.

– Прошу тебя, варвар Селдон, надень ее. Поначалу будет казаться, что это трудно, но потом ты привыкнешь.

Селдон напялил шапочку, но она все время сползала с головы.

– Начни с бровей, – посоветовал Протуберанец и уже протянул было руки, чтобы помочь.

– Может, поможете, правда? – улыбнулся Селдон.

Протуберанец отшатнулся в ужасе:

– Нет! Это немыслимо! Тогда я коснусь волос!

В конце концов Селдон с горем пополам натянул шапочку, вняв совету Протуберанца. Дорс справилась с шапочкой в два счета.

– А как ее снимать? – поинтересовался Селдон.

– Потянуть за краешек в любом месте. Вообще ты сам поймешь, что и надевать шапочку, и снимать гораздо легче, если немного подстричься.

– Нет уж, я лучше помучаюсь, – отшутился Селдон и, обернувшись к Дорс, утешил ее: – А ты все такая же хорошенькая, Дорс, тебе даже идет, правда, характера в лице стало чуть меньше.

– Он никуда не делся, весь при мне, – заверила его Дорс. – Не горюй, привыкнешь ко мне вот такой, лысой.

– Не хочу, – прошептал Селдон. – Не хочу привыкать и надеюсь, мы не пробудем здесь слишком долго, чтобы пришлось.

Протуберанец надменно отвернулся, не желая слушать, о чем шепчутся варвары.

– Если вы сядете в мою машину, – проворчал он, – я отвезу вас в Микоген.

36

– Честно говоря, – призналась Дорс, – я не верю, что я в Микогене.

– Надо понимать, что ты ничего подобного раньше не ви-

дела? – спросил Селдон.

– Я ведь всего два года на Тренторе и из Университета почти никуда не выбиралась. Так что путешественницей меня не назовешь. Бывала, конечно, кое-где, кое-что слышала, но такого... обезличивания... – прошептала она.

Протуберанец вел машину ровно и неторопливо. По пути им встречались другие автомобили. Лысины водителей поблескивали в лучах огней.

Улица была застроена трехэтажными домами. Все они были на одно лицо. Все улицы пересекались под прямым углом, все кругом было серое, безликое.

– Скучно, – пробормотала Дорс. – Как скучно...

– Уравниловка, – прошептал в ответ Селдон. – Наверное, все это для того, чтобы ни один из Братьев не мог похвалиться перед другими.

На улице было довольно много пешеходов. Тротуары не двигались, не слышалось шума экспресса.

– Похоже, – предположила Дорс, – те, что в сером, – женщины.

– Трудно сказать, – пожал плечами Селдон. – Все в балахонах, все бритоголовые.

– Да, но те, что в сером, посмотри – они или парочками, или вместе с теми, кто в белом. Те же, что в белом, ходят и поодиночке, а Протуберанец – в белом.

– Может, ты и права, – кивнул Селдон. – Сейчас спросим. Протуберанец, я хочу полюбопытствовать...

– Хочешь – спрашивай, но не жди, что я отвечу.

– Мы, похоже, проезжаем жилые районы. Тут ни вывесок, ни промышленных предприятий...

– Наше сообщество – крестьянское. Мы занимаемся только земледелием. Откуда ты родом, если тебе это неизвестно?

– Вы прекрасно знаете, что я нездешний, – огрызнулся Селдон. – На Тренторе я всего пару месяцев.

– Все равно.

– Вы говорите, что заняты земледелием. Но пока нам не встретилось ни единой фермы.

– Они внизу, – коротко ответил Протуберанец.

– Значит, здесь только жилые районы?

– Да, здесь и кое-где еще. Мы такие, какие есть. Все Братья со своими семьями обитают в одинаковых жилищах, каждая когорта живет в коммуне, ничем не отличающейся от других, у всех – одинаковые машины, и все Братья водят их сами. У нас нет слуг, никто не живет за счет труда других. Никто не имеет права никем командовать.

Селдон движением бровей напомнил Дорс о том, что недавно сказал шепотом, и, обратившись к Протуберанцу, спросил:

– Однако кто-то у вас одет в серое, а кто-то – в белое. Это как понимать?

– Это надо понимать так, что одни из людей – Братья, а другие – Сестры.

– А мы?

– Ты – варвар и наш гость. Ты и твоя... – Протуберанец за-
пнулся, – ...твоя спутница не обязаны перенимать все обы-
чаи Микогена. Но тебе придется носить белый балахон, а
твоей спутнице – серый, а жить вы будете в жилище, пред-
назначенном для гостей. От наших жилищ оно ничем не от-
личается.

– Равенство для всех... восхитительный идеал! Но ведь
вас, наверное, становится все больше? Как же быть? Резать
все тот же пирог на более мелкие кусочки, чтобы всем до-
сталось?

– Нас не становится больше. Мы не можем себе этого поз-
волить. Тогда нам понадобилось бы расширять территорию
нашего обитания, а это пришлось бы не по нраву соседним
варварам, или мы были бы вынуждены жить хуже, чем сей-
час.

– Ну а если... – начал было Селдон, но Протуберанец рез-
ко оборвал его:

– Хватит, варвар Селдон. Я предупредил тебя: я не обя-
зан отвечать. Мы пообещали нашему другу, варвару Челви-
ку, обеспечить тебе безопасность, покуда ты не станешь вме-
шиваться в нашу жизнь. Это мы сделаем, но не более того.
Любопытство позволительно, но, если оно переходит грани-
цы, мы можем выйти из себя.

Сказано это было таким тоном, что у Селдона пропало
всякое желание задавать вопросы. Челвик явно не все рас-
сказал о Микогене, разбавил, так сказать, краски.

А ведь Селдону нужна была не только безопасность. Не только и не столько. Еще ему нужны были знания, и, если он их не раздобудет, оставаться тут не имеет никакого смысла.

37

Селдон без особого удовольствия разглядывал предоставленные им комнаты. Квартирка была крошечная, но при этом в ней имелась изолированная кухня и малюсенькая, но опять-таки изолированная ванная. Две узкие кровати, два гардероба, стол, два стула – короче, все необходимое для жизни в спартанских условиях.

– На Цинне у нас тоже были изолированные кухня и ванная, – с ностальгическим удовольствием проговорила Дорс.

– Я не могу этим похвастаться, – вздохнул Селдон. – Геликон – планета небольшая, но я жил в современном городе. Изолированные кухни и ванны, по-моему, это жутко неэкономно. Ну, еще в гостинице – туда-сюда, но в целом районе – ты представь только, сколько тут кухонь и ванн!

– Еще одно проявление равенства, вероятно, – предположила Дорс. – Никто не сражается за свободные кабинки и место у плиты. У всех все одинаковое.

– И ничего своего между тем. Пойми, Дорс, я ничего не имею против в принципе и выделяться из общей массы не любитель. Но... видимо, мы должны были дать им понять, что нам нужны отдельные комнаты. Рядом, но отдельные.

– Уверена, ничего бы не вышло, – ответила Дорс. – Тут экономят пространство; они, судя по всему, и так расстарались. Как-нибудь устроимся, Гэри. Не дети же мы, в конце концов. Я не кисейная барышня, а ты не мальчик.

– Но ты не попала бы сюда, если бы не я.

– И что с того? Это так романтично. Настоящее приключение.

– Ну, хорошо. Какую кровать выбираешь? Советую занять ту, что поближе к ванной.

И Селдон уселся на другую кровать.

– И еще кое-что не дает мне покоя, – сообщил он. – Покуда мы здесь, мы – варвары. Ты, я и даже Челвик. Мы – из другого племени, не из их... как это он сказал? – когорт, что ли, и поэтому не имеем права совать нос в их дела... Но я просто обязан совать нос во все дела. Я сюда за этим и прилетел. Я хочу знать кое-что из того, что известно им.

– Или кажется, что известно, – уточнила Дорс со скепсисом истинного историка. – Я понимаю, у них есть легенды, сочиненные в незапамятные времена, но не уверена, что их можно принимать всерьез.

– Этого мы не узнаем, покуда не выясним, что это за легенды. А они не переведены на другие языки?

– Насколько мне известно, нет. Народ здесь варится в собственном соку. Это просто психоз какой-то, как они дорожат своей замкнутостью, обособленностью. Просто поразительно, как это Челвику удалось пробиться сквозь все заслоны.

– Значит, где-то есть дырочка, – усмехнулся Селдон. – Вспомни, Протуберанец удивился, даже вспыхнул, когда оказалось, что я не знаю, чем занимаются в Микогене. Из своих фермерских занятий они, похоже, секрета не делают.

– Но это невозможно утаить. Само название говорит за себя. Слово «Микоген» происходит из древнего выражения, означающего «производитель дрожжей». Мне так говорили, по крайней мере... Я не палеолингвист. Как бы то ни было, здесь действительно занимаются выращиванием самой разнообразной пищевой микроскопической продукции – в первую очередь, безусловно, дрожжей, а еще – водорослей, бактерий, многоклеточных грибов и так далее.

– Ничего удивительного, – пожал плечами Селдон. – Во многих мирах разводят микрокультуру. Даже у нас на Геликоне этим занимаются.

– Но не так, как в Микогене. Это их конек. Методами они пользуются столь же древними, как название их сектора, и держат те в тайне – формулы питательных сред и тому подобное. Мало ли тут чего может быть? И все в секрете.

– Неужто?

– Представь себе. Главное, здесь производятся белок и тонкие вкусовые приправы, так что здешняя продукция сильно отличается от той, что производится в других местах. Объем производства невелик, а цены сказочно высоки. Лично я никогда ничего из производящегося здесь не пробовала, и ты, думаю, тоже. Практически все отсюда уходит на стол к

имперской верхушке и к богачам из других миров. Микоген настолько зависит от этих поставок, что ни для кого не делает секрета из того, что производителем этого замечательного питания является именно он, и никто другой.

– Значит, Микоген богат?

– Не беден, думаю, но подозреваю, что за богатством они не гонятся. Гонятся они за защитой. Имперские власти защищают Микоген, поскольку без него лишились бы деликатесных специй, придающих восхитительный вкус любому блюду. Вот и выходит, что Микоген зарабатывает себе право жить так, как ему хочется, и заноситься перед соседями.

Дорс осмотрелась и сказала:

– Истинные аскеты. Ни головидения, ни книг.

– А у меня вроде бы одна книжка стоит в шкафу, – сообщил Селдон, потянулся, достал книгу, посмотрел на обложку, скривился и объявил: – Поваренная книга.

Дорс взяла у него библиокассету и принялась нажимать кнопки. Система оказалась не совсем обычная, но довольно скоро загорелся маленький экран. Просмотрев несколько страниц, Дорс сказала:

– Да, тут есть кое-какие рецепты, но большей частью этот труд посвящен философским вопросам гастрономии.

Она выключила экран и повертела кассету в руках.

– Запаянная она, что ли? Непонятно, как вытащить одну кассету и вставить другую. Сканер на одну книгу? Вот тебе и экономия!

– А может, они думают, что и одной книги хватит, – предположил Селдон, поглядел на тумбочку, стоявшую между кроватями, и сказал: – Смотри-ка, какой-то приемник, а экрана нет.

– Наверное, они считают, что достаточно звука.

– Интересно, как он работает?

Селдон вертел приемник так и сяк, разглядывал со всех сторон.

– Ты когда-нибудь такой видела?

– Один раз. В музее. Не уверена, что точно такой. Тут, похоже, просто хранилище всяких древностей. Наверное, они окружают себя всякой рухлядью для того, чтобы отличаться от так называемых варваров. Из-за приверженности к старине и странных обычаев они становятся в чужих глазах чудачками и людьми второго сорта. Удивительный образчик парадоксальной логики.

Селдон еще немного повозился с приемником и воскликнул:

– Ой! Он включился. Только я ничего не слышу.

Дорс взяла с тумбочки и поднесла к уху маленький плоский цилиндр.

– Там слышен какой-то голос, – сказала она немного погодя. – Возьми, послушай.

Селдон взял у нее приемник, приложил к уху...

– А, понятно! Он как наушник работает. Ой, как громко. Что? Понятно, вы меня слышите... Да, это наша комната...

Какой номер? Не знаю, какой номер. Дорс, ты знаешь, какой у нас номер?

– Посмотри, там на приемнике какой-то номер написан. Может, это то, что им нужно?

– Может быть, – с сомнением в голосе ответил Селдон. – Вы слушаете? – спросил он у того, кто говорил с ним. – Тут написано: БЛТ – 3648А. Достаточно? Послушайте, скажите, где узнать, как правильно пользоваться этим устройством? Да, и кухней заодно? Что вы хотите этим сказать: «Все работает, как обычно»? Для меня это – пустые слова. Понимаете, я ведь... варвар и почетный гость. Я не знаю, что у вас значит – «как обычно»... Да, простите за мой акцент. Что? Очень рад, что вы сразу поняли, что говорите с варваром... Меня зовут Гэри Селдон.

Гэри умолк и уставился на Дорс с невыразимой мукой, не отрывая наушника от уха.

– Сказал, что должен проверить. Наверное, сейчас скажет, что не нашел моего имени... О, вы меня нашли? Отлично. В таком случае помогите мне. Да. Да. Да, а как позвонить за пределы Микогена? Никак? А как разыскать, к примеру, Протуберанца Четырнадцатого? Ну, не его самого, так его помощника какого-нибудь, заместителя? Ага, ясно. Благодарю вас.

Не без труда оторвав наушник от уха, Селдон водрузил все устройство на тумбочку и сообщил:

– Они решают вопрос о том, кто нам покажет то, что мож-

но показать, но этот человек не сказал, когда это произойдет. За пределами Микогена ни с кем связаться нельзя, по крайней мере с помощью этой штуки. Значит, Челвика мы не разыщем, даже если он нам понадобится. А если я захочу связаться с Протуберанцем Четырнадцатым, придется поклониться в ножки целой шайке бюрократов. Может, тут и равенство, не знаю, но только и у равенства есть исключения. Конечно, никто ни за какие коврижки не признается, что исключения есть.

Взглянув на часы, Селдон прибавил:

– Знаешь, Дорс, читать поваренную книгу и уж тем более кулинарные эссе я не намерен. Часы у меня стоят по университетскому времени, так что я не в курсе, можно ли сейчас по нынешним канонам улечься в постель, но мы почти всю ночь не спали, и я не против вздремнуть.

– Я тоже. Жутко устала.

– Вот и славно. А когда встанем, я хочу выпросить разрешения посетить дрожжевую плантацию.

– Тебе это интересно? – изумилась Дорс.

– Не слишком. Однако раз это – предмет их гордости, они хотя бы говорить об этом не откажутся. Стало быть, употреблю все свое очарование, заставлю их разговориться, а там, глядишь, и до легенд дело дойдет. Мне кажется, это я здорово придумал.

– Будем надеяться. Но не уверена, что микогенцев так уж легко перехитрить.

– Посмотрим, – упрямо проговорил Селдон. – Легенды эти я раздобуду во что бы то ни стало.

38

На следующее утро Гэри снова принялся названивать. Он был жутко зол, в частности, из-за того, что страшно проголодался.

Попытка дозвониться до Протуберанца Четырнадцатого не удалась. Некто ответил, что его нельзя беспокоить.

– Почему? – недоуменно поинтересовался Селдон.

– Отвечать на этот вопрос я не обязан, – ответил холодный голос.

– Мы сюда прибыли не для того, чтобы сидеть взаперти, – так же холодно сказал Селдон. – И не для того, чтобы умирать с голоду.

– Уверен, у вас есть кухня и запас продуктов.

– Есть, – согласился Селдон, – но мы не знаем, как пользоваться кухонными устройствами и как готовить пищу – сырую ее есть, жарить, парить или...

– Не могу поверить, что все это вам неизвестно...

Тут Дорс, которая во время разговора расхаживала по комнате, сделала попытку завладеть наушником, но Селдон предостерегающе поднес палец к губам и прошептал:

– Он не станет говорить, если услышит женский голос.

А в микрофон он сказал твердо и упрямо:

– Можете вы поверить или нет, для меня никакого значения не имеет. Вы немедленно пришлете сюда кого-нибудь, кто нам поможет, а если вы этого не сделаете, я пожалуйюсь Протуберанцу Четырнадцатому, и вы поплатитесь, будьте уверены.

Однако угроза его возымела действие только через два часа. Селдон к этому времени был близок к истерике, а Дорс исчерпала все способы успокоить его.

А явился к ним молодой человек с веснушками на сияющей лысине. Не будь он лысым, он наверняка был бы рыжим.

Он принес какие-то кастрюльки и уже собрался было начать объяснять, как ими пользоваться, как вдруг занервничал и быстро повернулся к Селдону спиной.

– Варвар! – проговорил он дрожащим голосом. – У тебя шапочка съехала.

Селдон, который буквально кипел от злости, буркнул:

– Мне это нисколько не мешает.

Дорс урезонила его:

– Давай я поправлю, Гэри. Вот тут немного съехала, слева.

Селдон пробурчал:

– Можете обернуться, юноша. Как вас зовут, кстати говоря?

– Гром Пятый, – растерянно ответил микогенец, обернувшись и подозрительно посмотрел на Селдона: – Я новообращенный. Я принес вам еду. Из моей кухни. Моя женщина приготовила.

Он поставил судки на стол. Селдон поднял крышку одного из них и пристрастно разглядел содержимое. Вскоре он изумленно сообщил Дорс:

– Представь себе, пахнет не противно.

– Представляю, – кивнула Дорс. – Мне нравится, как пахнет.

Гром смущенно промямлил:

– Остыло по дороге, наверное. Посуда должна быть у вас на кухне. Тарелки, вилки.

Дорс принесла все необходимое. После еды, обильной и довольно вкусной, Селдон сразу подобрел.

Дорс, поняв, что юноша чувствует себя неудобно в ее обществе, решила, что посуду уносить и мыть придется ей, и, как ей ни хотелось расслабиться после еды, удалилась на кухню. Немного повозившись с посудомойкой, она поняла, как с ней управляться, и принялась за дело.

А Селдон тем временем поинтересовался, который сейчас час в Микогене, и был не на шутку потрясен.

– То есть – середина ночи? – удивленно спросил он у юноши.

– Именно так, варвар, – подтвердил Гром. – Поэтому-то и не удалось сразу удовлетворить твою просьбу.

Тут-то до Селдона дошло, почему нельзя было беспокоить Протуберанца. Он в красках представил себе, как Гром среди ночи будит свою супругу, чтобы та готовила еду для какого-то варвара, и ему стало нестерпимо стыдно.

– Прошу прощения, – смущенно пробормотал он. – Мы всего-навсего варвары и не знали, как обращаться с кухней и готовить еду. Не могли бы вы прислать кого-нибудь утром, чтобы нас этому научили?

– Самое большее, что я могу устроить, – торжественно пообещал Гром, – это прислать вам двух Сестер. Прошу прощения за то, что тебе, варвар, предстоит вынести общение с женщинами, но только они умеют управляться со всеми этими вещами.

Дорс как раз в эту минуту вышла из кухни и, совершенно позабыв о своем месте в патриархате Микогена, радостно воскликнула:

– Как здорово, Гром! Пусть приходят! Так интересно познакомиться с Сестрами!

Гром испуганно взглянул на нее, но промолчал. Селдон, поняв, что Гром попросту пропустил мимо ушей все, что сказала какая-то там женщина, повторил слова Дорс:

– Да, пусть приходят. Очень интересно было бы с ними познакомиться.

Гром незамедлительно просиял:

– Едва настанет новый день, я тут же пришлю их.

Как только Гром удалился, Селдон радостно потер руки и сказал:

– А ведь Сестры – это, похоже, именно то, что нам нужно.

– Правда? И почему же, Гэри?

– Ну... понимаешь, мне кажется, если мы будем относить-

ся к ним по-человечески, они проникнутся к нам законной благодарностью и расскажут о своих легендах.

– Если они их знают, – скептически фыркнула Дорс. – Что-то мне не верится, что микогенские женщины получают образование наравне с мужчинами... если тут вообще можно говорить о каком-то образовании.

39

Сестры явились часов через шесть. За это время Селдон и Дорс еще немного поспали, решив, что нужно приспособить свои биологические часы к местному времени.

Вошли Сестры робко, чуть ли не на цыпочках. Одеты они были в серые балахоны (которые, как выяснилось позднее, на микогенском диалекте именовались «кертлами») – мягкие, бархатистые, украшенные незатейливым, более темным орнаментом. Не сказать чтобы вид у балахонов был отталкивающий, но они явно предназначались для того, чтобы скрыть все подробности фигуры. Головы у Сестер, естественно, были лысые, на лице – никакой косметики. Обе смущенно взглянули на Дорс, веки которой были немного подкрашены голубоватыми тенями, а губы чуть тронуты красной помадой.

«А как узнаешь, Сестры это или не Сестры никакие, а наоборот – Братья?» – мелькнула у Селдона озорная мысль.

Он незамедлительно получил ответ: Сестры поздорова-

лись и представились.

Говорили они нараспев, высокими, мелодичными голосами. Селдон помнил суровый баритон Протуберанца и басок Грома и подумал, что, вероятно, женщин, для того чтобы они отличались от мужчин, приучают тут говорить тонкими голосами и жеманничать.

– Я – Капелька Сорок Третья, – пропищала одна из Сестер. – А это – моя младшая сестра.

– Капелька Сорок Пятая, – поклонилась вторая Сестра. – Это самое распространенное имя в нашей когорте.

– Рада познакомиться с вами, – сказала Дорс. – Но скажите, как вас различать? Как к вам обращаться, когда вы вместе? Просто «Капелька» нельзя?

– Нет, – покачала головой Капелька Сорок Третья. – Когда мы вместе, нужно называть нас полными именами.

– Ну а как насчет просто «Сорок Третьей» и «Сорок Пятой», дамы? – улыбнулся Селдон.

Они быстро взглянули на него, но ничего не ответили. Дорс тихо проговорила:

– Не надо, Гэри. Я сама.

Селдон отошел в сторону. Наверное, они молодые, незамужние и им вообще нельзя говорить с мужчинами. Старшая казалась серьезнее младшей и, вероятно, была более пуритански настроена. Правда, пока было сказано всего несколько слов, брошен один-другой взгляд и выводы делать было трудно, но кое-что Селдон для себя решил.

Дорс сказала:

– Беда в том, Сестры, что мы – варвары и не знаем, как обращаться с кухней.

– Ты хочешь сказать, что не умеешь готовить еду? – обескураженно и даже несколько презрительно спросила Капелька Сорок Третья. А Капелька Сорок Пятая с трудом сдержала смех. (Селдон понял, что вывод его был верен.)

– У меня когда-то была своя кухня, – объяснила Дорс, – но она была совсем другая, и потом, я не знаю, что это за продукты и как из них готовят.

– Это так просто! – воскликнула Капелька Сорок Пятая. – Мы тебе покажем!

– Мы приготовим для вас хороший и питательный завтрак, – сказала старшая Сестра. – Для... вас обоих.

Последняя фраза ей явно далась с трудом. Присутствие мужчины смущало ее.

– Если вы не возражаете, – предложила Дорс, – я побуду с вами на кухне, пока вы будете готовить, и вы мне все расскажете. В конце концов, Сестры, вы же не сможете приходить сюда по три раза в день?

– Мы тебе все покажем, – кивнула Капелька Сорок Третья. – Варвары, правда, очень непонятливы. Тут нужно... чутье.

– Я буду очень стараться, – с очаровательной улыбкой пообещала Дорс.

Все трое исчезли за дверью кухни. Селдон проводил их

взглядом и принялся продумывать стратегию дальнейших наступательных действий.

Глава 9

Микроферма

МИКОГЕН....Микрофермы *Микогена*
легендарны, хотя сегодня память о них жива
лишь в поговорках типа «богатые, как микрофермы
Микогена» или «вкусный, как микогенские дрожжи».
Подобных панегириков с годами становится
все больше, однако Гэри Селдон побывал на
микрофермах во время Бегства, и в его
мемуарах присутствуют упоминания о них,
которые поддерживают ту распространенную
точку зрения, что...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

40

– Восхитительно! – воскликнул Селдон. – Намного вкуснее того варева, которым нас потчевал Гром.

Дорс урезонила его:

– Не забывай, жена Грома готовила еду наспех, посреди ночи. Жена? По-моему, он сказал «моя женщина». Да, точно. У них «женщина» звучит примерно так же, как «мой дом», «моя одежда». Жутко унинительно.

– Да, возмутительно, не спорю. Но мне кажется, что у них

и «жена» звучало бы не лучше. Так уж они живут, и, похоже, Сестры не возражают. Ни тебе, ни мне тут ничего не изменить. Кстати, ты поглядела, как Сестры готовили?

– Да, и на вид все выглядело довольно просто. Я, правда, сказала, что вряд ли все запомню, но они заверили, что запоминать ничего не надо и что я вполне управлюсь, если буду просто разогревать еду. Еще я поняла, что в хлеб добавлена какая-то приправа, от которой он становится таким пышным и хрустящим. Ты почувствовал? Он как бы немного приперчен.

– Не заметил. Я заметил другое: мне его было мало. А суп? Ты поняла, из каких он овощей?

– Нет.

– Ну а жаркое? Мясо было такое нежное, просто пальчики оближешь!

– Сомневаюсь, чтобы это было мясо. Правда, на Цинне готовят нечто подобное из мяса молодого барашка...

– Но барашек абсолютно ни при чем?

– Я только сказала, что сомневаюсь. И потом, я не думаю, что кто-то за пределами Микогена так питается. Даже Император. Что бы микогенцы ни экспортировали, я убеждена, лучшее они оставляют себе. Ой, Гэри, лучше нам здесь надолго не задерживаться. Если мы привыкнем к такой еде, нам больше нигде ни за что не прожить. Все будет казаться пресным, невкусным! – Дорс рассмеялась.

Селдон тоже засмеялся, отхлебнул еще немного фрукто-

вого сока (такого вкусного он не пил никогда в жизни) и сказал:

– Послушай... Когда Челвик вез меня в Университет, мы остановились в придорожном буфете, и еда там была дрожжевая. Но вкус... – Селдон брезгливо поморщился. – Ладно, не важно, какая она была на вкус, вспоминать неохота, но тогда мне и в голову не пришло бы, что дрожжевая пища может быть такой восхитительно вкусной. Жаль, что Сестры ушли. Надо бы поблагодарить их от души.

– Думаю, они уверены, что нам понравится. Я восхищалась запахами, а они мне сказали, что на вкус будет еще лучше.

– Не сомневаюсь, это сказала старшая.

– Да, младшая в основном хихикала. Кстати, они еще зайдут. Они принесут мне кертл, чтобы я могла пройтись с ними по магазинам. Между прочим, они мне посоветовали смыть косметику, когда я выхожу из дома. Они мне покажут, где можно купить кертлы покрасивее, где приобрести полуфабрикаты, которые нужно будет только разогревать. Они дали мне понять, что хорошо воспитанные Сестры брезгуют таким способом приготовления пищи. Но, правду сказать, у нас они тоже кое-что разогревали и дико при этом извинялись. Не преминули, кстати, поязвить на тему о том, что варвары вообще-то в кулинарии не сильны и что нам больше подойдет разогретая еда. Причем обе дали мне понять, что хождение за покупками и приготовление пищи – дело

исключительно мое.

– То бишь как говорится: «Будучи на Тренторе, води себя как тренторианец»?

– Я так и думала, что ты так скажешь.

– Я простой человек.

– Вывернулся! – фыркнула Дорс.

Селдон откинулся на спинку стула. Настроение после прекрасного обеда у него было отменное.

– Дорс, ты пробыла на Тренторе целых два года и по идее должна лучше понимать все, что тут творится. Скажи, как ты думаешь, эта странная социальная система Микогена... не является ли она проявлением их веры в сверхъестественное?

– Как-как? В сверхъестественное?

– Да? Тебе так не кажется?

– Но что ты имеешь в виду под словом «сверхъестественное»?

– Ничего особенного. Веру в нечто независимое от законов природы, в нечто такое, что не связано с сохранением энергии, – к примеру, с существованием константы действия.

– Понятно. Ты хочешь спросить, не является ли Микоген религиозным сообществом?

– Религиозным? – в свою очередь удивился Селдон.

– Да. Термин очень древний, но мы, историки, пользуемся им. «Религиозный» – это неточный эквивалент словосочетания «верующий в сверхъестественное», хотя сверхъесте-

ственного в этом понятии хватает. Но ответить на твой вопрос я не могу. Во-первых, специально Микогеном я никогда не занималась. Однако я не удивлюсь, если оно так и окажется. Очень может быть, что у них есть какая-то религия.

– В таком случае, удивишься ли ты, если микогенские легенды тоже окажутся религиозными?

– Нет, не удивлюсь.

– Но это означает, что у них не будет фактической основы.

– Вовсе не обязательно. В каждой легенде может содержаться крупица фактического материала, а уж вокруг этого ядрышка может быть накручено-наверчено все что угодно.

– Ага... – глубокомысленно изрек Селдон и погрузился в размышления.

Наступила пауза. Наконец Дорс не выдержала и сказала:

– Знаешь, ничего сверхнеобычного в этом нет. Многие миры имеют свои собственные религии. И религиозные на строения сейчас, когда в Империи все так зыбко, неустойчиво, как раз крепнут. У нас на Цинне, например, как минимум четверть населения – тритеисты.

Селдон в очередной раз понял, как мало он знает историю.

– Скажи, – спросил он, – а в прошлом были времена, когда религия играла бо`льшую роль, чем сейчас?

– Безусловно. Помимо всего прочего, время от времени возникали и возникают все новые верования. А вот микогенская религия, что бы она собой ни представляла, должна по идее быть довольно молодой и при этом чисто микоген-

ской. Но так, с кондачка, я ничего, конечно же, утверждать наверняка не могу.

– Вот мы и добрались до сути, Дорс. Скажи-ка, не кажется ли тебе, что женщины религиознее мужчин?

Брови Дорс подпрыгнули вверх:

– Не уверена, что следует все так упрощать.

Немного подумав, она добавила:

– Не исключено, что к сверхъестественному более тянутся те элементы сообщества, которые обладают наименьшей долей имущества в материальном, вещественном мире, – бедняки, сироты, отверженные. До тех пор, пока сверхъестественное совпадает с религией, этих людей можно считать и более религиозными. Но тут не может не быть исключений. Многие из обездоленных могут отвергать религию, а богатые, обеспеченные люди – принимать ее.

– Но в Микогене, – сказал Селдон, – где женщины приравниваются к домашнему скоту, к вещам, разве так уж невозможно, чтобы они были религиознее мужчин? Разве они не могут больше знать о тех легендах, на которых зиждется это странное сообщество?

– Жизнью рисковать я бы ради выяснения этого вопроса не стала, но на недельный оклад поспорила бы.

– Идет, – кивнул Селдон.

Дорс улыбнулась:

– Вот тебе кусочек психоистории, Гэри. Правило 47854: «Обездоленные более религиозны, чем довольные жизнью».

Селдон покачал головой:

– Не шути с психоисторией, Дорс. Ты же знаешь, что мне нужны не мелкие правила, а обобщающие законы. Я не собираюсь выводить формулы сравнительной религиозности на основании обнаружения сотни специфических правил. Мне нужно что-то такое... такое, чтобы я его пропустил через соответствующую систему математической логики и мог сказать: «Ага, вот эта группа людей будет более религиозна, чем другая, если будут выполнены такие-то и такие-то условия, и тогда, когда человеческое сообщество испытает на себе воздействие таких-то и таких-то стимулов, произойдет то-то и то-то».

– Просто ужас! – возмутилась Дорс. – У тебя люди словно какие-то машины. Нажми на кнопку – получишь результат!

– Нет, не так. Кнопок нужно нажимать много, и все поразному, и результатов от их нажатия будет такое количество и разнообразие, что всякое предсказание будущего неизбежно окажется лишь статистическим, и отдельный человек несколько не будет ограничен в свободе действий и выбора.

– Как ты можешь это утверждать?

– Не могу и не утверждаю. Просто... чувствую, что это должно быть именно так. Если я сумею найти аксиомы, вывести фундаментальные, основополагающие законы гуманики, если можно так выразиться, и подвергнуть их необходимой математической проработке, вот тогда можно будет считать, что я разработал психоисторию. Я же доказал, что тео-

ретически это возможно...

– Но неосуществимо, насколько я помню?

– Я и до сих пор так считаю.

Дорс не смогла сдержать улыбки:

– Гэри, так чем же ты тогда занимаешься? Какое решение может быть у этой задачи?

– Не знаю. Клянусь, не знаю. Но Четтер Челвик так жаждет получить ответ, а я, сам не знаю почему, хочу доставить ему такое удовольствие. Знаешь, он такой упрямый...

– Знаю, как не знать.

Селдон чуть-чуть нахмурился, но ничего не сказал по поводу последней фразы и продолжил:

– Челвик утверждает, что Империя в упадке, что она погибнет и психоистория – единственная надежда на ее спасение. Ну, если не на спасение, хотя бы – на смягчение удара, что без нее человечество если и не погибнет, то, по крайней мере, обречено на долгие страдания. И ответственность за все это он, похоже, возлагает на меня. Понимаешь, на мой-то век Империи хватит, но, чтобы жить спокойно, я обязан сбросить эту ношу с плеч. Я обязан убедить и себя самого, и Челвика в том, что психоистория не имеет никакого отношения к практике. Это чистой воды теория. Но прежде я должен подергать за все ниточки, какие есть, и проверить, все ли оборвутся.

– Ниточки? И сейчас, когда ты размышляешь о тех временах, когда человеческое сообщество было меньше, чем те-

перь, ты дергаешь за одну из них?

– Да. Гораздо меньше. И намного проще.

– И хочешь доказать, что на этом пути нет решения. Думаешь, ниточка порвется?

– Да.

– Но как ты думаешь, кто тебе расскажет, каким был древний мир? Если у микогенцев и существует какое-то собственное представление о доисторической Галактике, Протуберанец ни за что не расскажет о нем варвару. И никто из микогенцев не расскажет. Это закрытое сообщество – госпо-ди, сколько можно повторять! – и его члены до безумия боятся и сторонятся варваров. Ничего, ничего они нам не скажут.

– Придется придумать, как заставить их разговориться. Начать можно, например, с Сестер.

– Да они тебе не то что рассказывать, они и слушать тебя не станут. Для них твои слова – пустой звук, как мои для Протуберанца. Что они могут рассказать?

– И, тем не менее, надо с чего-то начать.

– Дай-ка подумать... Челвик велел мне о тебе заботиться. Я это понимаю так, что я должна помогать тебе, чем могу. Что я знаю о религии? К моей специальности она не имеет никакого отношения, это ты должен понимать. Я ведь специализировалась на исследовании экономических, а не философских движущих сил, однако историю трудно механически разделить на независимые подразделы. Ну, например,

в религиозных центрах при условии популярности той или иной религии часто скапливаются громадные ценности, а это приводит к нарушению экономического равновесия в обществе. Вот тебе, кстати, одно из многочисленных правил, которое непременно следует из того, что ты называл «законами гуманики». Но...

Дорс умолкла и глубоко задумалась.

Селдон не сводил с нее глаз, а Дорс смотрела в одну точку.

Наконец она сказала:

– Понимаешь, это вовсе не обязательно, но очень часто так бывает, что существует какая-то религиозная книга или несколько книг. В таких книгах излагаются обряды, точка зрения на историю, иногда содержатся священные стихи, да мало ли что еще. Как правило, эти книги доступны для всех и служат средством обращения в ту или иную веру. Но порой они хранятся в тайне.

– Думаешь, у микогенцев есть такие книги?

– Честно говоря, не знаю. Будь они в открытом доступе, наверное, я подержала бы в руках хотя бы одну из них, хотя бы слышала, что они есть. Значит, либо таких книг не существует, либо они хранятся в тайне. В обоих случаях тебе на них и одним глазком взглянуть не удастся.

– Ну что ж, в этом что-то есть, – кивнул Селдон.

Примерно через два часа после того, как Гэри и Дорс закончили со вторым завтраком, явились Сестры.

На этот раз обе вошли улыбаясь, а Капелька Сорок Третья, та, что была посерьезнее, протянула Дорс серый балахон – кертл.

– Очень красивая вещь! – улыбнулась Дорс. – А орнамент просто замечательный.

– Ничего такого особенного! – пропищала Капелька Сорок Пятая. – Это мой старый кертл. Наверное, сидеть будет не очень хорошо, ты же выше меня. Но в нем можно выйти на улицу, и мы отведем тебя в самый лучший магазин, и ты сама себе выберешь что-нибудь получше. Там такие красивые есть...

Капелька Сорок Третья нервно улыбнулась и молча, потупив взор, протянула Дорс еще один балахон – белый, аккуратно сложенный. Дорс не стала разворачивать сверток и протянула его Гэри:

– Судя по цвету, это для тебя.

– Может быть, – пожал плечами Селдон. – Только отдай-ка его обратно. Пусть она сама мне даст.

– Ох, Гэри... – Дорс укоризненно покачала головой.

– Сказал – не возьму, значит, не возьму, – уперся Селдон. – Я хочу, чтобы она сама отдала мне эту вещь.

Дорс немного помедлила и неуклюже протянула свернутый балахон Капельке Сорок Третьей.

Та сложила руки за спиной и отшатнулась, смертельно поbledнев. Капелька Сорок Пятая стрельнула глазками на Селдона, быстро шагнула к Капельке Сорок Третьей и обняла ее.

Дорс прошептала:

– Гэри, ты не прав. Уверена, Сестрам не разрешается разговаривать с чужими мужчинами. Зачем доставлять им боль? Она ничего не может поделать. Может, она и варваров никогда не видела.

Обратившись к Капельке Сорок Третьей, Дорс мягко, заботливо спросила:

– Ты видела раньше варваров?

Девушка молча помотала головой.

– Ну, что я говорил? – взмахнул руками Селдон. – Обет молчания относится только к Братьям. Разве послали бы к нам этих девушек, если бы им нельзя было разговаривать с варварами?

– Но, Гэри, может быть, им можно разговаривать только со мной?

– Чепуха. Не верю и не поверю. Я не просто варвар, я почетный гость Микогена. Четтер Челвик просил, чтобы ко мне относились именно так. Сам Протуберанец Четырнадцатый встретил меня и привез сюда. И я не желаю, чтобы ко мне относились так, будто меня не существует. Как только я буду говорить с Протуберанцем Четырнадцатым, я непре-

менно пожалуюсь ему.

Капелька Сорок Пятая захныкала, а Капелька Сорок Третья слегка покраснела.

Дорс собралась было еще раз уговорить Селдона, но тот показал ей кулак и уставился не мигая на Капельку Сорок Третью.

Наконец та подала голос – дрожащий, робкий. Видимо, ей было очень трудно заставить себя обращаться к мужчине.

– Ты не должен жаловаться на нас, варвар. Это будет несправедливо. Ты заставляешь меня нарушать обычаи моего народа. Чего ты хочешь от меня?

Селдон дружелюбно улыбнулся и протянул руку:

– Я хочу, чтобы ты отдала мне одежду, которую принесла для меня, кертл.

Девушка молча протянула ему сверток.

Селдон церемонно поклонился и дружески, тепло поблагодарил:

– Большое спасибо, Сестра.

«Ну что, съела?» – сказал его лукавый взгляд, обращенный на Дорс. Та сердито отвернулась.

Никаких украшений типа вышивки на белом балахоне не было. Видимо, мужчинам излишеств не полагалось. Правда, к балахону прилагался белый же пояс с кисточками, который, по всей вероятности, нужно было как-то по-особому завязывать.

– Пойду в ванную переоденусь, – сказал Селдон. – Я быст-

ро.

Селдон шмыгнул в ванную, но дверь за ним не закрылась. Туда же влетела Дорс и захлопнула дверь за собой.

– Что ты себе позволяешь! – накинулась на Селдона Дорс. – Ты просто тиран, Гэри! Почему ты так мучаешь эту несчастную девушку?

– Но я должен был заставить ее заговорить со мной! – прошипел полушепотом Селдон. – Мне нужно выудить у нее кое-что, и ты это знаешь. Жаль, что пришлось прибегнуть к силе, но как иначе можно было нарушить это проклятое табу?

Дорс хлопнула дверью с другой стороны. Когда Гэри вышел из ванной, она уже успела облачиться в свой балахон. Удивительно, несмотря на шапочку, скрывавшую прекрасные волосы, и мешковатый балахон, Дорс все равно продолжала оставаться весьма привлекательной. Ее балахон был подпоясан более широким поясом, который был сшит из ткани чуть более темной, чем сам кертл. И надо же – спереди пояс застегивался на пряжку из ярко-голубого камня. «О женщины! – подумал Селдон. – Они всегда и всюду стремятся выглядеть красивыми, даже тогда, когда их так притесняют».

– Ну-у-у, – развела руками Дорс. – Ты просто настоящий микогенец. По крайней мере, теперь мы запросто можем выйти на улицу в сопровождении Сестер.

– Да, – кивнул Селдон. – Но только меня гораздо больше интересуют микрофермы. Мне бы очень хотелось, чтобы Ка-

пелька Сорок Третья повела меня на экскурсию на микроферму.

Капелька Сорок Третья широко раскрыла глаза и сделала шаг назад.

– Посмотреть хочется, – спокойно пояснил Селдон.

Капелька Сорок Третья бросила умоляющий взгляд на Дорс:

– Варварша...

– А, понятно, – кивнул Селдон. – Ты, наверное, просто ничего не знаешь про микрофермы.

Видимо, он задел больное место. Не поворачивая головы и глядя по-прежнему на Дорс, девушка чуть-чуть запрокинула голову и сказала:

– Я работала на микрофермах. Там работают все Братья и Сестры.

– Ну, так отведи же меня на экскурсию! – воскликнул Селдон. – И давай больше не будем препираться. Я не Брат, с которым тебе нельзя разговаривать и общаться. Я варвар и почетный гость. Я ношу эту шапочку и балахон, чтобы не привлекать к себе внимания, но я – ученый, и покуда я здесь, мне нужно кое-что узнать. Не могу же я сидеть в этой комнате и изучать стены! Я хочу увидеть то, чего больше нет нигде в Галактике, – ваши микрофермы. Мне казалось, ты сочтешь за честь показать их мне.

– Да, мы гордимся ими, – Капелька Сорок Третья мотнула головой и наконец посмотрела Селдону в глаза. – И я отведу

тебя туда. Не думай, что тебе удастся разузнать наши секреты, если ты за ними охотишься. Я поведу тебя на микроферму завтра утром. Нужно время, чтобы договориться.

– До утра я, так и быть, подожду, – согласился Селдон. – Но ты не обманешь меня? Даешь честное слово?

– Я – Сестра, – гордо ответила Капелька Сорок Третья. – Как сказала, так и сделаю. Слово сдержу, даже данное варвару.

Голос ее к концу последней фразы стал холодным, а вот глаза засверкали. «Что бы это значило?» – без особой радости подумал Селдон.

42

Ночь выдалась беспокойная. Во-первых, Дорс объявила, что она непременно пойдет на микроферму вместе с Селдоном, а он уперся – нет и нет.

– Как ты не понимаешь? – возмущался он. – Весь замысел состоит в том, что мне нужно заставить ее говорить свободно, а для этого нужно поставить ее в необычные условия. Она будет наедине с мужчиной – пускай варваром, не важно. Обычаи уже нарушены, и теперь легче нарушить их еще немножко. А если ты пойдешь с нами, она будет говорить с тобой, а мне достанутся одни отбросы!

– А вдруг с тобой опять что-нибудь случится, как тогда, наверху?

– Ничего не случится. Прошу тебя! Если хочешь помочь мне, останься дома. Если не останешься, я больше не буду иметь с тобой дела. Пойми же, Дорс, это крайне важно для меня. Дорс, я к тебе очень хорошо отношусь, ты мне очень дорога, но тут я поступлю по-своему.

В конце концов Дорс отступилась и только попросила:

– Хотя бы пообещай, что ты будешь добр с ней, пожалуйста!

– А тебе не кажется, что это меня от нее надо защищать? Уверяю тебя, когда был с ней груб, никакого удовольствия я не испытал и не собираюсь допускать такого в дальнейшем.

Вот так они впервые поссорились, и эта ссора не давала Селдону заснуть. Он ворочался с боку на бок, и мысли о ссоре мешались с мыслями о том, что Капелька Сорок Третья может не выполнить данного слова и не прийти утром.

Однако Сестры явились вдвоем как раз тогда, когда Селдон успел наспех позавтракать и облачиться в кертл. Немного повозившись с поясом, он приладил его как следует.

Капелька Сорок Третья, взгляд которой по-прежнему хранил суровость, сказала:

– Если ты готов, варвар Селдон, то моя сестра останется с варваршей Венабили.

Голос у нее сегодня был не писклявый и не хриплый. Похоже, она всю ночь напролет тренировалась – как будет разговаривать с тем, кто не Брат, но мужчина.

«Мучила ли ее бессонница?» – подумал Селдон и сооб-

шил:

– Я готов. Хоть сейчас.

Примерно через полчаса они уже опускались вниз по бесконечным лифтам и лестницам. По часам день был в полном разгаре, но даже наверху, на улице, свет был приглушенным, сумрачным.

Интересно почему? Наверняка искусственный солнечный свет, шествуя по планете, должен был задевать и Микоген. Значит, микогенцы сами приглушают освещение – еще одна странная привычка. Глаза Селдона постепенно привыкли к тусклому свету.

Селдон старался как можно спокойнее смотреть на попадавшихся навстречу Братьев и Сестер. Ведь его и Капельку Сорок Третью, как ему казалось, можно было запросто принять за Брата и его женщину, и покуда он не делал ничего такого, чтобы привлечь постороннее внимание, никто не должен был на них глазеть.

Но, увы, Капелька Сорок Третья вела себя именно так, чтобы привлечь внимание. Говорила односложно, почти не раскрывая рта. Было ясно, что шествие в компании с чужим мужчиной, пусть это известно только ей, девушке неприятно. Селдон понял: начини он уговаривать ее расслабиться и не нервничать, она почувствовала бы себя еще более скованно.

Лифты, эскалаторы... казалось, им не будет конца. Да, «эскалаторы», похоже, именно так называла эти движущиеся лестницы Капелька Сорок Третья; Селдон этого слова ни-

когда раньше не слышал.

Чем ниже они опускались, тем сильнее становилось нетерпение Селдона. Нетерпение и удивление.

Микрофермы существовали на многих планетах, и на них выращивались в каждом мире свои микроорганизмы. Селдону на Геликоне доводилось бывать на микрофермах, и там всегда стоял весьма специфический запах – неприятный до тошноты.

Работники микроферм, похоже, свыклись с этим запахом, а посетители... некоторые посетители тоже быстро привыкали. Поморщатся, покрутят носом, а потом, глядишь, уже ходят как ни в чем не бывало. А вот Селдон всегда был необычайно чувствителен к запахам. Он вечно страдал от неприятных запахов и приготовился страдать сегодня. Он, правда, уговаривал себя изо всех сил – мол, придется пожертвовать самочувствием ради столь нужных сведений, но желудок жил по своим законам и уже заранее заявлял о себе.

Однако спуск продолжался, а воздух оставался свежим. В конце концов Селдон не выдержал и спросил:

– Когда же мы доберемся до тех уровней, где расположены микрофермы?

– Уже добрались.

Селдон глубоко вздохнул, принялся.

– А по запаху не скажешь.

– По запаху? О чем это ты? – осмелев настолько, что голос ее стал более громким, удивленно спросила Капелька Сорок

Третья.

– Ну, понимаешь, всякий раз, когда я раньше бывал на микрофермах, там стоял такой... кислый запах. Наверное, это пахли питательные среды, которые нужны бактериям, грибкам, дрожжам.

– Ты бывал на микрофермах? – снова понизив голос, спросила Капелька. – Где же?

– У себя на родине.

– Что, твой народ возится в габелле? – с отвращением спросила Капелька.

Селдон никогда раньше не слышал такого слова, но по выражению лица Капельки понял, что оно значит.

– Нет-нет, не думай, когда продукция готова, она так не пахнет.

– А у нас вообще никогда так не пахнет. Наши биотехнологи разработали замечательные штаммы. Водоросли растут в условиях прекрасного освещения, в тщательно сбалансированных электролитных растворах. Сапрофиты питаются самой лучшей органикой. И этих рецептов и формул никогда не узнать варварам. Ну вот, мы прибыли. Ходи, вынюхивай, что хочешь. Ничего дурного не вынюхаешь. У нас везде хорошо пахнет. Вот почему наши продукты ценятся по всей Галактике, и Император, насколько нам известно, питается только нашей едой. Правда, если бы меня спросили, я бы сказала, что варвар недостойн такой роскоши, даже если он называет себя Императором.

Сказано это было сердито, даже гневно, и весь гнев был обращен на Селдона. Чтобы ему было более понятно, Капелька добавила:

– Да, и даже если он называет себя почетным гостем.

Они зашагали по узкому коридору. По обе стороны стояли большие ванны из толстого стекла, где булькала мутная зеленоватая жидкость, наполненная множеством нитевидных водорослей, кувыркающихся в вихре пузырьков воздуха. «Углекислый газ», – решил Селдон.

Ванны освещали мощные светильники, лившие на них приятный розовый свет, более яркий, чем освещение в проходе. Селдон глубокомысленно проговорил:

– Понятно. Эти водоросли лучше растут в красных лучах спектра.

– Верно, – кивнула Капелька.

– Все автоматизировано, по-видимому?

Она пожала плечами, но не ответила.

– Я спросил потому, что тут совсем не видно ни Братьев, ни Сестер.

– Тем не менее тут есть работа, и она делается, даже если ты не видишь работников. Подробности я тебе не скажу. Это не твое дело.

– погоди. Перестань на меня рычать. Государственные тайны выпытывать я вовсе не собираюсь. Постой, милая, – слово неожиданно сорвалось у него с губ.

Она рванулась вперед, но Селдон удержал ее за руку. Ка-

пелька не пошевелилась, но вся задрожала, и он быстро отпустил ее руку.

– Просто мне показалось, что тут все автоматизировано.

– Пусть тебе кажется что угодно. Однако тут есть работа и для головы, и для рук. Каждому Брату, каждой Сестре приходится время от времени работать здесь. Для некоторых это становится профессией.

Теперь она говорила более свободно, но левой рукой ожесточенно терла правую – то самое место, к которому прикоснулись пальцы Селдона, словно тот ее ужалил.

– Эти ванны тянутся на многие километры, – пояснила Капелька, – но если мы сейчас повернем, то попадем туда, где расположена грибковая секция.

Они зашагали дальше. Селдон поражался царившей в помещениях чистоте. Стекло сверкало. Кафельный пол на вид казался сырым, но, когда Селдон улучил момент и потрогал его, оказалось, что он ошибся. Правду сказать, можно было не наклоняться. Не сыро и ничуть не скользко; во всяком случае, подошвы сандалий – из тех, кстати, по микогенской моде, торчали большие пальцы ног Селдона – не скользили; впрочем, их, вероятно, чем-то смазали.

Кое в чем Капелька Сорок Третья была права. Время от времени им попадались то там, то тут Брат или Сестра, которые молча работали – поправляли шланги, крутили рычажки на пультах. Кто-то выполнял менее квалифицированную работу – протирал оборудование. Все были поглощены сво-

ими занятиями.

Селдон из осторожности не спрашивал, чем заняты раб-ботники фермы: мало ли, вдруг Капелька не сумеет ответить или вдруг, что гораздо хуже, взорвется и заявит, что это не его ума дело.

Вскоре они миновали бесшумно открывшуюся дверь, и вот тут наконец Селдон ощутил некое подобие знакомого запаха. Он бросил взгляд на Капельку, но та и бровью не по-вела. Запах был почти неуловимым, и Селдон скоро привык к нему.

Характер освещения резко изменился, свет стал тусклым, ярко освещено было только оборудование. Время от времени мелькали фигуры Братьев и Сестер. Головы их были укра-шены фосфоресцирующими повязками; на некотором рас-стоянии виднелись крохотные, хаотично мечущиеся искор-ки света.

Селдон украдкой глянул на Капельку в профиль. Раньше, когда он смотрел на ее лицо, он не мог угадать, что за ха-рактер кроется за бледностью, пустыми глазами. Казалось, в этом лице не осталось никакой индивидуальности. А вот в профиль кое-что открывалось. Черты лица у Капельки были правильные – прямой нос, маленький подбородок, пухлые губы. В сумраке даже лысина казалась не столь уж отталки-вающей.

«Да ведь она могла бы быть просто красавицей, отрасти она волосы и сделай прическу! – удивленно подумал Сел-

дон. – Но волосы у нее никогда не отрастут, – была следующая его мысль. – Она так и будет всю жизнь ходить лысая!»

Но почему? За что? Протуберанец сказал, что микогенец всю жизнь должен помнить, что он – микогенец. Почему же именно таким жестоким образом они отличали себя от других?

Селдон привык рассматривать противоположные точки зрения, а потому решил: привычка – вторая натура. Стоит привыкнуть к тому, что все вокруг лысые, такие же, как ты сам, и пышная растительность на голове будет вызывать отвращение. В конце концов, он ведь и сам брился каждое утро и терпеть не мог, когда у него отрастала щетина, однако даже со щетиной его лицо не казалось ему таким уж отвратительным. Он мог в любое время, если бы захотел, отрастить бороду.

Он знал: на некоторых планетах все мужчины поголовно носят бороды. Кое-где их даже не подстригают, не подравнивают. Что бы сказали про него обитатели таких планет, взгляни они на его гладко выбритые щеки и подбородок?

А они все шли и шли вперед, и время от времени Капелька Сорок Третья легонько касалась его локтя, когда нужно было повернуть в ту или иную сторону. Судя по всему, она уже немного осмелела, по крайней мере руку не отдергивала, как от огня, а порой держала его за локоть целую минуту.

Наконец она сказала:

– Сюда! Иди сюда!

– Что такое? – спросил Селдон.

Они остановились перед небольшой тележкой, доверху наполненной маленькими шариками – сантиметра два в диаметре. Рядом с тележкой, по-видимому, только что водруженной на подходящее место, стоял Брат и вопросительно смотрел на них.

Капелька Сорок Третья вполголоса подсказала Селдону:

– Попроси немного.

«Ага, – понял Селдон. – Она не имеет права заговорить с Братом, пока он сам к ней не обратится», – и неуверенно обратился к Брату:

– Можно попробовать, Б-брат?

– Бери хоть пригоршню, Брат, – добродушно предложил работник.

Селдон осторожно взял один шарик и хотел было угостить Капельку Сорок Третью, но, обернувшись, с удивлением заметил, что предложение угощаться она приняла на свой счет и зачерпнула с подноса две пригоршни шариков.

Шарик оказался гладким, приятным на ощупь. Когда они отошли подальше от Брата, Селдон шепотом поинтересовался:

– Это можно есть? – и недоверчиво принялся к шарику.

– Они не пахнут.

– А что это такое?

– Лакомство. Драже. Для экспорта к ним делаются различные добавки, но в Микогене мы едим их просто так, без

всяких добавок.

Отправив одно драже в рот, она призналась:

– Я их ужасно люблю.

Селдон последовал ее примеру. Драже быстро растаяло во рту, он и охнуть не успел. Рот наполнился капелькой жидкости, которая мгновенно стекла по пищеводу.

Какой-то миг Селдон не мог пошевелиться – настолько он был поражен. Драже оказалось чуть сладковатым. После него во рту остался непонятный пряный привкус.

– Можно я еще попробую? – спросил он.

– Бери сразу полдюжины, – посоветовала Капелька Сорок Третья и протянула Селдону пригоршню драже. – Вкус всегда разный, а калорий совсем нет. Попробуй.

Она была права. Селдон пробовал так и сяк: брал драже в рот и давал рассосаться, лизал потихоньку, пытался откусить кусочек. Но как бы легко он ни прикасался к драже, стоило чуть-чуть лизнуть, и оно моментально исчезало. И действительно, у каждого шарика вкус был чуть-чуть да иной.

– Вот беда, – вздохнула Капелька Сорок Третья, – каждый раз попадается что-нибудь необычное, вкус невозможно забыть, но больше такое может никогда не попасться. Помню, было мне лет девять, и мне попало такое...

Мечтательное выражение тут же покинуло ее лицо. Она сказала строгим голосом:

– Прекрасная вещь – это драже. Учит тому, как все зыбко в этом мире.

«А ведь это сигнал, — подумал Селдон. — Хватит, нагулялись. Она уже вполне свыклась с моим присутствием, свободно разговаривает. Пора переходить к делу, и немедленно!»

43

Селдон сказал:

– Сестра, я родом из мира, который раскинулся под открытым небом, как и другие миры, кроме Трентора. Там иногда идет дождь, а иногда сухо, реки порой текут спокойно и лениво, а иногда выходят из берегов, там то жарко, то холодно. А это значит, что урожаи там бывают то плохие, то хорошие. А здесь все так стабильно, продуманно. И урожаю ничего другого не остается, как только быть всегда хорошим. Как счастлив Микоген!

Селдон замолчал и стал ждать ответа. Ответов могло быть несколько, и дальнейшие действия зависели от того, как именно ответит Капелька.

Она и впрямь достаточно осмелела и теперь почти не стеснялась того, что рядом мужчина. Вот что она ответила:

– Стабильности добиться не так уж легко. Состояние среды контролировать приходится постоянно. Порой нападает какая-нибудь вирусная инфекция, а бывают еще неожиданные и нежелательные мутации. Иногда приходится браковать огромные партии продуктов.

– Правда? И что же потом?

– Другого выхода, как только уничтожать забракованные партии, нет. Даже тогда, когда есть хоть малейшее подозрение, что партия недоброкачественная. Тележки, ванны – все подвергается самой тщательной стерилизации, а порой и все оборудование уничтожают.

– Стало быть, на манер хирургии, – кивнул Селдон. – Отсекаете пораженную болезнью ткань.

– Да.

– А что же вы предпринимаете, чтобы предотвратить подобные неполадки?

– Что можно поделать? Проводим непрерывные анализы на мутацию и вирусы, следим за чистотой и составом питательных сред. Изменения мы наблюдаем крайне редко, однако стоит нам заметить что-нибудь, мы предпринимаем немедленные и радикальные шаги. В итоге неурожайных лет у нас почти не бывает, да если и бывают, то страдает всегда лишь небольшая часть урожая. Помню, самый неудачный год у нас был, когда мы потеряли двенадцать процентов урожая. Беда в том, что самые старательные прогнозы, самые продуманные компьютерные программы не всегда способны предсказать то, что на самом деле непредсказуемо.

Селдон от неожиданности вздрогнул. Капелька говорила так, словно рассуждала о психоистории, а на самом деле речь шла всего-навсего о продукции микрофермы в небольшом тренторианском секторе. А ведь он сам все время мыслил

грандиозными масштабами – никак не меньше Галактической Империи.

Неизвестно почему немного обидевшись, словно речь и впрямь шла о его работе, Селдон проговорил:

– Наверняка не все непредсказуемо. Есть силы, которые правят всеми нами и обо всех нас заботятся.

Капелька резко остановилась, обернулась и удивленно, не мигая, взглянула ему в глаза.

– Что? – спросила она.

Селдон принялся неловко объяснять:

– Понимаешь... вот мы говорим о вирусах, мутациях... Это ведь все явления природные и подчиняются, следовательно, законам природы. Ничего сверхъестественного тут нет, верно? Все, что не повинуется законам природы, тут не учитывается. А ведь именно оно может управлять самими законами.

Капелька не отрываясь смотрела на Селдона – так, словно он вдруг заговорил на чужом языке, каком-нибудь древнем, забытом диалекте.

– Что? – еще раз спросила она.

Селдон, запинаясь, продолжил свою мысль, путаясь в незнакомых, непривычных словах:

– Нужно обращаться к чему-то великому, какому-то высшему духу, какому-то – просто и не знаю, как назвать.

Она вполголоса проговорила:

– Я так и думала. Только не сразу поверила, что ты об

этом говоришь. Ты судишь нас за то, что у нас есть *религия*. Почему же ты не сказал прямо? Почему избегал этого слова?

Она ждала ответа, а Селдон, несколько обескураженный тем, что его слова так задели ее, пробормотал:

– Потому что я не привык пользоваться этим словом. Мне более знакомо слово «сверхъестественное».

– Называй, как хочешь. Это религия, и ее у нас нет. Религия – это для варваров, для стада ско...

Она умолкла, чтобы перевести дух, но Селдон не сомневался, что она хотела сказать: «для стада скотов».

Однако Капелька довольно быстро взяла себя в руки.

– Мы – не религиозный народ. Наше царство – от мира сего, от этой Галактики, и так было всегда. Если у тебя есть своя религия...

Селдон почувствовал, что влип. Вот уж чего он никак не ожидал!

– Не сказал бы, что это так... – промямлил он. – Видишь ли, я математик, и мое царство – тоже от мира сего и от этой Галактики. Просто, понимаешь, у вас такие странные обычаи, вот я и подумал, что ваше царство...

– Не думай, варвар. Если у нас странные обычаи, то это потому, что нас мало. Нас миллионы, а вокруг нас миллиарды миллионов. По миллиарду вас на каждого из нас. Должны же мы как-то выделиться, чтобы не затеряться. Нас отличает отсутствие волос, одежда, поведение, образ жизни. Мы обязаны помнить, кто мы такие, и должны быть уверены, что

вы, варвары, помните, кто мы такие. Мы трудимся на наших фермах, чтобы вы ценили нас, высоко ценили. Покуда вы будете ценить нас, вы нас не тронете. Вот и все, чего мы от вас хотим, – чтобы вы нас не трогали, не мешали.

– Я вовсе не хотел причинить вреда ни тебе, ни твоему народу. Я просто ищу знаний. Ищу здесь, как искал бы в любом другом месте.

– И поэтому выказываешь презрение к моему народу, обвиняя нас в том, что у нас есть религия, предлагая нам положиться на какой-то мистический, несуществующий дух, в который мы никогда не верили, чтобы этот дух что-то сделал за нас?

– Но есть масса миров, где люди верят в сверхъестественные силы в той или иной форме, и там это называется религией. В чем-то мы можем быть с ними не согласны, но ведь мы в своем неверии также можем ошибаться, как они – в своей вере. Во всяком случае, ничего дурного я в вере не вижу, и мой вопрос не нес в себе ничего оскорбительного.

Однако, судя по всему, ему не удалось разубедить разгневанную Капельку.

– Религия! – фыркнула она. – Она нам ни к чему!

Селдон окончательно пал духом. Вся эта экскурсия, все его ухищрения – все прахом, все насмарку.

Капелька прибавила:

– У нас есть кое-что получше. Гораздо лучше. У нас есть *история*.

Селдон тут же воспрял и радостно улыбнулся.

Глава 10

Книга

«РУКА НА БЕДРЕ» – случай, описанный в мемуарах Селдона. Он утверждает, что именно этот случай стал поворотным в поисках метода разработки психоистории. К сожалению, в воспоминаниях Селдона отсутствуют подробности этого происшествия, и, сколько бы ни обсуждался этот вопрос в дальнейшем, ясная картина не складывается. Этот случай остается одной из самых удивительных загадок карьеры Селдона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.